К ВОПРОСУ О МЕСТАХ ПРЕБЫВАНИЯ ЧАСТИЦЫ ДРЕВА НОЕВА КОВЧЕГА

Гагик Погосян /Хахбакян/
Общественный институт политических и социальных исследований
Черноморско-Каспийского региона (ОИПСИ ЧКР), Ереван

Abstract
The article reconstructs the history of Noah's Arch relic, a Christian artifact currently exhibited in the Holy Echmiadzin museum, after its acquisition by Archbishop Hakob of Mtsbnin. The author tries to trace its rout from St. Hakob Monasteryin in the village of Akori to Ayri Monastery, the Khaghbakyans' ancestral domain, then – to Shemakha and later back to Geghard Momastery, from where it was moved to Holy Echmiadzin in the XVIII century.

Keywords*: Noah's Arch Relic, Hakob of Mtsbin, Geghard Monastery, Haghbakyans, Adam Olearius, Engelbert Kempfer*

Аннотация
В статье рассматриваются места пребывания христианской реликвии – Частицы древа Ноева ковчега – после ее обретения Св. Акопом Мцбнеци. После некоего события из первоначального своего местонахождения – монастыря Св. Акопа близ селения Акори – святыня была перенесена в один из монастырей, скорее всего, гавара Чахук, став реликвией рода Хахбакян. Затем, после приобретения Прошем Хахбакяном в родовое владение монастыря Айри, реликвия во второй половине XIII в. была перевезена туда. Однако, по какой-то причине с XV по XVI вв. реликвия пребывает в Шамахе, но уже в начале XVII в. вновь возвращается в монастырь, уже именуемый Гегард. В XVIII в. ее перевозят в монастырь Эчмиадзин, где она с тех пор и пребывает.

Ключевые слова: *Частица древа Ноева ковчега, Акоп Мцбнеци, монастырь Гегард, Хахбакяны, Адам Олеарий, Энгельберт Кемпфер.*

Библейское сказание о ковчеге Ноя общеизвестно, менее известна традиция обретения Частицы древа Ноева ковчега, малоизвестно местонахождение Частицы древа и практически неизвестна история путешествия этой реликвии к ее окончательному пристанищу – в музей Св. Эчмиадзина.

Практически во всех традициях история данной реликвии, неразрывно связанная с именем Св. Акопа Мцбинеци (Иакова Нисибинского),[1] называемого Чудотворцем, практически идентична.

---

[1] Акоп Мцбнеци (арм. Հակոբ Մծբնեցի /Մծբինի սուրբ Հակոբ հայրապետ/) (в русской традиции Иаков Нисибинский / Низибийский) (? – ок. 350, Мцбин (арм. Մծբին) / Нисибия (греч. Νίσιβις)), двоюродный брат св. Григория Просветителя Армении, сын сестры Анака Партева. Епископ Мцбина (с 314). Участник первого церковного собора в Никии, признаваемого Вселенским (325). Присутствовал при освящении храма Гроба Господня в Иерусалиме (14.09.335). Организатор 70-дневной обороны Мцбина от персов (338). Участник Антиохийского собора, признаваемого Поместным (341). Возведен Армянской Апостольской церковью в лик святых. Почитаем

Наиболее ранним письменным свидетельством обретения является его упоминание в сочинении армянского автора V в. Фавстоса Бузанда (Православная энциклопедия, Том XX, «Иаков»: 454-455; Бузанд 1953: 20-21). Любопытно, что в греко-сирийской традиции V в. – в «Истории боголюбцев» блаженного Феодорита Кирского в главе жития Иакова Низибийского – нет ни слова об обретении (Феодорит Киррский 1996). Позднее, в сирийской традиции о Мар Иакове в «Истории Нисибинских митрополитов» сохранившаяся в цитатах у хронографа Илии бар Шинайя (Нисибинского) X в., вновь приводится история обретения. Житие Иакова с описанием обретения повторяется и в «Шатбердском сборнике» X в., написанном на грузинском языке Иоанном Бераи (Шатбердский сборник 1979). Последнее практически идентично житию, нашедшему место в 12-томном собрании житий и мученичеств, изданном мхитаристами в Венеции (Աւգերեան Մկրտիչ վրդ. 1814). Приводимый ниже текст является наиболее кратким, усредненным вариантом устного предания, изданного в наше время.

Святой Яков и обломок Ноева ковчега

«*Яков Ницибинский прибыл в Айраратскую область со страстным желанием увидеть Ноев Ковчег, который во время потопа пристал к горе Арарат. И вот на самом трудном месте возле вершины он почувствовал крайнюю усталость и заснул. Явился ему ангел и сказал: «Иаков, Иаков!». Он сказал: «Вот я, Господи». И ангел сказал: «Господь внял твоим мольбам и исполнил твою просьбу. То, что лежит у твоего изголовья, это кусок от древа ковчега; сам я принес для тебя, оттуда это. Ты не должен больше стараться видеть ковчег; другого не увидишь; Господь так пожелал».*

С большой радостью встал Яков Ницибинский, вознес великое благодарение Господу и увидел кусок доски, будто топором отрубленный и вынутый из некоей большой доски. Взяв пожалованный милостиво дар, он и его спутники спустились обратно и пошли своей дорогой». (Ганаланян 1979: 256, Матенадаран, рукопись № 993, л. 141б.).

В различных современных армянских источниках в послесловии сказаний об обретении, как правило, говорится о том, что на склоне горы Большой Арарат, близ села Акори был основан монастырь Св. Акопа.[2] Вообще, на территории исторической Армении и на сопредельных территориях со времен распрост-

православной церковью как Иаков Низибийский. По преданию, совершал множество чудес, даже воскрешал мёртвых, за что назван Чудотворцем и «Моисеем Месопотамии». Известны "18 слов" писанных им на армянском языке по просьбе святого Григория, просветителя Армении. Подробнее о деятельности Акопа Мцбинеци см. Սրբոյ Հօրն մերոյ ՅԱԿՈԲԱՅ Մծբնայ եպիսկոպոսի ՃԱՌՔ 1756.

[2] Монастырь Св. Акопа (арм. Ակոռիի Սուրբ Հակոբ վանք), находился в 5 км. к сев.-зап. от села Акори. По преданию, монастырь был основан самим Акопом Мцбнеци на месте обретения Частицы древа Ноева ковчега. Разрушен вместе с селом от землетрясения 20 июня 1840 г. (Ստեփանյան 1964: 106-107).

ранения христианства построено довольно большое количество культовых строений, посвященных святому Акопу (Иакову), – почитание его в ААЦ чрезвычайно высоко.

Итак, нам известно первоначальное местонахождение Частицы древа Ноева ковчега (далее «Частица» – Г.П.) в IV в. и нынешнее место хранения реликвии – в сокровищнице Святого Первопрестольного Эчмиадзина. Мы попытаемся воссоздать остановки Частицы на всем пути от монастыря Св. Акопа, близ селения Акори на горе Арарат, до сокровищницы в монастыре Первопрестольного Эчмиадзина, но в обратном хронологическом порядке на основании имеющихся сведений и упоминания исследователей, путешественников и проч.

Забегая вперед, отметим, что в хронологии будут указаны события, не имеющие прямого отношения к Частице; необходимость их упоминания продиктована следующим. Так как Частица древа Ноева ковчега, Святое Богопронзившее копье[3] (далее "Копье" – Г.П.) и Частица древа Животворящего Креста,[4] именуемая "Св. Знак Хотакерац" довольно долгое время являлись наисвященнейшими реликвиями рода Прошян-Хахбакян[5] (Գարեգին արքեպիսկոպոս Հովսեփյան 1928: столб. 263), судьба реликвий в определенной степени может переплетаться.

В статье "Из сокровищ монастыря Гегард", опубликованной Тер-Гевондяном в журнале Эчмиадзин в 1964 г. (Տեր-Ղևոնդյան 1964: 40-48), рассмотрены две реликвии церкви – Копье и Частица древа Ноева ковчега. Учитывая название монастыря, больше внимания уделено первой из двух реликвий, хотя и о второй сказано немало: приведены несколько иностранных авторов, видевших Частицу в монастыре Эчмиадзин в начале XIX в., подробно описан складень-реликварий, содержащий Частицу древа Ноева ковчега, рассмотрены его художественные достоинства, приведена памятная надпись на тыльной стороне, указаны заказчик, а также дата и место его изготовления. Из статьи явствует, что до того как попасть в сокровищницу Эчмиадзина, Частица, в числе прочих реликвий, хранилась в монастыре Гегард.[6] Однако, каким образом и когда она попала в Гегард, а также

---

[3] Святое Богопронзившее Копье (арм. Աստվածամուխ սուրբ Գեղարդ), одно из Орудий Страстей, пика, которую римский воин Лонгин вонзил в подреберье Иисуса Христа, распятого на Кресте. Относится к главным христианским реликвиям. Кроме "Армянского Копья", на подлинность претендуют еще и другие – Ватиканское, Венское, Краковское и т.д. Согласно Моисею Хоренскому, Святое Копье было принесено в Армению апостолом Фадеем.

[4] Животворящий Крест (греч. ὁ ζῳοποιὸς σταυρός), крест, на котором, согласно христианскому вероучению, был распят Иисус Христос. Как и все Орудия Страстей, относится к главным христианским реликвиям. После обретения Креста, а затем спасения от иудеев, реликвия была расщеплена на множество кусочков и разошлась по всему христианскому миру.

[5] Впрочем, как и наиболее почитаемыми реликвиями Армянской Апостольской церкви, а первые две реликвии были особо почитаемыми святынями в Восточной Армении (Գարեգին արքեպիսկոպոս Հովսեփյան 1942: столб. 92).

[6] Монастырь Гегард (арм. Գեղարդավանք, «Монастырь Копья») находится в 2,5 км к вост. от села Гохт в верховьях ущелья одноименной реки. Старое название монастыря – Айриванк (арм.

когда и при каких условиях она была перевезена в Эчмиадзин, в статье не говорится.[7]

В 1928 г. архиепископ Гарегин Овсепян в первом томе трехтомного труда, посвященного роду Прошян-Хахбакян, рассматривая деятельность одного из последних представителей ветви, принявшей духовенство, епископа Давида “младшего”, ставшего настоятелем в родовым монастыре Гегард и предводителем епархии, подробно описывает складень-реликварий, изготовленный по его заказу мастером из Канакера в 1698 г. для Частицы древа Ноева ковчега (Գարեգին արքեպիսկոպոս Հովսեփյան 1928: столб. 263-267).

В 1842 г. епископ Praванес Шахатунянц в числе прочих сокровищ Эчмиадзина дает описание реликвария с Частицей древа Ноева ковчега и передает текст,[8] выгравированный на ее обратной стороне (Յովհաննէս եպիսկոպոս Շահխաթունեանց 2014: 53:50).

8-20 марта 1834 г. Фредерик Дюбуа де Монпере в главе, посвященной описанию экскурсии в Гарни и Гегард, пишет, что в монастыре Гегард (*Kieghart*) некогда хранилось Копье, изображение которого есть у Тавернье, а ныне оно «*хранится в Эчмиадзине, где является одной из главных реликвий*» (перевод Г.П.) (Montpéreux 1839: 396).

10 сентября 1829 г. Иоганн Фридрих Паррот, проезжая через Эчмиадзин, пропускает «*описанiе ея наружности и внутренности «достопримѣчательныхъ» вещей которыя въ ней находятся и кусочка изъ Ноева ковчега потому что все это уже давно извѣстно изъ путешествiй Тавернье и Шардена*[9] *и съ тѣхъ поръ почти въ такомъ же состоянiи какъ было при нихъ*» (Паррот 1855: 125).

17 ноября 1817 г. сэр Роберт Кер Портер, посетив Эчмиадзин (*Eitch-mai-adzen*), описывает Частицу в своем дневнике (Porter 1821: 191).

В 1817 г. Мориц фон Коцебу, участник российской посольской миссии в Персию, возглавляемой генералом Ермоловым, упоминает о наличии Частицы в монастыре Эчмиадзин (Kotzebue 1919: 98, 102).

15 июня 1814 г. Джеймс Мориер при описании сокровищ в монастыре Эчмиадзин ни слова не обронил о Частице (Morier 1818: 324-325).

17 июня 1805 г. главнокомандующий российскими войсками на Кавказе генерал от инфантерии Павел Цицианов рапортовал императору Александру I о том, что «*въ виду ожидаемаго вторженiя Персiянъ и по случаю смутъ, произведенныхъ самозваннымъ патрiархомъ Давидомъ, который собирался было съ Эчмiадзинскими сокровишами бѣжать*» упоминаемые сокровища из монастыря

Այրիվանք, «Монастырь Пещер»), возникло от большого количества пещер в округе. Современное название закрепилось с появлением в монастыре Святого Богопронзившего копья.

[7] Подобных сведений нет и в энциклопедиях, в том числе и относительно Копья, за исключением того, что Копье хранилось в монастыре Гегард ок. 500 лет.

[8] Приведенный текст имеет незначительные ошибки, которые были исправлены в статье Тер-Гевондяна (Տեր-Ղևոնդյան 1964: 47).

[9] В начале марта 1672 г. среди описанных Шарденом сокровищ в монастыре Эчмиадзин Частица не упоминается (Шарден 1902: 246).

были изъяты и перевезены в Тифлис. В рапорте, скорее, были упомянуты, а не перечислены некоторые мощи, в том числе рука св. Григория и «… *святое копіе, коимъ прободенъ былъ Христосъ Спаситель нашъ,…*» (Акты 1868: 276-277).

19 июня 1805 г. генерал-майор Портягин к рапорту главнокомандующему князю Цицианову прикладывает «*Опись святымъ мощамъ, разнымъ вещамъ и деньгамъ, присланнымъ отъ ген-м Несвѣтаева съ маіоромъ Внуковым, въ Эчміадзинскомъ монастырѣ взятымъ, – съ изъясненіемъ, что при осмотрѣ оказалось и что имъ, Несвѣтаевымъ, показано было*». Опись составлена не по номерам, но первым в ней указана «*Отъ Ноева ковчега доска в кіотѣ, въ серебряной оправѣ, съ крестомъ на ней съ 12-ю простыми камнями, при ней на цѣпочкѣ крестъ серебряный съ простыми 5-ю камнями*; …». Безусловно, речь идет о нашем складне-реликварии. Любопытно, что, помимо этого, в описи имеются еще предметы, связанные с Ноевым ковчегом: «*въ мѣдной книжкѣ разныхъ святыхъ мощи, двѣ скобки от Ноева ковчега* (курсив мой – Г.П.) *и съ рѣзьбою деревянный крестъ съ распятіемъ*; …; *доска отъ Ноева ковчега въ серебряной оправѣ и 2 креста на цѣпочкѣ;* …; *въ крестѣ маленькомъ мощи неизвѣстныя, а в другом часть древа распятія Христова и отъ Ноева ковчега дрова* (?); …». (Акты 1868: 277).

В 1766 г. Католикос Всех Армян Симеон I Ереванци небольшую часть обретенного древа Ноева ковчега, отломанную от левого нижнего угла реликвии, отправил в дар императрице Всероссийской Екатерине II Великой, выразив этим благодарность русской императрице за проявление заботы об армянском народе. «*К посланию он приложил частицы от Ноева ковчега, мощей св. Иоанна Предтечи, св. Георгия и святых дев Рипсиме, [Гаяне и других]. Все это он уложил в серебряный позолоченный ларчик с четырьмя отделениями. Это послание он отправил в 1215 (1766) году …*» (Սիմեոն 2003: 54; Симеон Ереванци 1958:108). По некоторым сведениям, дар был вмонтирован в престол Екатерины Великой, также подаренный ей армянами. Хранится в Оружейной Палате в Москве.

В 1698 г. в Канакере для “Частицы” был изготовлен складень-реликварий. Заказчиком, как выясняется из надписи на обратной стороне реликвария, был настоятель монастыря Гегард Давид Хахбакян, помазаный в епископы в 1683 г. и ставший предводителем епархии (Գարեգին արք. Հովսեփյան 1928: столб. 259).

В 1695 г. в Канакере были построены две церкви, одна из которых была освящена во имя святого Акопа Мцбнеци; в ней, в числе прочих фресок, сохранилась фреска передачи ангелом Св. Акопу Частицы древа Ноева Ковчега (Յովհաննէս եպիսկոպոս Շահխաթունեանց 2014: 312-313).

1 июня 1694 г. Джемелли Карери, посетив «*землю церкви Гегард (Kiekart), куда добрался за 8 часов езды*», описав монастырь, передает традицию о хранящемся там Копье, но не упоминает о Частице (Careri 1704: 113; Погосян 2012: 218).

В марте 1673 г. Шарден после посещения Эчмиадзина приводит легенду об обретении Частицы, не указывая, где она хранится (Шарден 1902: 253), а при перечислении святынь, находящихся в монастыре, ни слова не говорит о Частице,

но передает рассказ о Копье, согласно которому, шах Аббас увез его из сокровищницы в Исфахан (Шарден 1902: 246).

Во время своего третьего путешествия, 22 июля 1670 г. Ян Стрейс, совершив восхождение на гору Арарат для посещения некоего отшельника Доминго Александре родом из Рима, получил от последнего «*крест, который был обломком дерева от действительного Ноева ковчега*» (Struys 1681: 211; Стрейс 2006: 227).

В 1651-55 гг. Тавернье, описывая монастырь Гегард (*Kickart*), указывает лишь, что в нем хранится Копье, но не упоминает о Частице (Tavernier 1679: 36).

Выше мы уже отмечали, что судьба реликвий, некогда принадлежащих роду Хахбакян, в известной степени переплетается, а посему приведем еще два события XV в.

В 1429 г. некий переписчик Григор в первых строках колофона рукописи "Малых учений" записал: «*в сердце монастыря Айри хранится копье богопронзившее …*» (ԺԵ դարի հայերեն ձեռագրերի հիշատակարաններ 1955: 417; Մանրուսմունք 33: 391; Գարեգին արք. Հովսեփյան 1942: столб. 123).

В 1410 г. Товма Мецопеци упоминает о "Богопронзившем копье" в связи со смертью в монастыре Авуц Тар Ованнеса, настоятеля монастыря Мецоп, совершавшего паломничество к Копью (Թովմա Մեծոփեցի 1860: Գլուխ ԻԵ; Товма Мецопеци 2005: 51; Գարեգին արք. Հովսեփյան 1942: столб. 123).

В 1300 г. по заказу Эачи Хахбакяна был изготовлен складень-реликварий для Частицы древа Животворящего Креста. Так как Частица хранилась в монастыре Каркоп,[10] в просторечье именуемом Хотакерац, реликвия стала именоваться "Хотакерац сурб Ншан" (арм. Խոտակերաց սբ. Նշան, «Св. Знак Хотакерац»).

Наиболее раннее письменное упоминание о Частице, находящейся в монастыре Айриванк, относят ко второй половине XIII в. – между 1269 и 1271 годами вардапетом Варданом Аревелци[11] в труде География записано: «… *в монастыре Айри, где есть копье святое богопронзенное, окрашенное кровью животворящего, и древко святого ковчега патриарха Ноя …*» (Վարդան Արեւելցի 1960: Գ, ա).

В 1268 г. по заказу Проша Хахбакяна был изготовлен складень-реликварий для Святого Богопронзившего копья.[12] Примерно с этих пор в названии монастыря

---

[10] Монастырь Каркоп, или Хотакерац (арм. Քարկոփի կամ Խոտակերաց վանք) находится в 1.5 км. к сев.-зап. от села Хачик Вайоц-Дзорского марза. Основан в IX в. князем Сюника Ашотом для отшельников, поселившихся в пещерах близ села Арастамух и питающихся травой, от чего в простонародье монастырь именовался Хотакерац.

[11] Вардан Аревелци (арм. Վարդան Արևելցի) (ок. 1198, Бардзраберд, Киликия – 1271, Хор Вирап), церковно-общественный деятель, летописец, географ, философ, языковед, переводчик, педагог. Среди множества его разнообразных трудов особое мести занимают его энциклопедический сборник «Жхланк», «Всеобщая История» и «Ашхарацуйц» («География»).

[12] Имеется в виду, что после известного землетрясения 1679 г., нанесшего большие разрушения, пострадал также складень-реликварий Копья, поэтому в 1687 г. по заказу настоятеля монастыря Гегард вардапета Давида Хахбакяна, был изготовлен новый складень с частичным сохранением прежней памятной надписи Проша Хахбакяна 1268 г.

происходит трансформация – все чаще вместо старого названия Айри используется новое название Гегард (Գարեգին արք. Հովսեփյան 1942: столб. 92-93).

Еще одно упоминание о Частице имеется у фламандского монаха-минорита Вильгельма де Рубрука, который в конце декабря 1254 г. передает, что на обратном пути из Каракорума, он остановился в Нахиджеване, где в одной из церквей справил «*праздник Рождества. А на следующий день умер священник этой церкви; для похорон его прибыл епископ с 12 монахами из горцев*». Затем Рубрук пересказывает рассказанную ему епископом традицию об обретении Частицы, заканчивая следующими словами: «*Это дерево хранилось, как они мне говорили, у них в церкви*» (Рубрукъ 1911: 171-173).

В 1240-х гг. князь Прош Хахбакян купил монастырь Айри у сына атабека Иване Закаряна Авака с целью создать там родовую усыпальницу. Примечательно, что датировка лапидарных надписей на монастыре, относящихся ко времени Прошян-Хахбакянов, начинается 1257 г. (Գարեգին արք. Հովսեփյան 1928: 88; ibid. 1942: 88).

Таким образом, из всего сказанного выше складывается следующая картина. На протяжении последних двух с половиной веков Частица находится в монастыре Эчмиадзин[13]. В 1805 г. в ходе русско-персидской войны (1804-1813 гг.) на фоне вспыхнувшего Давид-Даниелевского спора за престол католикоса в Эчмиадзине, в числе остальных сокровищ русские вывезли ее в Тифлис, но вскоре вернули. В 1766 г. католикос Симеон I Ереванци отправил в дар императрице Всероссийской Екатерине II небольшую часть отломанную от реликвии. Это событие говорит о том, что “Частица”, скорее всего, уже находилась в монастыре Эчмиадзин, но точная дата, когда она попала туда, нами пока не выявлена.

До того как попасть в манастырь Эчмиадзин “Частица” находилась в монастыре Гегард, где по заказу настоятеля монастыря Давида Хахбакяна для нее в 1698 г. в Канакере был изготовлен складень-реликварий. Сведение сохранилось в качестве памятной надписи на тыльной стороне реликвария, а косвенным свидетельством кратковременного пребывания “Частицы” в Канакере является освящение одной из двух церквей построенных в 1695 г. во имя Св. Акопа Мцбнеци.

Относительно “Частицы” в письменных источниках относящихся к XIII в. имеется два упоминания. Одно принадлежит Вардану Аревелци и относится к последним трем годам его жизни (между 1269 и 1271 годами) с указанием местонахождения в манастыре Айри.[14]. Другое принадлежит Рубруку и относится к 1254 г., но оно без указания местонахождения, а точнее без названия монастыря, что в общем равноценно.[15]

---

[13] Заметим, что во время упоминания Частицы среди сокровищ в монастыре Эчмиадзин практически всегда упоминалось и Копье.

[14] Необходимо заострить внимание на том, что в упоминании отмечаются обе реликвии – Частица и Копье.

[15] Упоминается лишь Частица.

Имеется как минимум две причины не идентифицировать монастырь, содержащийся в последнем упоминании, с монастырем Гегард.

Во-первых. Расстояние от монастыря Айри до Нахиджевана по прямой составляет 111 км., а, учитывая наличие дороги, которая следует из монастыря Гегард сперва по ущелью реки Азат на юго-зап.-зап., спускается в Арартскую долину, а уж затем по Араратской долине поворачивает на юго-восток, проходя и по Шарурской долине в сторону Нахиджевана, расстояние превращается в 150 км. Учитывая, что весть о смерти священника должны были сперва донести до монастыря, откуда и пришли монахи, кандидатура монастыря Гегард становится весьма сомнительной, так как в этом случае расстояние удваивается, превращаясь в 300 км. Так как Рубрук не указывает точного времени прибытия епископа с 12 монахами, а говорит лишь, что они прибыли «*для похорон*», остается предположить, что с момента смерти прошло дня три, так как согласно армянскому обычаю хоронят на третий день.

Во-вторых. Монастырь Айри перешел в собственность рода Хахбакян в 1240-х гг. Первые строительные надписи этого периода начинаются с 1257 г. В 1268 г. по заказу Проша Хахбакяна изготавливается складень-реликварий для Святого Богопронзившего Копья, уже хранившегося на тот момент в монастыре.[16] А еще через два-три года, между 1269-1271 гг., Копье вместе с Частицей упоминаются Варданом Аревелци. Проанализировав события, можно заключить, что обе реликвии появились в монастыре лишь с переходом монастыря во владение Проша Хахбакяна, притом не в первое десятилетие, а лишь после оживления строительной деятельности, т.е. во второй половине 50-х годов XIII в. Таким образом, в 1254 г. ни Копье, ни Частица еще не были в монастыре Айри.

Если монастырь, откуда «*прибыл епископ с 12 монахами из горцев*» – не Айри, то какой это монастырь? Для того, чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо обозначить владения рода Хахбакянов к середине XIII в. Это – северная и восточная части гавара Вайоц Дзор, а также гавары Чахук и Ернджак в наханге Сюник и отдельные участки гаваров Варажнуник и Котайк наханга Айрарат. Отбросив Айрартские гавары, а также гавар Вайоц Дзор из-за отдаленности от Нахиджевана, а точнее – из-за того, что они находятся за Вайоц- Дзорским хребтом, заметим, что оставшиеся Чахук и Ернджак – горные гавары. Кроме того, в XIII в. в гаваре Чахук было 7 монастырей, а в гаваре Ернджак – 12 монастырей (Погосян 2012: 104-105). Максимальное расстояние от Нахиджевана до самых дальних горных местностей в этих гаварах составляет по прямой менее 45 км. Самый дальний из таких монастырей, находящийся буквально на хребте в 49 км. от Нахиджевана, называется Каркоп или Хотакерац. Он привлекает наше внимание тем, что в нем длительное время хранилась еще одна родовая реликвия, о которой мы упоминали выше – Хотакерац сурб Ншан, для которой по заказу внука Проша

[16] После этого события монастырь начинают именовать Монастырем Копья, т.е. Гегард.

Хахбакяна Эачи в 1300 г. был изготовлен складень-реликварий, ныне хранящийся в сокровищнице Первопрестольного Эчмиадзина.

Тем не менее, нельзя скидывать со счетов, что наши рассуждения могут быть неверными и *епископ с 12 монахами из горцев* прибыл именно из монастыря Айри. В таком случае мы будем иметь наиболее раннее упоминание Частицы в монастыре Айри.

А теперь нам хотелось бы обратить внимание на следующий факт. Если за время пребывания обеих реликвий в последние два с половиной века в Эчмиадзине о них упоминают преимущественно вместе, то в период пребывания реликвий в монастыре Гегард-Айри на протяжении пяти веков, они упоминаются вместе лишь в самом начале и в конце, тогда как в средний период, а именно в XV-XVI вв., упоминается лишь Копье.

В чем же дело?

Для этого привлечем свидетельства участников нескольких европейских посольств в Персию, проезжавших через столицу Ширвана Шамаху.

В состав шведского посольства в качестве секретаря был включен немецкий ученый Энгельберт Кемпфер.[17] Посольство, проходя по маршруту Московия – Астрахань – Низабад – Шамаха и далее, остановилось в Шамахе в декабре 1683 г., выехав – 4 января 1684 г. В одном из очерков, после рассказа о Ковчеге Ноя и о горе Масис, Кемпфер вкратце передает известную традицию об одном из первых деяний Св. Акопа Мцбинеци – об обретении им Частицы древа Ковчега, сопровождая ее очень любопытным дополнением: «*на нем* (речь идет о древе – Г.П.) *был сделан крест, и хранился он в храме Шамахи, а затем был унесен архиепископом монастыря Эчмиадзин*» (Kæmpfero 1712: 428-429; Погосян, 2013: 109-112, 145-149).

Указанное сообщение осталось бы сомнительным, хотя и вызывающим интерес дополнением, если бы не еще одно сообщение, подтверждающее его. Речь идет об информации, содержащейся в описании еще одного, более раннего посольства Шлезвиг-Голштинского, в составе которого в качестве секретаря, а затем и советника был включен немецкий ученый Адам Олеарий.[18] Посольство, проходя по маршруту Московия – Астрахань – Дербент – Низабад – Шамаха и далее, остановилось в Шамахе на три месяца, прибыв 30 декабря 1636 г. и выехав 27 марта 1637 г., а возвращаясь по маршруту Решт – Астара – Джават – Шамаха (Schamachie) – Дербент и далее, остановилось в Шамахе на пять недель, прибыв 20 февраля и выехав 30 марта 1638 года. Информация, переданная Олеарием, состоит из трех частей. В

[17] Энгельберт Кемпфер (нем. Engelbert Kämpfer) (16.09.1651, Лемго, Вестфалия – 2.11.1716, там же), немецкий натуралист, врач, естествоиспытатель и путешественник. Секретарь шведской посольской миссии, отбывшей 20 марта 1683 и прибывшей к месту назначения в Исфахан в 1684 г. Когда посольство собиралось в обратный путь, покинул его и поступил в качестве хирурга на службу в Нидерландскую Ост-Индскую компанию (1685). На ее судах плавал в Южную Аравию, посетил Цейлон, Индию, острова Суматра и Ява, Сиам и Японию. Возвратился в Европу (Амстердам) в 1693 г.

[18] Адам Олеарий /Эльшлегер/ (нем. Adam Ölschläger, лат. Adam Olearius) (1599/1603, Ашерслебен, Саксония – 22.02.1671, замок Готторф, Шлезвиг), немецкий путешественник и учёный. Служил придворным математиком и библиотекарем у герцога Гольштейнского.

первой части указывается, что некогда в Шамахе был крест величиной в пол-локтя из темного и отвердевшего древа Ноева ковчега. Далее, что крест хранили в армянской церкви как великую святыню, заворачивая в шелковый платок. И, наконец, автор пересказывает рассказ своих соотечественников, участников более ранних посольств побывавших в Шамахе[19] и видевших его.

Как видим сведения Олеария 1636 г. и сведения Кемпфера 1683 г., хоть и повествуют об одном и том же, но в деталях расходятся:

- У Олеария из древа Ноева ковчега сделан крест, а у Кемпфера – крест сделан на древе. По этому поводу хотелось бы обратить внимание на информацию Олеария. Учитывая степень почитания, вряд ли древо могло быть подвержено столь пренебрежительному отношению, т.е. вырезанию из него креста. Скорее, на самом древе был сделан крест, как об этом говорит Кемпфер и как это есть на самом деле. Тем более, что указываемая Олеарием величина в пол-локтя соответствует величине хранящегося древа в складне-реликварии в сокровищнице Св. Эчмиадзина.
- Что произошло с древом, Олеарий умалчивает, а согласно Кемпферу, древо унесено архиепископом монастыря Эчмиадзин.
- Оба указывают, что древо хранилось в храме, с уточнением Олеария – в армянском.
- Олеарий пересказывает рассказ своих соотечественников, а Кемпфер пересказывает рассказ местных жителей.

Из сказанного следует, что более поздний автор – Кемпфер – не использовал информацию, приведенную Олеарием. Тем самым сообщения с полувековой разницей во времени дополняют друг друга и подтверждают данные о пребывании на протяжении некоторого времени обретенной Частицы древа Ноева ковчега в армянском храме Шамахи.

Таким образом, благодаря последним двум сообщениям, извлеченным из произведений Энгельберта Кемпфера и Адама Олеария, картина местонахождения Частицы может быть восполнена и тем самым будет объяснен пробел упоминаний Частицы в монастыре Гегард в XV-XVI вв.

Если все выкладки верны, то можно заключить следующее: после некоего события из монастыря Св. Акопа близ селения Акори, Частица была перенесена в один из монастырей, скорее всего, гавара Чахук, став реликвией рода Хахбакян. Затем, после приобретения Прошем Хахбакяном в родовое владение монастыря Айри, реликвия во второй половине XIII в. перевозится туда. Однако, по какой-то причине с XV по XVI вв. реликвия попадает в Шамаху, но уже в начале XVII в. вновь возвращается в монастырь, уже именуемый Гегард. В XVIII в. ее перевозят в монастырь Эчмиадзин, где она с тех пор и пребывает, ныне выставленная в музейном секторе сокровищницы.

---

[19] Более конкретных данных об упоминаемых посольствах нами не найдены.

БИБЛИОГРАФИЯ

Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссiею (1868), *Архивъ Главнаго Управленiя Намѣстника Кавказского. Томъ II. Изданъ подъ редакцiею предсѣдателя коммиссiи Ад. Берже.* Тифлис, Въ Типографiи Главнаго Управленiя Намѣстника Кавказскаго.

Бузанд Фавстос (1953), *История Армении Фавстоса Бузанда* (перевод с древнеармянского и комментарии М. А. Геворгяна, под редакцией С.Т. Еремяна), Ереван.

Блаженный Феодорит Кирский (1996), *История боголюбцев с прибавлением «О божественной любви»* (Вступ. ст. и новый пер. А. И. Сидорова), Москва.

Ганаланян А. Т. (1979), *Армянские предания*, Ереван.

Олеарий Адам (1870), *Подробное описание путешествiя голштинскаго посольства въ Московiю и Персiю въ 1633, 1636 и 1639 годахъ, составленное секретарем посольства Адамомъ Олеарiемъ* (перевелъ съ нѣмецкаго Павелъ Барсов), Москва.

Паррот Г. (1855), «Путешествiе Г. Паррота на Араратъ» (пер. П. С. Савельева), *Журналъ словесности, наукъ, художествъ, промышлености, новостей и модъ*, томъ XII, Санкт-Петербургъ: 109-143.

Погосян /Хахбакян/ Г. Г. (2012), *Культурно-историческое наследие Армении: Нахиджеванский край, (Некоторые вопросы истории и архитектуры со времен Ванского царства до XVII в.),* Ереван.

—— (2013), *Армяне Шамахи в упоминаниях некоторых западноевропейцев, Часть I (XV-XVII вв.),* Ереван.

—— (2015), «Дополнение Кемпфера к традиции об Акопе Мцбнеци и армянском храме Шамахи» (в соавторстве с *Багдасарян С. Г.*), *XXVIII Международная научная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки «Азия и Африка в меняющемся мире», 22-24 апреля 2015 г.: Тезисы докладов*, СПб.

Полиевктов М. А. (1935), *Европейские путешественники XIII-XVIII вв. по Кавказу*, Тифлис.

Рубрукъ Вильгельмъ, Iоаннъ де Плано Карпини (1911), *Исторiя Монгаловъ/ Путешествiе въ восточныя страны, (Введенiе, переводъ и примѣчанiя А. I. Малеина),* Санкт-Петербургъ.

Симеон Ереванци (1958), *Джамбр. Памятная книга, зерцало и сборник всех обстоятельств Святого престола Эчмиадзина и окрестных монастырей* (пер. С. С. Малхасянца), Москва.

Стрейс Ян (2006), *Три путешествия* (пер. Э. Бородиной), Москва, 2006.

Товма Мецопеци (2005), *История Тимурленга и его преемников* (пер. с др-арм., пред. и коммент. К. С. Тер-Давтян), Ереван.

Шарден (1902), *Путешествiе Шардена по Закавказью въ 1672-1673 гг.* (переводъ Е. В. Бахутовой и Д. А. Носовича, (Изъ журнала «Кавказскiй Вѣстникъ» за 1900 и 1901 гг.), Тифлисъ.

Шатбердский сборник (1979), Подготовили к изданию Б. К. Гигинейшвили и Э. А. Гиунашвили, Тбилиси (на древнегруз. яз.).

Careri, John Francis Gemelli (1704), *A Collection of Voyages and Travels, Some now first Printed from Original Manuscripts, Others Translated out of Foreign Languages, and now first publish'd in English. To which are added some few that have formerly appear'd in English, but do now for their Excellency and Scarceness deserve to be Reprinted. In four Volumes. With a General PREFACE, giving an Account of the progress of NAVIGATION, from its first Beginning to the Perfection it is in now, etc.* The whole Illustrated with a great Number of Useful Maps and Cuts, all Engraven on Copper. The Authors contain'd in this Volume, see over Leaf, Vol. IV, London.

Kæmpfero, Engelberto (1712), *Amœitatum exoticarum Politico-Physico-Medicarum, Fasciculi V, Quibus continentur Variæ Relationes, Observationes & Descriptiones rerum Persicarum et ulterioris Asiæ, multâ attentione, in peregrinationibus per universum Orientem, collectæ, ab Autore ENGELBERTO KÆMPFERO, D. – LEMGOVIÆ*, Typis & Impensis Henrici Wilhelmi Meyeri, Aulæ Lippiacæ Typographi.

Kotzebue, Moritzvon (1819), *Narrative of a journey into Persia, in the suite of the imperial Russian embassy, in the year 1817. By MORITZ VON KOTZEBUE, captain on the staff of the Russian army, knight of the order of St. Wladimir of Russia and of the Persian order of the Sun and Lion,* Translated from the German, London.

Montpéreux, Frédéric Dubois de (1839), *Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Golchie, en Géorgie, en Arménie, et en Crimée; avec un atlas géographique, pittoresque, archéologique, géologique, etc. Ouvrage qui a remporté le prix de la Société de Géographie de Paris, en 1838. PAR FRÉDÉRIC DUBOIS DE MONTPÉREUX*, TOME III, Paris.

Morier, James Justinian (1818), *A Second Journey through Persia, Armenia, and Asia Minor, to Constantinople, between the Years 1810 and 1816. With a Journal of the voyage by the Brazils and Wombay to the Persian Gulf. BY JAMES MORIER, ESQ.*, London.

Olearium, Adamum (1649), *Offt begehrte Beschreibung Der Newen Orientalischen Reise / So durch Gelegenheit einer Holsteinischen Legation an den König in Persien geschehen. Worinnen Derer Oerter vnd Länder, durch welche die Reise gangen / als fürnemblich Rußland, Tartarien vnd Persien, samptjhrer Einwohner Natur / Leben vnd Wesen fleissig beschrieben* / […] Durch M. Adamum Olearium, Ascanum Saxonem […] – Schleßwig: zur Glocken.

Olearii, Adam (1663), *Außführliche Beschreibung Der Kundbaren Reyse Nach Muscow und Persien / So durch gelegenheit einer Holsteinischen Gesandschalft von Gottorff auß an Michael Fedorowitz den grossen Zaar in Muscow / und Schach Sefi König in Persien geschehen* [...] M DC LXIII, Schleßwig.

Porter, Robert Ker (1821), *Travels in Georgia, Persia, Armenia, ancient Babylonia, &c. &c. during the years 1817, 1818, 1819, and* 1820 , Vol. I, London.

Struys, Jean (1681), *Les voyages de Jean Struys, en Moscovie, en Tartarie, en Perse, aux Indes , & en plusieurs autres païs étrangers; accompagnés de remarques particulières sur la qualité, la religion, le gouvernement, les coutumes & le négoce des lieux qu'il a vus; avec quantité de figures en taille douce dessinées par lui-même; & deux lettres qui traitent à fond des malheurs d'Astracan. A quoi l'on a ajouté comme une chose digne d'être sue, la Relation d'un naufrage, dont les suites ont produit des effets*

extraordinaires. Par Monsieur Glanius, A Amsterdam, ches la veuve de Jacob van Meurs.

Tavernier, Jean Baptiste (1679), *LES SIX VOYAGES DE JEAN BAPTISTE TAVERNIER, Ecuyer baron d'Aubonne, EN TURQUIE, EN PERSE, ET AUX INDES, Pendant l'eſpace de quarante ans, & par toutes les routes que l'on peut tenir: accompagnez d'obſervations particulieres ſur la qualité, la religion, le gouvernement, les coûtumes & le commerœ de chaque païs, avec les figures, le poids, & la valeur de monnoyes qui y ont court. PREMIERE PARTIE,* Où il n'eſt parlé que de la Turquic & de la Perſe. Suivant la Copie, Imprimée à M.DC.LXXIX , Paris.

Անթաբյան Փ. Փ. (1984), "Աշխարհացոյց Վարդանայ վարդապետի", *Պատմա-բանասիրական հանդես*, № 3: 87-102.

Աւգերեան Մկրտիչ վրդ. (1814), *Լիակատար վարք և վկայաբանութիւն սրբոց, որք կան ի հին տօնացոյցի Եկեղեցւոյ Հայաստանեայց*, Հատ. 10, Վենետիկ, Ս. Ղազար.

Գարեգին արքեպիսկոպոս Հովսեփյան (1928), *Խաղբակյանք կամ Պռոշյանք հայոց պատմության մեջ: Պատմա-հնագիտական ուսումնասիրություն*, Մասն Առաջին, Վաղարշապատ.

—— (1942), *Խաղբակյանք կամ Պռոշյանք հայոց պատմության մեջ: Պատմա-հնագիտական ուսումնասիրություն*, Մասն Երկրորդ, Երուսաղէմ.

Թովմա Մեծոփեցի (1860), *Պատմութիւն Լանկ-Թամուրայ և յաջորդաց իւրոց*, Փարիզ.

ԺԵ դարի հայերեն ձեռագրերի հիշատակարաններ (1955), Մ. I (1401-1450 թթ.), Երևան.

Յովհաննէս եպիսկոպոս Շախաթունեանց (2014), *Ստորագրութիւն կաթուղիկէ Էջմիածնի եւ հինգ գաւառացն Արարատայ: Աշխատասիրությամբ Ա. Տեր-Ստեփանյանի*, Ս. Էջմիածին, Մայր Աթոռ Ս. Էջմիածնի հրատարակչություն.

Վարդան Արեւելցի (1960), *Աշխարհացոյց Վարդանայ վարդապետի: Քննական հրատարակութիւն Հայկ Պէրպէրեանի համեմատութեամբ 24 ձեռագրի եւ տպագրի*, Բարիզ.

Սիմեոն կաթողիկոս Երեւանցի (2003), *«Ջամբռ»: Հիշատակարան Էջմիածնի Սուրբ Աթոռի եւ նրա հարակից վանքերի*, Երևան.

Ստեփանյան Վ. Ա. (1964), *Երկրաշարժերը Հայկական Լեռնաշխարհում և նրա մերձակայքում*, Երևան.

Սրբոյ Հօրն մերոյ ՅԱԿՈԲԱՅ Մծբնայ եպիսկոպոսի ՃԱՌՔ (1765): *Sancti Patris Nostri JACOBI Episcopi Nisiboni SERMONES: Cum Præfatione, Notis, & Dissortatione de Ascetis*. Quæ omnia nunc primum in lucem prodeunt, ROMÆ MDCCLVI (1756): Typis SACRÆ CONGREGATIONES DE PROPAGANDA FIDE. Superiorum Facultate.

Տեր-Ղևոնդյան Հ. (1964), «Գեղարդի վանքի գանձերից», *Պաշտոնական ամսագիր Հայրապետական Աթոռոյ Ս. Էջմիածնի*, ԻԱ տարի, Նոյեմբեր, ԺԱ, Էջմիածին.

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-2-30-35
УДК 908
Дата поступления статьи: 10/IV/2019
Дата принятия статьи: 25/IV/2019

Л.Г. Мкртчян

АРМЯНСКИЕ БЕЖЕНЦЫ В САМАРСКОМ КРАЕ В 1915–1920-Е ГГ.

© *Мкртчян Луиза Геворговна* – аспирант, кафедра российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.
E-mail: mkrtchyanluiza@yandex.ru. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5396-8707

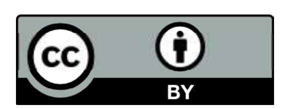
АННОТАЦИЯ

Статья посвящена истории формирования армянской диаспоры Самарского края в период геноцида начала XX в. Задача исследования состоит в том, чтобы реконструировать социальный портрет армянских беженцев, прибывавших в Самарский край. На основе документов из фондов Центрального государственного архива Самарской области (паспортов, удостоверений беженца, анкетных листов) создана база данных, позволившая решить поставленную задачу. С помощью количественных методов были охарактеризованы динамика численности армянских беженцев, получивших удостоверения в Самаре в период 1915–1921 гг., распределение беженцев по полу, возрасту, семейному положению, месту выбытия. Определено, что в 1915–1921 гг. общая численность армянских беженцев в Самаре составляла более 400 человек.

В результате проведенного исследования доказано, что армянская диаспора Самарского края в годы геноцида формировалась за счет беженцев преимущественно из Восточной Армении; армянские беженцы с семьями стали массово прибывать в Самарский край в 1919 г. Центром прибытия была Самара, но беженцы находились также во всей Самарской губернии и сопредельных регионах. По социальному составу в основном это были представители средних ремесленных слоев, молодого поколения (преобладающая возрастная группа – от 20 до 44 лет); четверть от общего числа беженцев составляли дети. Часть беженцев впоследствии осталась в Самарском крае, что подтверждается статистическими данными и архивными источниками. Таким образом, период 1915–1921 гг. стал важным этапом формирования армянской диаспоры Самарского края.

Ключевые слова: армяне, диаспора, Самарский край, геноцид, беженцы.

Цитирование. Мкртчян Л.Г. Армянские беженцы в Самарском крае в 1915–1920-е гг. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 2. С. 30–35. DOI: http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-30-35.

DOI: 10.18287/2542-0445-2019-25-2-30-35
UDC 908
Submitted: 10/IV/2019
Accepted: 25/IV/2019

L.G. Mkrtchyan

ARMENIAN REFUGEES IN THE SAMARA REGION IN 1915–1920-IES

© *Mkrtchyan Luiza Gevorgovna* – postgraduate student, Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.
E-mail: mkrtchyanluiza@yandex.ru. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5396-8707

ABSTRACT

The article is devoted to the history of the formation of the Samara regional Armenian diaspora in the period of the Genocide at the beginning of the 20th century. The task of the study is to reconstruct the social portrait of Armenian refugees who were arriving to the Samara Region. On the basis of documents from the funds of the Central State Archive of the Samara Region (passports, refugee certificates, questionnaires), a database was created that allowed the task to be solved. The author used quantitative methods to determine the dynamics of the number of Armenian refugees who received certificates in Samara in the period 1915–1921, the distribution of refugees by gender, age, marital status, place of departure. According to calculations, the total number of Armenian refugees in Samara in 1915–1921 was more than 400 people.

As a result of the study, it was proved that the Armenian diaspora of the Samara Region in the years of the Genocide was formed from the refugees who arrived mainly from Eastern Armenia; Armenian refugees with their families began to arrive en masse to the Samara Region in 1919. Samara was the arrival center, but the refugees stayed also in the entire Samara province and neighboring regions. In terms of social composition, the refugees were representatives of the middle artisan strata, mostly the younger generation (the predominant age group was from 20 to 44 years); a quarter of the total number of refugees were children. Some of the refugees subsequently remained in the Samara Region, that is confirmed by statistical data and archival sources. The study allows us to characterize the period of 1915–1921 as an important stage in the formation of the Samara regional Armenian diaspora.

Key words: Armenians, diaspora, Samara region, Genocide, refugees.

Citation. Mkrtchyan L.G. *Armyanskie bezhentsy v Samarskom krae v 1915–1920-e gg.* [Armenian refugees in the Samara Region in 1915–1920-ies]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiia* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2019, Vol. 25, no. 2, pp. 30–35. DOI: http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-30-35 [in Russian].

Введение

История армянской диаспоры Самарского края находится на пересечении нескольких важных научных проблем.

Одна из них – история формирования армянской диаспоры (под этим термином в современной науке понимается «совокупность населения определенной этнической или религиозной принадлежности, которое проживает в стране или регионе нового расселения» [Тишков 2000, с. 43]) в мировом и российском масштабе. В современном мире армянская диаспора входит в десятку в «мировой этнической сетке» по численности и в тройку по уровню влияния; костяк сегодняшней «классической» диаспоры составляют потомки выходцев из Западной Армении, чьи предки сумели спастись во время геноцида 1915–1923 гг. [Армяне в России... 2013, с. 7].

В то же время обращение к данной теме позволяет проследить историю формирования многонационального облика населения Самарского края. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в Самарской области проживают представители 157 национальностей; среди народов Самарской области шестое место по численности (22 981 чел.) занимают представители армянской диаспоры – частица многомиллионной армянской диаспоры, разбросанной по всему миру (Всероссийская перепись населения 2010). Армянская диаспора Самары характеризуется не только значительной численностью (в пять раз выше, чем в соседних Ульяновской и Пензенской областях), но и активным участием в общественной и культурной жизни Самарского края. В связи с этим возникает необходимость самоидентификации общины, обращения к историческому опыту ее формирования, интеграции и социального поведения в этнокультурных условиях Самарского края. К этой проблематике обращался ряд исследователей, в том числе активные представители местной общины, такие как В.Г. Каркарьян [Каркарьян 2003, с. 220–226], А.Р. Мартиросян [Мартиросян 2003, с. 106–113], Л.А. Агаджанян [Агаджанян 2016].

Постановка задач

Представители армянского народа проживали в Самаре еще в XIX в. По результатам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. армянская диаспора Самарского края насчитывала 33 человека по Самарской губернии, 21 из которых проживал в г. Самаре, и представляла собой немногочисленную торгово-промыш-

ленную общность (Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897, с. 58).

Юридический статус общины армянская диаспора Самарского края впервые приобрела в годы Гражданской войны. Это было обусловлено резким увеличением численности диаспоры в крае в связи с притоком армянских беженцев из Армении в условиях геноцида.

В историографии до сих пор не предпринималось попытки исследовать данный период в истории армянской диаспоры Самарского края в контексте геноцида: определить численность, территориальное и социальное происхождение беженцев, годы и маршруты их прибытия в Самарский край, изучить процедуру оформления документов, обеспечивавших им право на проживание в России. Решение данных проблем и явилось задачами настоящего исследования.

Методология

Источниковой базой для исследования послужили архивные документы, обнаруженные автором в Центральном государственном архиве Самарской области. В фонде Самарского губернского отдела управления исполнительного комитета губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов г. Самары находится дело с паспортами, дававшими право на свободное проживание в России армянским подданным; документы выдавались в период Гражданской войны по удостоверениям беженца (ЦГАСО. Ф. Р-193. Оп. 4. Д. 8). На основании этого массива документов была сформирована база данных, включающих в себя следующие параметры: фамилия, имя и отчество беженца, его возраст; семейное положение, состав семьи; место выбытия; кем выдано удостоверение или российский паспорт; дата получения удостоверения беженца; дата получения российского паспорта; дополнительная информация (в ряде случаев документы содержали сведения биографического характера и данные о роде занятий беженца).

На основе количественных методов были охарактеризованы динамика численности армянских беженцев, получивших удостоверения в Самаре в период 1915–1921 г., распределение беженцев по полу, возрасту, семейному положению, месту выбытия. Подсчеты существенно затруднял тот факт, что, как правило, паспорт получал лишь глава семьи, указывая в графе «Семейное положение» остальных членов семьи (от 2 до 5 человек); во многих случаях имена, пол и возраст членов семьи не указывались или указывались выборочно. Поэтому большинство расчетов произведено применительно к главам семьи и одиноким, получавшим паспорт на свое имя. Отдельно были произведены подсчеты, позволившие определить распределение по возрасту армянских детей, получавших удостоверения индивидуально или указанных в составе семьи. Таким образом, сохранившиеся в архиве документы позволяют реконструировать многомерный социальный портрет армянских беженцев Самарского края в 1918–1920-е гг.

Ход исследования

В годы Первой мировой войны и геноцида армянские беженцы тысячами хлынули в Россию; согласно подсчетам А. Амбарян, к 1919 г. только в Среднем Поволжье насчитывалось более 4 тысяч беженцев из Западной Армении. Общественные организации и комитеты помощи армянским беженцам создавались на Кавказе, в Москве и Петрограде; в поволжских городах также действовали различные общественные организации – такие как дамские попечительские комитеты, которые участвовали в акции по сбору средств «Один армянин – один золотой», объявленной газетой «Армянский вестник», а также по сбору одежды для детей-сирот из числа беженцев [Амбарян 2011, с. 142]. Все эти организации с 1916 г. возглавлял и координировал Эчмиадзинский комитет братской помощи, сыгравший важную роль в помощи беженцам, давший им возможность выжить, адаптироваться, получить моральную поддержку, медицинскую помощь, продовольствие. Эчмиадзинский комитет действовал при поддержке Эчмиадзинского католикосата [Арутюнян 2006, с. 26].

Центром прибытия беженцев была Самара, куда они приезжали через Оренбург и Саратов. Здесь беженцы получали российские паспорта сроком на полгода. По истечении этого срока они должны были восстановить национальный паспорт (ЦГАСО. Ф. Р-193. Оп. 4. Д. 8. Л. 1). Главным основанием для получения российских паспортов были удостоверения и билеты беженцев, выданные датским Красным Крестом (ЦГАСО. Ф. Р-193. Оп. 4. Д. 8. Л. 238 об.), и удостоверения, подтверждающие национальную идентичность, от пастыря армян г. Самары архимандрита Григориса (ЦГАСО. Ф. Р-193. Оп. 4. Д. 8. Л. 444 об.). Действовавшая в Самаре Миссия датского Красного Креста по защите населения, председателем которой был Гонсдаль (ЦГАСО. Ф. Р-193. Оп. 4. Д. 8. Л. 238 об.), выдавала удостоверения различным иностранцам, поскольку в годы Гражданской войны Самара оказалась на пересечении многих миграционных потоков.

Кроме названных выше институтов билеты беженцев выдавали Самарская губернская чрезвычайная комиссия, Самарский грузинский комитет, Отдел управления исполкома Самаро-Златоустовской железной дороги, Саратовский отдел по делам армян, Сызранское городское полицейское управление, Армянский национальный комитет г. Оренбурга, Уфимский губовак, Мелекесская городская милиция. Этот перечень организаций позволяет судить о том, что армянские беженцы находились и в других населенных пунктах Самарской и сопредельных губерний. Часть прибывших уже имела при себе билеты беженцев, выданные на родине (в качестве выдавших их организаций и должностных лиц указывались Армянское консуль-

ство г. Владикавказа, Бакинский мещанский староста, Артвинское полицейское управление, Особый отдел Южной группы иностранцев).

Согласно подсчетам на основе сохранившихся документов, всего было выдано 236 удостоверений различными органами власти, общественными организациями и их представителями. 50 % удостоверений беженцев выдали Самарский отдел датского Красного Креста (35 % от общего количества) и пастырь Самарской армянской религиозной общины (15 %). Одна шестая часть от общего количества полученных удостоверений была выдана Самарской городской милицией и Самарским губернским отделом управления. Можно сделать вывод, что подавляющую часть удостоверений армянские беженцы получали по прибытии в Самарский край.

Удостоверения беженцев, сохранившиеся в архиве, можно классифицировать по году их получения. Общий период получения удостоверений – с 1915 по 1921 г.; из 182 беженцев, отметивших год получения удостоверения, 146 указали 1919 г., что составляет 80 % от общего количества ответов (абсолютное большинство), 13 % беженцев указали 1920 год, 4 % – 1918 год. Местами выбытия армянских беженцев явились Армения (181 человек, или 84 %), в том числе Елизаветпольская губерния (15 человек, или 6 %), Эриванская губерния (13 человек, или 5 %), Эрзерум (1 %). 72 % подданных Армении не указали конкретное место выбытия. Оставшаяся часть беженцев включала выходцев из Грузии (7 %, в том числе из Тбилисской и Кутаисской губерний) и Азербайджана (все 7 % беженцев были из Баку).

Таким образом, пик притока беженцев приходится на весну 1919 г. в период массовых миграций преимущественно из Восточной Армении (Эриванской, Елизаветпольской, Карсской губерний), когда там происходили турецкие погромы после ухода русских войск в 1918 году.

Период оформления паспортов в Самаре составлял несколько месяцев; в некоторых случаях они выдавались сразу. По нашим подсчетам, паспорта получили 214 человек (это неполные данные: в архивном деле отсутствует некое количество вырезанных листов). При этом лишь один член семьи получал паспорт, указывая в графе «Семейное положение» имена остальных членов семьи. Судя по этим данным, средняя численность семей прибывших составляла 3 человека (показатели варьируются от 2 до 5 человек на семью).

Поскольку графа «Семейное положение» могла пониматься в разных аспектах, некоторые беженцы указывали, состоят они в браке или нет. 39 % беженцев отметили, что прибыли с семьями. Семья чаще всего состояла из близких родственников (супруги, родители, дети, дяди, тети).

Более половины беженцев (54 % – 222 человека) составили мужчины, 35 % (147 человек) – женщины, у 11 % (44 человека, речь шла о детях) пол не был указан. Общее число беженцев, согласно паспортным данным, составило 413 человек.

Отметим, что 89 % владельцев удостоверений беженцев и получивших российские паспорта (то есть абсолютное большинство) указали возраст как свой, так и членов семьи. Преобладающую возрастную группу (62 %) составляло молодое поколение – от 20 до 44 лет. Численность детей беженцев – 103 человека, причем у 68 % из них был указан возраст. Четверть из указавших возраст составили дети до 9 лет (13 % – до 5 лет, 12 % – 5–9 лет). Почти половину (43 %) составили дети подросткового возраста (20 %) и совершеннолетние, вписанные в паспорт родителей (23 %).

Контингент прибывших относился в основном к городскому ремесленному слою. Многие беженцы в анкетных листах отмечали, что родом их деятельности является чувяшничество (производство обуви). Так, Симонянц Унан Степанович указал следующие сведения о себе: армянин 17 лет, армяно-григорианского вероисповедания, чувяшник, выходец из Ереванской губернии, г. Нахичевань, бежал от турок, приехал по билету беженца (ЦГАСО. Ф. Р-193. Оп. 4. Д. 8. Л. 108). Меньшую часть беженцев составляли крестьяне.

О занятиях беженцев мы можем судить по заполненным ими анкетным листам иностранцев. К сожалению, сохранилось лишь 11 % таких анкетных листов, заполненных армянскими беженцами. В них указывался род занятий на родине и в России. Были зафиксированы следующие занятия на родине: садоводство, учеба, служба, лесничество, чувяшничество, сапожничество, портновское и парикмахерское дело. Род занятий беженцев в Самаре зачастую оставался прежним: 4 человека из 7, указавших род занятия «чувяшник», сохранили род деятельности в Самаре. 3 человека указали, что служат в Горпотребе. Кроме того, были указаны такие занятия: служба на Самарской железной дороге, в Отделе военачальника Самары, в Самар-ском губернском бюро, парикмахерское дело, учеба, хлебопашничество, чернорабочий.

Анализируя данные из анкетных листов, можно заметить две особенности. Во-первых, в них указывалась лояльность по отношению к советской власти, которую было необходимо подтвердить через организации или конкретных людей. Во-вторых, при заполнении анкетных листов избегали приводить факты, подтверждающие статус беженца. В графе «Цель прибытия» указывались личные причины (учеба и пр.). Однако имена заполнявших анкетные листы лиц были обнаружены и среди билетов и удостоверений беженцев. Например, Аваков Карапет Сергеевич в анкетном листе указывает следующее: неграмотный; православный; в Россию прибыл железной дорогой в 1905 г. по работе; занятие на родине – чувяшник, в России – то же; родился в Тифлисе; документы, удостоверяющие личность, – паспорта Губотдела; принадлежность к Губсоюзу; семья находится в Самаре; проживает на свои средства; отбывал воинскую повинность в Самаре; воинский чин – рядовой; за лояльность по отношению к советской власти

поручается Губсоюз; перемена адреса – Шихобалова, 47 (ЦГАСО. Ф. Р-193. Оп. 4. Д. 8. Л. 76). Вместе с тем на его же имя есть билет беженца, выданный Самарским отделом датского Красного Креста в апреле 1919 г. (ЦГАСО. Ф. Р-193. Оп. 4. Д. 8. Л. 29). Сами вопросы анкетных листов не предполагали указания статуса беженца и были сформулированы так: «Когда прибыл в Россию», «По какому делу приехал», «Каким путем приехал». Это наводит на мысль, что власть не была заинтересована в том, чтобы афишировать вопрос об армянских беженцах и масштабы проблемы в условиях заполненности Самары тысячами различных беженцев.

Полученные результаты и выводы

Таким образом, архивные данные позволяют сделать вывод, что армянские беженцы с семьями стали массово прибывать в Самарский край в 1919 г. Центром прибытия была Самара, но беженцы находились также во всей Самарской губернии и сопредельных регионах. Армянские беженцы были выходцами преимущественно из Восточной Армении. По социальному составу это были представители средних ремесленных слоев, в основном молодого поколения. Четверть от общего числа беженцев составили дети (до 5 лет и подростки).

Сколько же беженцев «осело» в Самарском крае в дальнейшем? Согласно данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., численность армянского населения Самарской губернии к 1926 г. составила 239 человек (приверженцев Армянской церкви), 222 из них проживали в городе Самаре, в селах – 6 человек (Всесоюзная перепись населения 1926 г., с. 34).

По-видимому, большая часть армянских беженцев покинула Самарский край, поскольку случаи обновления российских паспортов встречаются в архивных материалах редко. Возможно, измученные армяне умерли от страшного голода, настигшего Поволжье в 1920-е гг.; кто-то из них мог продолжить свой беженский путь, переехав в другие регионы России. Но малая часть беженцев осталась в Самарском крае. Это подтверждается не только статистическими данными, но и тем, что их имена встречаются в других архивных источниках. На основании этого мы можем выделить период геноцида и Гражданской войны как важный этап формирования армянской диаспоры Самарского края.

Источники фактического материала

Всероссийская перепись населения 2010 – *Всероссийская перепись населения* 2010 г. Население по национальности, полу и субъектам Российской Федерации. Самарская область // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etn_10.php?reg=56 (дата обращения: 05.04.2019).

Всесоюзная перепись населения 1926 – *Всесоюзная перепись населения* 1926 года. Т. 9: Российская Социалистическая Федеративная Советская республика. Отд. 1. Народность, родной язык, возраст, грамотность / Центр. стат. упр. СССР. Отдел переписи. М.: ЦСУ, 1929. 228 с.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 – *Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.* / Изд. Центр. стат. ком. М-ва вн. дел; под ред. Н.А. Тройницкого. XXXVI. Самарская губерния. СПб., 1904. 201 с.

ЦГАСО – *Центральный государственный архив Самарской области.*

Библиографический список

Агаджанян 2016 – *Агаджанян Л.А.* Армянская община в Самаре: история и этнокультурные аспекты развития (середина XIX–XXI века): дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2016. 262 с. URL: http://www.dslib.net/etnografia/armjanskaja-obwina-v-samare-istorija-i-jetnokulturnye-aspekty-razvitija.html.

Амбарян 2011 – *Амбарян А.* Интеграция армянской диаспоры в общероссийский социум на примере Поволжья: ретроспектива проблемы // Власть. 2011. № 11. С. 138–142. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=17065687.

Армяне в России... 2013 – *Армяне в России*: сб. ст. / под ред. Э.Р. Григорьяна. М.: Институт социальных наук, 2013. 157 с. URL: http://programma.x-pdf.ru/16tehnicheskie/388932-1-armyane-rossii-sbornik-statey-moskva-201-bbk-udk-3-00183-100-armyane-rossii-sbornik-statey-pod-red-ergrigoryana.php [in Russian].

Каркарьян 2003 – *Каркарьян В.Г.* Армяне // Этносы Самарского края: ист.-этногр. очерки. Самара, 2003. С. 220–226.

Мартиросян 2003 – *Мартиросян А.Р.* Армения и армяне Самарской губернии. Самара, 2003. 176 с. URL: https://docplayer.ru/44126954-Armeniya-i-armyane-samarskoy-gubernii.html.

Тишков 2000 – *Тишков В.А.* Исторический феномен диаспоры // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 43–63. URL: http://www.valerytishkov.ru/engine/documents/document1793.pdf.

Арутюнян 2006 – Հարությունյան Ա. Հայոց Մեծ Եղեռնը եվ հայ գաղթականությունը Կովկասում 1914–1916 թթ. // Հայոց Ցեղասպանության արդի խնդիրներ. 2006 №1. Էջ 26.

References

Agadzhanyan 2016 – *Agadzhanyan L.A. Armianskaia obschina v Samare: istoriia i etnokul'turnye aspekty razvitiia (seredina XIX–XXI veka): dis. ... kand. ist. nauk* [The Armenian community in Samara: history and ethnocultural aspects of development (middle of 19th – 21st century): Candidate's of Historical Sciences thesis]. Samara, 2016, 262 p. Available at: http://www.dslib.net/etnografia/armjanskaja-obwina-v-samare-istorija-i-jetnokulturnye-aspekty-razvitija.html [in Russian].

Ambaryan 2011 – *Ambaryan A. Integratsiya armyanskoi diaspory v obshcherossiiskii sotsium na primere Povolzhya: retrospektiva problemy* [Integration of the Armenian diaspora into the all-Russian society on the example of the Volga Region: a retrospective of the problem]. *Vlast'* [Power], 2011, no. 11, pp. 138–142. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=17065687 [in Russian].

Armyane v Rossii... 2013 – *Armyane v Rossii: sbornik statei. Pod red. E.R. Grigoryana* [Armenians in Russia. Collection of articles. E.R. Grigorian (Ed.)]. M.: Institut sotsial'nykh nauk, 2013, 157 p. Available at: http://programma.x-pdf.ru/16tehnicheskie/388932-1-armyane-rossii-sbornik-statey-moskva-201-bbk-udk-3-00183-100-armyane-rossii-sbornik-statey-pod-red-ergrigoryana.php [in Russian].

Karkar'yan 2003 – *Karkar'yan V.G. Armyane* [Armenians]. In: *Etnosy Samarskogo kraya: ist.-etnogr. ocherki* [Ethnic groups of the Samara Region: historical and ethnographic essays]. Samara, 2003, pp. 220–226. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=19684208 [in Russian]

Martirosyan 2003 – *Martirosyan A.R. Armeniya i armyane Samarskoi gubernii* [Armenia and the Armenians of the Samara Region]. Samara, 2003, 176 p. Available at: https://docplayer.ru/44126954-Armeniya-i-armyane-samarskoy-gubernii.html [in Russian].

Tishkov 2000 – *Tishkov V.A. Istoricheskii fenomen diaspory* [Historical phenomenon of the diaspora]. In: *Etnograficheskoe obozrenie*, 2000, no. 2, pp. 43–63. Available at: http://www.valerytishkov.ru/engine/documents/document1793.pdf [in Russian].

Harutunyan 2006 – *Harutunyan A. Hayots Mets Yegherne yev hay gaghtakanutyune Kovkasum 1914–1916 tt.* [Armenian Genocide and Armenian immigration in Caucasus in 1914–1916-ies]. In: *Hayots Tseghaspanutyan ardi khndirner* [Current topics of the Armenian Genocide], 2006, no 1, 26 p. [in Armenian].

http://ucom.ru/doc/na.2019.04.02.165.pdf

Симонян А.Г., Аветисян Т.К., Саградян А.А. Анализ экологического состояния рек Мегри и Веди с помощью армянского индекса качества воды

Simonyan A.G., Avetisyan T.K., Sahradyan A.A. Analysis of the ecological state of the Megri and Lead rivers using the Armenian Water Quality Index

В данной статье впервые с помощью армянского индекса качества воды оценено качество воды рек Мегри и Веди. Установлено, что армянский индекс качества воды имеет прямолинейную зависимость от индекса загрязненности воды, удельно-комбинаторного индекса качества воды, энтропийного индекса качества воды и обратную зависимость от канадского индекса качества воды
Ключевые слова: *река, индексы качества воды, армянский индекс качества воды, Армения*

In this article, the quality of water in the rivers Megri and Vedi was estimated with the help of the Armenian water quality index. It is established that the Armenian water quality index has a linear dependence on the water pollution index, the specific water quality index, the entropy index of water quality and the inverse dependence on the Canadian water quality index
Key words: *river, water quality indices, armenian water quality index, Armenia*

Симонян Арсен Геворгович
Кандидат технических наук, научный работник
Ереванский государственный университет
Армения, г. Ереван, ул. Алека Манукяна, 1

Аветисян Тарон Камоевич
Магистр, менеджер
Араратский коньячный завод"Арт Ланч"
Армения, Араратский марз, с. Айгаван, ул. Хоренаци, 94

Саградян Артур Азарович
Магистр, инженер
ЗАО "ВЕОЛИА ДЖУР"
Армения, г. Ереван

Simonyan Arsen Gevorgovich
Candidate of Technical Sciences, Scientist
Yerevan state university
Arnenia, Yerevan, Aleka Manukyana st., 1

Avetisyan Taron Kamoevich
Master, Manager
Ararat brandy factory "Art Lunch"
Arnenia, Ararat marz, Aygavan vill., Khorenatsi st., 94

Sahradyan Artur Azarovich
Master, Engineer
CJSC "Veolia Jur"
Arnenia, Yerevan

Введение

Для оценки степени экологического состояния рек используются комплексные показатели, которые позволяют количественно оценить загрязненность воды одновременно по широкому перечню показателей качества. Следует отметить, что большинство разработанных к настоящему времени комплексных характеристик состояния водных объектов так или иначе связано с существующими *предельно допустимыми концентрациями* (*ПДК*)[1].

· http://ucom.ru/na · ISSN 2411-7609 · Science Almanac ·

В Республике Армения для оценки качества поверхностных вод используются индекс загрязнения воды (ИЗВ), канадский индекс качества воды (КИКВ) и удельно-комбинаторный индекс качества воды (УКИКВ) [2-4]. В последние годы для комплексной оценки качества поверхностных вод предлагался энтропийный индекс качества воды(ЭИКВ) и армянский индекс качества воды (АИКВ) [5-7].

Целью данной работы является оценка качества воды рек Мегри и Веди.

Объект исследования

Веди – река в Армении, левый приток реки Аракса. Длина 58 км, площадь бассейна – 633 км^2. Начинается с юго-восточных склонов горного хребта Манкан, около 2700 метров над горным хребтом Гегама. В верхнем течении река носит горный характер. Нижний ручей проходит через Араратскую долину и впадает в Аракс, примерно в 2 км к югу от деревни Ехегнаван, на высоте 810 м над уровнем моря. На реке Веди расположены две створа (мониторинговые посты): № 80 – 0,5 км выше Урцадзора и № 82 на устье реки.

Мегри-река, протекающая на юге Армении, в Сюникской области, длина реки составляет 32 км. площадь бассейна – 336 км^2. Мегри протекает в Мегринском ущелье, является левым притоком Аракса, У устья на реке расположен одноимённый город Мегри. На реке Мегри расположены два створа: № 89 – 0,5 км выше г. Мегри и № 90 на устье реки

Методика расчета

Для расчета значений ЭИКВ и АИКВ пользуемся следующим вычислительным алгоритмом:

1. Определяются числа случаев превышения ПДК i-го вещества или показателя воды –*n.*

2. Оценивается общая сумма случаев превышений ПДК (N) – $N=\sum n$.

3. Вычисляются log_2N, $nlog_2n$ *и* $\sum nlog_2n$.

4. Рассчитывается синтропия и энтропия:

$I = \sum nlog_2n \ / \ N\frac{\sum m_i log_2 m_i}{M}$ и $H = log_2N - I$.

5. После чего определяется функция (G) или ЭИКВ: $G = H / I$.

6. Далее оценивается общая сумма кратности превышений ПДК (M) – $M=\sum m$.

7. Вычисляется $\log_2 M$.

8. Определяется Армянский индекс качества воды:

АИКВ = $G + 0.1\log_2 M$.

Результаты и их обсуждение

Установлено, что в водах рек регулярно превышаются концентрации иона амония, селена и некоторых металлов(см. табл. 1 и 2) .

Так, в воде реки Веди регулярно превышается ПДК меди, ванадия, аллюминия, мангана, хрома. Например, для БПК$_5$, NH_4^+, Al, V, Cu, Mn и Cr число случаев превышения ПДК соответственно 4, 4, 7, 7, 7, 4 и 6 раз.

· http://ucom.ru/na · ISSN 2411-7609 · Science Almanac ·

Таблица 1. Энтропийный и Армянский индексы качества воды реки Мегри

Створ	89		90	
Показатель	n	$nlog_2n$	n	$nlog_2n$
Al	4	8	5	11.6
Cu	8	24	11	38.03
Se	2	2	0	0
N	14		16	
$\sum nlog_2n$	32		49.63	
I	2.286		3.102	
H	1.519		0.898	
ЭИКВ	0.665		0.289	
M=Σm	8.3		6.2	
log_2M	3.05		2.63	
АИКВ	0.970		0.552	

Сумма случаев превышений ПДК – N = 39, $\sum nlog_2n$ = 98.42, I = 98.42/39 = = 2.524, H = $log_2 39$ – 2.524 = 2.758, G = 2.758/2.524 = 1.093. Общая сумма кратности превышений ПДК – M=∑m=28, log_2M= 4.81, АИКВ= 1.093 + 0.481=1.511 (см. табл.2)

Таблица 2. Энтропийный и Армянский индексы качества воды реки Веди

Створ	80		82	
Показатель	n	$nlog_2n$	n	$nlog_2n$
$БПК_5$	0	0	4	8
NH_4^+	0	0	4	8
Al	8	24	7	19.64
V	8	24	7	19.64
Cu	4	8	7	19.64
Mn	0	0	4	8
Se	1	0	0	0
Cr	4	8	6	15.5
N	25		39	
$\sum nlog_2n$	64		98.42	
I	2.56		2.524	
H	2.06		2.758	
ЭИКВ	0.813		1.093	
M=Σm	12.4		28	
log_2M	3.63		4.81	
АИКВ	1.176		1.511	

Качество воды водохранилищ также оценено с помощью других индексов качества воды: ИЗВ [2], КИКВ [3] и УКИКВ [4] (см.таблица 3).

· http://ucom.ru/na · ISSN 2411-7609 · Science Almanac ·

Таблица 2. Индексы качества воды водохранилищ

Индексы	АИКВ	ЭИКВ	ИЗВ	КИКВ	УКИКВ
80	1.176	0.813	1.08	82.95	1.45
82	1.511	1.093	2.12	64.10	2.77
89	0.970	0.665	0.80	82.76	1.09
90	0.552	0.289	1.28	79.31	1.88

С помощью компьютерной программы «Origin-6» проведен анализ линейной зависимости между АИКВ и индексом качества воды (ИКВ):

АИКВ = a + b ■ [ИКВ]

АИКВ = (0.508 ± 0.570) + (0.413 ± 0.405) ■ ИЗВ, R=0.58476, N=4

АИКВ = (0.572 ± 0.653) + (0.267 ± 0.343) ■ УКИКВ, R=0.48189, N=4

АИКВ = (0.196 ± 0.024) + (1.197 ± 0.032) ■ ЭИКВ, R=0.99930, N=4

АИКВ = (3.245 ± 1.907) – (0.028 ±0.025) ■ КИКВ, R=0.63272, N=4

Анализ полученных данных свидетельствует о том, что АИКВ имеет прямолинейную зависимость с ИЗВ, УКИКВ и ЭИКВ и обратную зависимость с КИКВ.

Список используемых источников:

1. Никаноров А.М. Научные основы мониторинга качества воды. Санкт-Петербург: Гидрометеоиздат, 2005. 577 с.
2. Временные методические указания по комплексной оценке качества поверхностных и морских вод по гидрохимическим показателям, введены в действие указанием Госкомгидромета №250-1163 от 22.09.86. М. 1986. 5 с.
3. CCME Water Quality Index. Technical Report, Excerpt from Publication Ni 1299, SBN 1-896997-34-1, Winnipeg, 2001.
4. РД 52.24.643-2002. «Руководящий документ. Методические указания. Метод комплексной оценки степени загрязненности поверхностных вод по гидрохимическим показателям». Санкт-Петербург: Гидрометеоиздат, 2002. 55 с.
5. Simonyan A.G. Analysis of environmental status of the river Voghji with Armenian index of water quality // Proceedings of YSU, Series Cemistry and Biology. 2016. №2. P. 20-24.
6. Simonyan A.G., Simonyan G.S., Pirumyan G.P. Analysis of environmental status of the rivers Aghstev and Getik with Armenian index of water quality // European Journal Of Natural History. 2016. №4. P. 28-33.
7. Simonyan G.S., Simonyan A.G., Pirumyan G.P. Systemic-entropy approach for estimating the water quality of a river // Oxidation Communications. 2018. Vol. 41. № 2. P. 307–317.

УДК 81

THE VERB INTERPRETATION IN ARABIC AND ARMENIAN GRAMMATICAL TRADITIONS (IN THE CONTEXT OF GREEK INFLUENCE)
О ТОЛКОВАНИИ ГЛАГОЛА В АРАБСКОЙ И АРМЯНСКОЙ ГРАММАТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЯХ (В КОНТЕКСТЕ ГРЕЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ)

А.К. Андреасян
Ереванский государственный университет языков и социальных наук имени В.Я. Брюсова
arusandreasyan@gmail.com

Submission Date: 12.01.18

Аннотация

Статья посвящена проблеме толкования глагола в арабской и армянской грамматических традициях на ранних этапах их формирования, на основе анализа соотношения арабской и армянской грамматики с греческой логикой и философией языка арабского философа-неоплатоника X в. аль-Фараби (870-950). Статья ставит целью представить некоторые наблюдения, которые в свете междисциплинарных исследований могут быть использованы для выявления параллелей между, с одной стороны, армянской грамматической и философской мыслью, с другой стороны – арабской грамматикой и философией языка аль-Фараби. В результате исследования становится ясным, что армянская и арабская грамматики, подвергавшиеся влиянию древнегреческой научной мысли в период своего формирования, обращались к ряду подобных вопросов, как например: проблема первенства глагола и имени и вопрос о первенстве глагольных времён. В этом контексте следует подчеркнуть созвучное понимание глагольных времён у аль-Фараби и представителя армянской грекофильской школы Мовсеса Грамматика.

Ключевые слова: *арабская грамматическая традиция, армянская грекофильская школа, греческая логика, философия языка, проблема первенства глагола и имени, первенство глагольных времён*

Abstract

The paper is dedicated to the problem of verb interpretation in Arabic and Armenian grammatical traditions at the early stages of their formation, based on the analysis of the correlation of Arabic and Armenian grammar with Greek logic and the philosophy of language of al-Farabi, a 10th century Arab Neoplatonic philosopher (870-950). The article aims to present some observations and by using

interdisciplinary research methods to draw parallels between Armenian grammatical and philosophical thoughts, and the approaches of Arabic grammar and the philosophy of language of al-Farabi.As a result, it becomes clear that the Armenian and Arab grammatical traditions, which were influenced by the ancient Greek scientific thought at the beginning of their formation, have discussed a number of similar questions, such as the primacy problems of verb and name and verb tenses. In this context, the paper emphasizes the similar perception of the verb tenses by al-Farabi and the representative of the Armenian Hellenophile School Movses Grammarian.

Key words: *Arabic grammatical tradition, Armenian Hellenophile School, Greek logic, philosophy of language, the primacy problem of verb and name, the primacy of verb tenses*

ВВЕДЕНИЕ

Одной из самых обсуждаемых задач арабского языкознания является вопрос греческого влияния на процесс формирования грамматических учений.

В IX в. в Арабском халифате разворачивается широкомасштабная переводческая деятельность (в основном, с использованием ассирийского в качестве языка-посредника, а именно: с греческого на ассирийский, потом, на арабский). Можно заметить, что это не было только лишь переводом, но мощным методом ознакомления с чужим научным и философским наследием. Как отмечает арабист, исламовед Д. Гутас, к концу X в. почти всё греческое научное и философское наследие было доступно арабам [Gutas, 1998, p. 1]. Оно сыграло определяющую роль в ходе развития арабо-мусульманской культуры. Важность этой переводческой деятельности в арабской научной и культурной жизни, пожалуй, можно сравнить с большим значением переводческого движения и формирования грекофильской школы, начатого в Армении после создания в V в. армянской письменности, когда переживала расцвет армянская, как переводная, так и самостоятельная литература, были переведены с греческого и истолкованы десятки ценных сочинений античных авторов, в том числе, «Категории» и «Об истолковании» (De Interpretatione) Аристотеля (д. н. э. 384-322), «Введение» («Isagoge») Порфирия[16] и «Грамматическое искусство»

[16] Порфирий Финикийский (III-IV вв. н. э.) – античный философ, представитель неоплатонизма, автор множества философских трудов, среди которых широко известно его «Введение» к «Категориям» Аристотеля, или просто «Введение». В средневековой философии было придано большое значение этому труду как самого настоящего введения к «Категориям» Аристотеля, помогавшего лучше понимать суть категорий Аристотеля. В истории армянской философии одним из известных толкователей этого труда был величайший армянский мыслитель V-VI веков Давид Непобедимый [Davit' Anhaght', 1999, pp. 91-181]. В арабо-мусульманской среде ценное толкование «Введения» Порфирия принадлежит перу аль-Фараби.

(Tékhnē grammatiké) Дионисия Фракийского[17]. Г. Манандян, подвергший скрупулёзному анализу произведения грекофильской школы, пишет: «Греческое направление – великий переворот в древне-армянской рукописной традиции, который основательно преобразовывает армянский литературный язык, стиль, также научный, идейный запас и мировоззрение авторов» [Manandyan, 1928, p. 3].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Вся переводческая деятельность у арабов в IX-X вв. была сконцентрирована в Багдаде, где халифами Аббасидами был основан крупный интеллектуальный центр *Bayt al-ḥikmah* («Дом мудрости») [Gutas & van Bladel, 2009, pp. 133-137]. В этот период здесь осуществляются исследования, имеющие колоссальное значение, как в области арабской грамматики, так и в области арабских толкований греческой логики. Многие учёные, в том числе Абу Бишр Матта ибн Юнус (умер в 940 г.), Яхья ибн Ади (умер в 974 г.), Абу Сулейман аль-Сиджистани (умер в 985 г.) и другие, приезжают в Багдад. Они концентрируют своё внимание на исследовании Аристотелевского корпуса, переводя на арабский язык (в основном, через ассирийский) те труды, которые ещё не были переведены переводчиками VIII-IX вв., а также корректируя и толкуя прежде переведённые варианты. Их основной целью являлось открыть учения Аристотеля и его греческих толкователей для арабоязычных студентов, изучающих философию и логику[18]. В этом контексте очень важное место занимал «Органон» Аристотеля.

Таким образом, осуществив переводы греческих философских и логических сочинений (первоначально, в основном, дословно) и создав арабскую терминологию, эти переводчики и толкователи приобщили греческую логику к арабской грамматике, пытаясь применить принципы греческой логики в контексте последней.

Интересно заметить, что ещё в дописьменную эпоху Армения также находилась в тесном политическом, экономическом и культурном контакте с греческим миром – одним из главных центров возникновения грамматики, будучи вовлечённой в сферу эллинистического влияния, что не могло не отразиться на передаче лингво-грамматических знаний [Jahukyan, 1954, pp. 31-40]. А в V-VII вв. постепенно сформировалось и стало развиваться культурно-переводческое направление, которое в армяноведении принято называть

---

[17] Дионисий Фракийский (170-90 д. н. э.) – автор самого древнего систематизированного сочинения, обобщающего все грамматические наблюдения грамматики Александрийской школы. Сочинение представляет собой краткое практическое изложение александрийской грамматики. Он служил образцом для формирования и развития грамматических традиций латинского и других языков (в том числе и армянского).

[18] Об арабских переводов трудов Аристотеля и их отдельных изданиях см. [Walzer R., 1963, pp. 60-113].

«грекофильской школой», а неологизмы, отклоняющиеся от классического армянского и основанные на греческом – «грекофильским армянским» [Muradyan, 1971, p. 10].

Этим же обусловлено и то, что на раннем этапе формирования как армянских, так и арабских грамматических традиций обсуждались общие вопросы, «переданные» греческой традицией. И в дальнейшем изложении настоящей статьи будет сделана попытка представить некоторые наблюдения, которые в свете междисциплинарных исследований могут быть использованы для выявления параллелей между, с одной стороны, армянской грамматической и философской мыслью, с другой стороны – арабской грамматикой и философией языка аль-Фараби.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Одна из версий истории формирования арабской грамматической традиции, согласно которой, она изначально зародилась и развивалась в иракском городе Басра, на протяжение веков приобрела статус официальной версии истории раннеарабской грамматики [Talmon, 2000, p. 245]. Согласно этой версии, первым арабским грамматиком считается Абу аль-Асуад аль-Дуали (умер 688/718), которому покровительствовал 4-ый праведный халиф Али (умер 661). Последний поручает ему заняться вопросами грамматики, чтобы исключить искажения *[fasād al-luġah]* в литературном языке и, особенно, во время чтения Священной Книги – Корана [Versteegh, 1996, pp. 16-19]. Далее упоминаются Сибавейхи (умер 796) – автор первой сохранившейся книги об арабской грамматике *Al-Kitāb*, Иса ибн Омар (умер 766), Юнус ибн Хабиб (умер 798/799) и, конечно, учитель Сибавейхи Халил ибн Ахмад (умер 786/791) [Talmon, 2000, p. 245].

Арабские источники в деле формирования арабской грамматики крупнейшим завоеванием считают создание учениками грамматиков Басры (предположительно во второй половине VIII в.) «нового очага» исследования языка и грамматики в Куфе (на северо-востоке от Басры). Видными деятелями Куфы были аль-Руаси (умер 809), аль-Кисаи (умер 805), аль-Фарра (умер 823), роль которых в деле формирования местного центра была настолько весомой, что этот центр стал «соперничать» с более древним центром в Басре [Versteegh, 1977, pp. 107-113]. Постоянным предметом обсуждений были как вопрос об истоках и истории этих «школ», так и вопрос использования ими специальной терминологии[19]. Позднее, когда крупнейшим культурным центром стал Багдад

[19]О терминологии, использованной грамматиками Басры и Куфы см., [Versteegh, 1993, pp. 9-16]. А основным источником, представляющим грамматические дискуссии и разногласия между этими «школами» является сочинение «Inṣāf» аль-Анбари (умер 1148) [Al-Anbārī, 2002].

– столица Исламской империи, здесь, в результате объединения грамматиков двух «школ», была создана «смешанная школа» [Owens, 1991, pp. 225-238; Versteegh, 1977, pp. 107-113].

Среди основных расхождений между грамматиками Басры и Куфы был вопрос о первенстве «глагола» и «имени». Согласно грамматикам Басры, *maṣdar*[20] (отглагольное имя) – тот источник, от которого производятся глаголы, в отличие от грамматиков Куфы, которые первенство отдавали глаголу [Versteegh, 1977, pp. 83-89, а из арабских первоисточников Al-Anbārī, 2002, pp. 192-201]. В арабистической литературе неоднократно обсуждался вопрос о том, что подобные обсуждения были результатом греческого влияния [Versteegh, 1977]. «Поскольку в античном мире не было проблемы языка вообще, а была только проблема имени, то естественно, что вопрос о происхождении частей речи должен был сузиться, превращаясь в вопрос только о возникновении имени и глагола» [Jahukyan, 1954, p. 139].

Стоит заметить, что на ранней стадии формирования армянской грамматики обсуждался вопрос первенства «имени» и «глагола», что также было результатом греческого влияния. Например: представители армянской грекофильской школы, толкователи грамматики Д. Фракийского Давид и Мовсес Грамматик (прибл. V-VII вв.) придерживались того мнения, что имя возникло прежде глагола, поскольку имя есть выразитель сущности, глагол же выразитель воздействия. То есть, они разделяют материю от движения, происхождение первых предпосылая происхождению вторых [Jahukyan, 1954, pp. 139, 166]. В качестве основного аргумента это можно увидеть и у басрийцев[21]. А грамматик Степанос Сюнеци (умер 731) отмечает первенство «глагола» перед «именем». Он, как и Аристотель, отождествляет «части речи» с «членами предложения». В концепции Сюнеци, «глагол» отождествляется со «сказуемым», считаясь «ядром» предложения, и «если имя абстрактно, то глагол – это конкретизация в предложении, будучи носителем всего высказывания» [Jahukyan, 1954, p. 192; Адонц, 1915, С. 203].

Таким образом, если у Давида и Мовсеса преобладал рационалистический подход, абстрагирование в определении частей речи от их употребления, то у Сюнеци вперёд выдвинута функция слов, исследование частей речи производится, исходя из их употребления. И он части речи рассматривает как синтаксические категории [Jahukyan, 1954, pp. 193-194].

[20] В терминологии грамматиков Куфы – «*ism al-fiʿl*».
[21] В арабской грамматике это является основным «несинтаксическим» аргументом, чтобы показать первенство «имени» перед «глаголом», см. [Versteegh, 1977, p. 143].

Что касается определения глагола в «арабской среде», то арабские грамматики обычно определяют глагол в морфологическом аспекте, то есть, берут те морфологические особенности последнего, которые дифференцируют, отделяют его от имени и частицы. Пример подобного определения можно увидеть у Сибавейхи [Sībawayhi, 1988, p. 12:3-4][22].

Но после переноса центра арабской грамматики в Багдад, наблюдаются значительные различия в контексте лингвистических подходов и мышления, в связи с переводом на арабский язык и толкованием греческих сочинений по философии и логике в IX-X вв. и с их соответствующим влиянием. В этот период среди арабских грамматиков отмечается интерес к исследованию теоретических основ лингвистических явлений, который отсутствовал в грамматических сочинениях более раннего периода. То же самое относится и к характеру и происхождению языка, и к обсуждениям связи языка и мышления, которые не встречались в арабской грамматике вплоть до X в. [Versteegh, 2000, pp. 300-306].

У грамматика X в. аль-Задждаджи (860/870-949) уже явно можно увидеть влияние логики, что связано или непосредственно с влиянием философа-неоплатоника Абу Насра аль-Фараби (870-950), который был основным источником для ознакомления арабских авторов с греческой логикой, или же с аль-Сарраджем (умер 928), который, в свою очередь, учился логике у аль-Фараби. В своём сочинении «*Al-'Iḍāḥ fī 'ilal al-naḥw*» («Объяснение грамматики») аль-Задждаджи всячески пытался дифференцировать логический и грамматический подходы.

Здесь стоит обратить внимание и на то наблюдение, что в X в. среди арабских грамматиков получает некоторое распространение переход от сибавейхийской терминологии *māḍī – muḍāri'* к терминологии *māḍī – ḥal – mustaqbal* [Versteegh, 1977, p. 80]. Скорее всего, это также было связано с широкомасштабными переводами на арабский язык аристотелевской логики. Хотя К. Верстег отмечает, что такая система терминов в арабской грамматике использовалась и до этих переводов. Это обстоятельство он связывает с фактором прямого воздействия греческой грамматики на арабскую грамматику [Versteegh, там же]. В целом, становится очевидной тенденция перехода от противопоставления *māḍī – muḍāri',* которое во многом относится к формальному плану, к противопоставлению *māḍī – ḥal – mustaqbal,* которое рассматривается уже в содержательном, семантическом плане.

Арабские грамматики, основываясь на аргументах физических критериев, могли противиться существованию настоящего времени [Zajjājī, 1979, pp. 86-

[22] О других вариантах определения «глагола» см. [Versteegh, 1977, pp. 70-90].

87], но они однозначно принимали существование системы иерархии трёх грамматических времён. Речь – это «отражение» реальности. Следовательно, есть как три грамматических, так и три физических времени. Система иерархии первых определяется иерархией последних [Versteegh, там же].

Аль-Задджаджи допускает хронологическую очерёдность «существования ещё не существующего и существовавшего в прошлом», из чего исходит иерархия глагольных времён «будущего-настоящего-прошедшего» *(mustaqbal (muntaẓar) – ḥal – māḍī).* Он отмечает, что сначала что-то должно произойти, потом оно происходит, после чего оно уже в прошлом [Zajjājī, 1979, p. 85]. Как замечает К. Верстег, это совпадает с точкой зрения большинства арабских грамматиков [Versteegh, 1977, p. 81]. Но грамматик аль-Саррадж, например, придерживается другого мнения: он первым глагольным временем считает настоящее время, за которым непосредственно следуют будущее и прошедшее времена [Versteegh, там же]. Такой подход аль-Сарраджа мог бы быть результатом влияния аль-Фараби.

Аль-Фараби даёт альтернативное определение настоящего времени *(«zamān ḥādir», «al-ān al-ḥādir»).* В *Şarḥ*-е («*Şarḥ al-Fārābī li-Kitāb Aristūtālīs fī al-ʻIbārah*»), где он толкует «Об истолковании» Аристотеля, он пишет: *«Если в прошедшем берётся какой-нибудь отрезок времени из [того] настоящего, являющегося и концом и началом, и которое соединяется с тем же временным отрезком будущего, и если эти два временных отрезка [взятые] из настоящего, являющегося и концом и началом, формируют один [общий] отрезок в прошедшем и будущем, и если они берутся вместе, то это время и есть настоящее*» [Fārābī, 1960, p. 41: 2-4].

فإذا أخذ زمان له بعد محدود في الماضي من الآن الذي هو نهاية ومبدأ، وجمع إلى مثله من المستقبل وكان بعدهما جميعا من الآن الذي هو النهاية والمبدأ بعدا واحدا في الماضي والمستقبل وجمعا جميعا كان ذلك الزمان هو الزمان الحاضر.

То есть, для настоящего времени объединяются прошедшее и будущее времена. Время, предшествовавшее этому сложному настоящему времени –прошедшее время, а последующее – будущее время [Fārābī, 1960, p. 41].

Аль-Фараби убежден, что, когда речь идет о грамматических временах, Аристотель рассматривает настоящее *(«al-ān»* – «сейчас») как источник, а два других времени (прошедшее и будущее) – просто производные от него. Это можно увидеть в его «Об истолковании» [Fārābī, 1960, p. 39]: «Также и «выздоровел», и «выздоровеет» являются не глаголами, а глагольными изменениями. Они отличаются от глагола тем, что глагол дополнительным

образом обозначает настоящее время, а они являются теми временами, которые вне настоящего» [Aristotle, 1963, 16b16].

В *Şarḥ*– е аль-Фараби отмечает, что Аристотель называет глаголом только глагол настоящего времени. А когда необходимо указать на прошедшее и будущее времена, Аристотель использует не термин глагол *(al-kalimah*[23]*)*, а термин глагольное изменение *(taṣrīf al-kalimah)*, этим разделяя глаголы на две группы – *kalim ġayr muṣarrafah* и *kalim muṣarrafah,* соответственно, неизменяемый (или глагол настоящего времени) и изменяемые (или глаголы прошедшего и будущего времени) [Fārābī, 1960, pp. 39-40].

Таким образом, основываясь на философии Аристотеля, аль-Фараби выражает убеждение, что этот философский подход, относительно времени, является более соответствующей основой для понимания идеи «глагола», нежели грамматическое понимание настоящего времени. В концепции грамматика аль-Заджжаджи настоящее время является «последовательным переходом *(awwalan-awwalan)* от будущего к прошедшему» [Zajjājī, 1979, p. 87]. А в концепции аль-Фараби прошедшее и будущее объединяются в «общевременное настоящее»[24].

Такое понимание настоящего времени в концепции аль-Фараби, как «общевременное настоящее время», состоящее из прошедшего и будущего, крайне важно для выражения логических связей, которые «вне времени». Подобным образом комментируя настоящее время, аль-Фараби преследовал цель решить проблему отсутствия глагольной связки в арабском языке [Andreasyan, 2014, pp. 43-56].

Интересно заметить, что в ранней стадии формирования армянской грамматики представители грекофильской школы также обсуждали вопрос о том, какое из трёх глагольных времён является главным. Грамматик Давид отмечает, что некоторые считают главным настоящее время, а некоторые – прошедшее [Адонц, 1915, С. 113]. Второй вопрос, поднятый Давидом о временах глагола, относится к объективности времени; то есть, оно «существует» или «не существует»? Другими словами, он рассматривает не грамматическое, а философское понимание понятия «время», как аль-Фараби. Грамматик утверждает, что сторонники первой точки зрения указывали на следующий пример: «Движение небесных тел, а также развитие всего сущего и соответствующий порядок в мире происходят во времени» [Адонц, там же]. А Аристотель говорил, что времени не существует, так же, как и «воображаемые

[23] Так именуется глагол в концептуальной системе аль-Фараби.
[24] Термин по Ш. Абеду – «omnitemporal present tense» [Abed, 1991, p. 120].

сущности[25] бывают известны лишь по названию, а не истинно» [Адонц, 1915, С. 113]. Другими словами, точка зрения Аристотеля здесь единодушно интерпретируется Давидом как последовательно идеалистическое мнение [Jahukyan, 1954, p. 146]. Фактически, подход Аристотеля, относительно времени, не является последовательно материалистическим или идеалистическим [Aristotle, eBook, Book 4].

Мовсес Грамматик признаёт превосходство настоящего времени над прошедшим и будущим. Он считает настоящее время «прямой» формой глагола, отмечая, что остальные – это его изменения. «Настоящее время это непосредственно видимое время, а прошедщее и будущее времена – слышимые; через настоящее время, как наиболее знакомое и известное, становятся известными и другие времена» [26] [Jahukyan, 1954, pp. 168-169; Адонц, 1915, стр. 174]. Г. Джаукян замечает, что такое определение глагольных времён Мовсесом Грамматиком было результатом влияния стоиков, в то же время отметив, что во многих вопросах армянский толкователь находился под влиянием Аристотеля [Jahukyan, там же].

ВЫВОДЫ

Становится ясным, что армянская и арабская грамматики, подвергавшиеся влиянию древнегреческой научной мысли в период своего формирования, обращались к ряду подобных вопросов, как например: проблема первенства глагола и имени и вопрос о первенстве глагольных времён. В этом контексте следует подчеркнуть созвучное понимание глагольных времён у аль-Фараби и представителя армянской грекофильской школы Мовсеса Грамматика. Они оба подчёркивают первенство настоящего времени глагола, считая его правильной формой и предпочитая его прошедшему и будущему временам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Gutas, D. (1998). Greek Thought, Arabic Culture. The Graeco-Arabic translation Movement in Baghdad and early ‘Abbāsid Society (2nd-4th/ 8th-10th centuries). London, Routledge.
2. Gutas, D., & van Bladel K. (2009). Bayt al-ḥikma. In Encyclopedia of Islam Three, 2, 133-137.
3. Walzer, R. (1962). Greek into Arabic: Essays on Islamic Philosophy. Cambridge: Harvard University Press.

[25] В оригинале на древнеармянском употребляется термин *«յուշկապարիկ» (hushkaparik)* [Ghazaryan, 2000, p. 251].

[26] Можно заметить, что этот подход имеет четкие параллели с подходом философа-стоика Хрисиппа Солийского, см. [Versteegh, 1977, pp. 75-76].

4. Ջահուկյան Գ․, Քերականական և ուղղագրական աշխատությունները Հին և Միջնադարյան Հայաստանում (V-XV դդ․), Երևան, 1954.
5. Մուրադյան Ա., Հունաբան դպրոցը և նրա դերը հայերենի քերականության տերմինների ստեղծման գործում, Երևան, 1971.
6. Դավիթ Անհաղթ, Երկեր, Երևան, 1999.
7. Մանանդյան Հ., Հունաբան դպրոցը և նրա զարգացման շրջանները, Վիեննա, 1928.
8. Talmon, R. (2000). The First Beginnings of Arabic Linguistics: The Era of the Old Iraqi School. History of the Language Sciences, 245-252.
9. Versteegh, C. (1996). Linguistic Attitudes and the Origin of Speech in the Arab World. In Understanding Arabic: Essays in Contemporary Arabic Linguistics in Honor of El-Said Badawi. Cairo; The American University in Cairo Press, 15-31.
10. Versteegh, C. (1977). Greek Elements in Arabic Linguistic Thinking. Studies in Semitic Languages and Linguistics. Leiden: E.J. Brill.
11. Versteegh, C. (1993). Arabic Grammar and Qur'ānic Exegesis in Early Islam. Leiden: E.J. Brill.
12. أبو البراكات الأنباري، الإنصاف في مسائل الخلاف بين النحويين البصريين والكوفيين، القاهرة، 2002
13. Owens, J. (1991). Models for Interpreting the Development of Medieval Arabic Grammatical Theory. Journal of the American Oriental Society, 111 (2), 225-238.
14. Адонц Н., Дионисий Фракийский и армянские толкователи, Петроград, 1915 (на армянском и русском языках).
15. سيبويه، الكتاب، الجزء الأول، القاهرة، مكتبة الخانجي، 1988.
16. Versteegh, C. (2000). Grammar and Logic in the Arabic Grammatical Tradition. History of the Language Sciences. Berlin and New York: Walter de Gruyter, 300-306.
17. أبو القاسم الزجاجي، الإيضاح في علل النحو، بيروت، 1979.
18. أبو نصر محمد ابن محمد الفارابي، شرح الفارابي لكتاب أرسطوطاليس في العبارة، بيروت، المطبعة الكاثوليكية، 1960
19. Aristotle. (1963). Categories and De Interpretatione, trans. with notes by J. L. Ackrill. Oxford: Oxford University Press.
20. Abed, Sh. (1991). Aristotelian Logic and The Arabic Language in Alfarabi, New York: State University of New York Press.
21. Անդրեասյան Ա․, Ստորոգելիական հանգույցի հիմնախնդիրն արաբերենում ըստ ալ-Ֆարաբիի, «Արաբագիտական ուսումնասիրություններ», Երևան 2014, հ. 7, էջեր 43-56.
22. Ղազարյան Ռ․, Գրաբարի բառարան, Երևան, 2000.
23. Aristotle. Physics, Books IV, trans. by R.P. Hardie and R.K. Gaye. Retrieved from http://classics.mit.edu/Aristotle/physics.4.iv.html.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCES

1. Gutas, D. (1998). Greek Thought, Arabic Culture. The Graeco-Arabic translation Movement in Baghdad and early ‘Abbāsid Society (2nd-4th/ 8th-10th centuries). London, Routledge.
2. Gutas, D., & van Bladel K. (2009). Bayt al-ḥikma. In Encyclopedia of Islam Three, 2, 133-137.
3. Walzer, R. (1962). Greek into Arabic: Essays on Islamic Philosophy. Cambridge: Harvard University Press.
4. Jahukyan, G. (1954). Qerakanakan & ughghagrakan ashxatut'yunnery' Hin & Mijnadaryan Hayastanum (V-XV dd.) [Grammar and Spelling works in Old and Medieval Armenia (V-XV centuries)], Yerevan.
5. Muradyan, A. (1971). Hunaban dprocy' & nra dery' hayereni qerakanut'yan terminneri steghc'man gorc'um, Yerevan.
6. Davit' Anhaght' (1971). Yerker [Works], Yerevan.
7. Manandyan, H. (1928). Hunaban dprocy' & nra zargacman shrjannery' [Hellenophile School and its development periods], Vienna.
8. Talmon, R. (2000). The First Beginnings of Arabic Linguistics: The Era of the Old Iraqi School. History of the Language Sciences, 245-252.
9. Versteegh, C. (1996). Linguistic Attitudes and the Origin of Speech in the Arab World. In Understanding Arabic: Essays in Contemporary Arabic Linguistics in Honor of El-Said Badawi. Cairo; The American University in Cairo Press, 15-31.
10. Versteegh, C. (1977). Greek Elements in Arabic Linguistic Thinking. Studies in Semitic Languages and Linguistics. Leiden: E.J. Brill.
11. Versteegh, C. (1993). Arabic Grammar and Qur’ānic Exegesis in Early Islam. Leiden: E.J. Brill.
12. Al-Anbārī, I., Al-Anbārī, A. al-Barakāt, (2002). Al-’Inṣāf fī masā’il al-xilāf bayna al-naḥwiyyīn al-Baṣriyyīn wa-al-Kufiyyīn [Fairness in the matters of disagreement between Basrian and Kufan grammarians], Al-Qāhirah.
13. Owens, J. (1991). Models for Interpreting the Development of Medieval Arabic Grammatical Theory. Journal of the American Oriental Society, 111 (2), 225-238.
14. Adonc, N. (1915). Dionisij Frakijskij i armyanskie tolkovateli [Dionysius Thrax and the Armenian Interpreters], Petrograd, (in Armenian and Russian)
15. Sībawayhi. (1988). Al-Kitāb [The Book], al-juz’ al-’awwal [Part One], Al-Qāhirah, Maktabah al-Xānijī.
16. Versteegh, C. (2000). Grammar and Logic in the Arabic Grammatical Tradition. History of the Language Sciences. Berlin and New York: Walter de Gruyter, 300-306.

17. Zajjājī, Iḍāḥ = Abū al-Qāsim Al-Zajjājī. (1979). Al-'Iḍāḥ fī 'ilal al-naḥw [Grammar Interpretation], ed. by M. Mubārak, Bayrūt.
18. Fārābī, Şarḥ = Abū Naṣr Muḥammad ibn Muḥammad al-Fārābī. (1960). Şarḥ Al-Fārābī li-kitāb Aristūtālīs fī al-'Ibārah [Al-Farabi's Commentary on Aristotle's De Interpretatione], Bayrūt, Al-Maṭba'ah al-Kātūlīkīyyah.
19. Aristotle. (1963). Categories and De Interpretatione, trans. with notes by J. L. Ackrill. Oxford: Oxford University Press.
20. Abed, Sh. (1991). Aristotelian Logic and The Arabic Language in Alfarabi, New York: State University of New York Press.
21. Andreasyan, (2014). Atorogeliakan hanguyci himnaxndirn araberenum y'st Al-Farabii [The problem of copula in Arabic according to Al-Farabi], "Arabagitakan usumnasirutyunner" [Arabic studies], Yerevan, h. 7 [vol. 7], Pp. 43-56.
22. Ghazaryan, R'. (2000). Grabari bar'aran [Dictionary of Grabar], Yerevan.
23. Aristotle. Physics, Books IV, trans. by R.P. Hardie and R.K. Gaye. Retrieved from http://classics.mit.edu/Aristotle/physics.4.iv.html.

Information about the author
PhD Arusyak Kalyaevna Andreasyan
Yerevan Brusov State University of Languages and Social Sciences
375002, Yerevan, Toumanyan Str., 42
Armenia
arusandreasyan@gmail.com

ИНФРАСТРУКТУРА РЫНКОВ

Особенности функционирования армянской атомной энергетики

Одним из базовых вопросов Армянской АЭС остаётся проблема хранения и вывоза радиоактивных отходов и отработавшего ядерного топлива. Очевидно, что данный вопрос, будучи преимущественно технического характера, имеет также подчёркнутое внешнеполитическое содержание.

Сегодня в мировой ядерной энергетике существуют три базовых подхода к отработавшему ядерному топливу:

- переработка с извлечением урана, плутония и радиоактивных изотопов;
- окончательное захоронение в специальных хранилищах;
- отложенные решения (хранение с целью дальнейшего вывода).

Как известно, до 1989 г. отработавшее ядерное топливо с Армянской АЭС вывозилось железнодорожным транспортом в Россию через Азербайджанскую ССР для дальнейшей переработки. Однако в результате транспортной блокады Армении начиная с 1995 г. (когда после шестилетнего простоя второй энергоблок Армянской АЭС был запущен в эксплуатацию) отработавшее ядерное топливо аккумулировалось в Армении, в частности, на выведенном из эксплуатации первом энергоблоке Армянской АЭС.

Примечательно, что согласно решению Правительства Армении от 2017 г, первый блок АЭС должен быть полностью законсервирован, при этом срок лицензии на его использование в качестве хранилища заканчивается в 2020 г. Следовательно, уже сегодня необходимо вырабатывать транспортно-логистические схемы по вывозу радиоактивных отходов и отработавшего ядерного топлива с территории Армении.

Учитывая взаимосвязь армянской ядерной энергетики с российской, а также геополитические реалии, можно констатировать, что выбор здесь не велик. Мультимодальная логистическая цепочка может быть выстроена следующим образом: железная дорога Армении – железная дорога Грузии – паромная переправа Поти – Новороссийск – Урал.

Напомним, что летом 2001 г. Государственная дума одобрила законопроект, разрешающий ввоз отработавшего ядерного топлива в Россию из других государств, законопроект был подписан президентом В. В. Путиным. Предполагается, что отходы Армянской АЭС на переработку должно принять российское производственное объединение «Маяк», основанное ещё в 1948 г.

Разумеется, реализация вывоза «ядерного мусора» по указанному маршруту требует серьёзного политического и информационного лоббирования, особенно в грузинском направлении.

Как известно, после заявления представителей Армянской АЭС на международном форуме «Атомэкспо-2019» (апреле 2019 г., г. Сочи) о подготовительных работах по вывозу радиоактивных отходов с территории Армении ряд экологических организаций и активистов в Грузии забили тревогу. Их доводы преимущественно сводились и продолжают сводиться к тому, что перевозка «ядерного мусора» по территории Грузии может привести к экологической катастрофе, учитывая неудовлетворительное состояние дорожной инфраструктуры и особенности местного рельефа.

Более того, грузинские экологи ссылаются на законодательство, по которому перевозка данного груза по территории Грузии изначально была запрещена, однако затем, после принятия нового закона, стало сложно определить конкретные требования и нормативы, предъявляемые грузинской стороной. В целом подобный дискурс сегодня активно формируется в ряде грузинских медиа, а также со стороны отдельных политических и общественных деятелей.

Вместе с тем примечательно, что зачастую за формированием такого дискурса в грузинском обществе стоят проазербайджанские медиа или институты. Более того, весьма внимательно за этим следят и в самом Азербайджане, то и дело генерируя информационные шумы о рискогенности и «необратимых последствиях» перевозки «ядерного мусора» по территории Грузии.

Очевидно, что Еревану следовало заранее начать информационно-лоббистскую работу по данному вопросу, учитывая его сверхчувствительность, в том числе политическую. Тем более что перевозка отработанного ядерного топлива по территории Грузии должна неизбежно быть осуществлена в соответствии с международными стандартами и правилами в специальных контейнерах, выдерживающих даже чрезвычайные ситуации.

Впрочем, официального обращения Еревана к Москве по данному вопросу пока нет: стороны лишь налаживают диалог, формируя общее концептуальное видение проблемы. Следовательно, выведение вопроса на уровень общественных обсуждений и медийных баталий можно в некотором смысле охарактеризовать как тактическую ошибку основных бенефициаров данного процесса.

А. МАРКАРОВ,
доктор политических наук, профессор,
директор филиала Института стран СНГ в г. Ереване
В. ДАВТЯН,
кандидат политических наук

Цивилизационные ценности армянского общества в ответ на глобальные вызовы человеческой цивилизации

Вардумян Г. Д.[1, *], **Вардумян С. Д.**[2]

[1] Институт истории Национальной академии наук, Ереван, Республика Армения; * gohar.vardumyan@gmail.com
[2] Ереванский государственный университет языков и социальных наук им. В. Я. Брюсова, Ереван, Республика Армения

РЕФЕРАТ
На современном этапе всемирных процессов глобализации особо важными становятся общечеловеческие ценности, состоящие из множества национальных ценностей. Генофонд, территория и население, государство и экономика, социальная, общественная и культурная сферы представляют собой национальные ценности армянского народа, а их сохранение и развитие являются важнейшими предпосылками для национальной безопасности как на родине, так и в диаспоре. Особо значимую роль в перманентном процессе обеспечения необходимых условий для национальной безопасности армянского народа и армянской государственности в сложнейших и противоречивых условиях глобализации третьего тысячелетия предстоит играть молодежи, составляющей активное и созидательное ядро нынешнего армянства. Молодое поколение, будучи главным наследником многовековой культуры, призвано сохранить ценности и традиции армянской цивилизации и тем самым обеспечить дальнейший путь армянского народа в истории.
Ключевые слова: глобализация, армянский народ, национально-цивилизационные ценности, Республика Армения, НКР, диаспора, Бархатная революция

Civilizational Values of the Armenian Society in Response to the Global Challenges of Human Civilization

Gohar D. Vardumyan[a, *], **Suren D. Vardumyan**[b]

[a] Institute of History, National Academy of Sciences, Yerevan, Republic of Armenia, * gohar.vardumyan@gmail.com
[b] Yerevan State University of Languages and Social Sciences, Yerevan, Republic of Armenia

ABSTRACT
At the present stage of world globalization processes, universal human values, consisting of a multitude of national values, are becoming especially important. The territory and population, the state and economy, social, public and cultural spheres of life are national values of the Armenians, and their preservation and development are the most important prerequisites for national security, both in their homeland and in the Diaspora. A particularly significant role in the permanent process of ensuring the necessary conditions for the national security of the Armenian people and Armenian statehood, in the most complicated and contradictory conditions of the globalization in the III millennium, is to be played by young people who constitute the active and creative core of nowadays society. The young generation, being the main heir to the centuries-old culture, is designed to preserve the values and traditions of the Armenian civilization and, thus, ensure the future path of the Armenian people in history.
Keywords: globalization, armenian nation, national-civilizational values, Republic of Armenia, NKR, diaspora, Velvet revolution

На современном этапе всемирных сложных и противоречивых процессов глобализации, с одной стороны, региональных столкновений на религиозной и/или конфессиональной основе — с другой, особую значимость приобретают общечеловеческие и на их фоне общецивилизационные ценности, сформированные на основе территориальных, этнических, культурных и других собирательно-комплексных ценностей различных народов и народностей, состоящие, в свою очередь, из великого множества локально-национальных ценностей.

В многоцветной палитре общецивилизационных ценностей особое и достойное место занимают армянские национально-цивилизационные ценности[1], истоки которых идут в глубь тысячелетий, где испокон веков питались из древнейших цивилизаций. В географическом отношении культура и национально-цивилизационные ценности армянства сформировались и развивались на активном перепутье западных и восточных, северных и южных культур — на Армянском Нагорье и в близлежащих областях, а в наше время армяне распространены по всему миру[2], т. к. их носители

[1] Первоначальную версию данной статьи см. [6].
[2] См.: *Hewsen R. H.* Armenia: A Historical Atlas, University of Chicago Press, 2001 [Электронный ресурс]. URL: https://www.press.uchicago.edu/Misc/Chicago/332284.html (дата обращения: 01.11.2018). Находясь на стыке

по воле исторической судьбы разбросаны по всей армянской диаспоре, центром притяжения имея армянскую государственность в лице Республики Армения и НКР/Республики Арцах.

Об армянах, как о древнем народе, об истории Армении и богатой армянской культуре сохранилось множество сведений еще с древнейших времен, начиная с шумеро-аккадских, хетто-хурритских, ассиро-вавилонских источников, а затем из трудов античных (греко-римских) и средневековых авторов (как местных, так и иностранных). Немало исследований и современных специалистов, однако какие именно национально-цивилизационные ценности служили главными факторами формирования и развития армянской нации, ее выживания в труднейших исторических перипетиях в течение тысячелетий, — ответы на эти вопросы остаются открытыми, а их научное обоснование является актуальным и неотложным в условиях современных сложнейших глобализационных процессов. В данной статье делается попытка выявить и охарактеризовать национальноцивилизационные ценности армянской нации в рамках триединства Республики Армения — НКР/Арцаха — Диаспоры/Спюрка как в историческом, так и в современном аспектах.

Основополагающими национально-цивилизационными ценностями армянства являются:

а) **Генофонд**, уходящий корнями в глубокую древность. Генетика армян, принадлежащих арменоидному антропологическому типу европеоидной расы, согласно новейшим исследованиям, соответствует популяции исторической территории Армении, и армяне — прямые потомки древнего населения Армянского нагорья[1]. По данным исследований группы генетиков из Института Сенгера, геномного исследовательского центра в Кембриджшире (Англия), армянская генетическая популяция сложилась еще в III тыс. до н. э., в период одомашнивания лошади, появления колесниц и развитых цивилизаций Ближнего Востока, и армянский генетический кластер образовался на базе популяций Ближнего Востока, Кавказа и Европы[2]. И, несмотря на сложнейшую историческую судьбу, генофонд армян в большей или меньшей степени сохранился на тех территориях, где в течение тысячелетий, с самого начала своего генезиса, жили армяне и где протекала история армян. Это — Великая Армения, Малая Армения, Софена, Коммагена, Киликия, т. е. исторически армянский этнос занимал огромную, но компактную территорию между Черным, Каспийским и Средиземным морями. Нынешная Армения территориально намного меньше, но армяне сейчас народ «глобализованный», поскольку распространены по всему земному шару и проживают в более чем двадцати странах мира, причем в самой Армении живет около 3 млн, а в разных странах — около 12 млн армян, т. е. большая часть народа живет вне пределов Армении. Это серьезная угроза для генофонда нации, которая может раствориться в чужих национальных средах, где оказалась по воле судьбы, однако реальность показывает, что армянская диаспора в разных странах мира сохраняет национальную идентичность благодаря своим культурным ценностям, традиции которых помогают не только выжить вне родины, но и создать свою среду в другой стране, будь она в Европе, Азии, Америке или Австралии.

б) **Территория и население**, сохранение которых является первичной предпосылкой для сохранения генофонда и выживания любой нации. По причине известных событий прошлого тысячелетия, и особенно прошлого века, — вражеских нашествий, насильственных выселений, геноцида, а также других неблагоприятных, зачастую губительных историко-политических процессов

Европы и Азии, Армения в прошлом была местом скрещивания разных культур, играла роль посредника между разными цивилизациями Древности и Средневековья, особенно в период Великого шелкового пути (II в. до н. э. — XV в. н. э.), когда армянские купцы вели торговлю по всей длине сухопутной дороги, начиная с Китая и Индии до Британских островов [5; 11]. А в более поздние века (XVI–XVIII) армянские купцы Новой Джульфы создали глобальную торговую сеть от Индийского океана до Средиземноморья, работали в Исфахане, Лондоне, Амстердаме, Маниле, Акапулько и в других городах на разных континентах мира, став единственной евразийской общиной, сотрудничавшей со всеми империями того времени (см.: *Aslanian S.* From the Indian Ocean to the Mediterranean: The Global Trade Networks of the Armenian Merchants from New Julfa, University of California Press, 2014 [Электронный ресурс]. URL: https://www.ucpress.edu/book/9780520282179/from-the-indian-ocean-to-the-mediterranean (дата обращения 01.11.2018); *Danielyan E. L.*, Armenia: Civilizational Vector in the history of of the Divelopment of the Silk Road /Fundamental Armenology, ISSUE 1 (5) 2017 [Электронный ресурс]. URL: http://www.fundamentalarmenology.am/Article/12/452/Great%20Armenia.html (дата обращения: 01.11.2018)).

[1] В последнее время генетика армян заинтересовала многих специалистов Запада, из исследований которых см.: Генетическая история армян [Электронный ресурс]. URL: http://paleocentrum.ru/science/geneticheskaya-istoriya-armyan.html (дата обращения: 01.11.2018); Eight Millenia of Matrilineal Genetic Continuity in the South Caucasus // Current Biology. Vol. 27. Issue 13. July 2017. P. 2023–2027/ E. 7[Электронный ресурс]. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0960982217306954 (дата обращения: 01.11.2018).

[2] См.: *Haber M., Mezzavilla M., Gasparini P., Zalloua P., Tyler-Smith C.* Genetic Evidence for an Origin of the Armenians from Bronze Age Mixing of Multiple Populations, 2015 [Электронный ресурс]. URL: https://www.biorxiv.org/content/biorxiv/early/2015/02/18/015396.full.pdf (дата обращения: 01.11.2018).

и военно-стратегических факторов — армяне потеряли большую (9/10) часть своих исконно исторических территорий и большую часть населения, которое или было истреблено, или вынужденно мигрировало в другие страны. Преобладающая часть земель исторической Армении с абсолютно всеми своими богатствами была отнята у народа, выжившая чудом малая часть которого разрозненными потоками беженцев начиная с последней четверти 19-го и первой четверти 20-го столетий отчасти сконцентрировалась на территории независимой первой Республики Армения, а в последующем — в сформированной в пределах Закавказской Федерации (вошедшей в дальнейшем в состав СССР) Советской Армении, занимавшей северо-восточную окраину некогда Великой Армении [8, 20][1]. Карабахская освободительная борьба против 70-летней азербайджанской экспансии за национальное самоопределение армянского народа на территории исторического Арцаха, которая стала возможной лишь после развала СССР, призвана была доказать, что у армянства не угасло стремление к возврату потерянной отчизны, что армяне способны бороться за свои исторические земли и победить! С другой стороны, через 100 лет после геноцида армян в Османской империи Армянский суд («Ай Дат») не добился своей даже относительно удовлетворительной развязки (satisfaction), однако сохранение территории и народонаселения — в качестве основополагающих национальных ценностей, благодаря Арцахским победам начала 1990-х, направлено на освоение и укрепление уже достигнутого в настоящем и на восстановление потерянного в результате геноцида — в будущем.

в) **Государство**, которое испокон веков являлось институтом защиты национальных интересов. Армянское государство берет начало с древних царских династий Айкидов (Айказуняц) в Великой и Малой Армении, Урартских (Араратских) царей, Ервандидов и Арташесидов, во времена Тиграна II Великого став могучей империей. В Средние века царские дома Аршакидов и Багратидов, а затем и Киликийских династий продолжают армянскую государственность, а в позднее Средневековье — множество княжеских родов, вплоть до независимых меликов Нагорного и Равнинного Арцаха[2]. Однако из истории Армении известно, насколько тяжело было состояние народа без национального государства, квинтэссенцией которого явилось нестерпимое положение армян в Османской империи, веками порабощенных и вконец истребленных и изгнанных с собственной родины в результате геноцида, организованного властями младотурок республиканской Турции в 1915 г. [3; 4; 9; 10; 16; 17][3]. Далее, после двухлетнего существования восстановленной армянской государственности — Первой Республики (1918–1920) и ее драматического падения[4], Армения была включена в 1922 г. в состав Советского Союза в статусе союзной республики. За 70 относительно мирных лет советской власти национальные ценности в Армении пережили пусть идеологизированное и однобокое, но в определенном смысле созидательное развитие. А после исторических арцахских побед на карте мира появилось второе армянское государство — Нагорно-Карабахская Республика[5] (сейчас Республика Арцах), которая рука об руку с Республикой Армения строит свою пока непризнанную, но более чем достойную на существование государственность. В настоящее время, став (хотя бы номинально) хозяином свободной и независимой государственности, страна стремится развиваться по демократическому пути, однако не менее важным является фактор сохранения хрупкого мира в регионе, лишь благодаря которому Армения и Арцах смогут развиваться относительно соразмерно современным критериям качественного социально-экономического и общественного прогресса.

г) **Культура,** сохранение и развитие которой включает в первую очередь сохранение системы ценностей прошлого и лишь потом уже гармоничное сосуществование традиционных и современных ценностей, а также обеспечение самобытно-комплексных материальных и духовных ценностных ориентаций на будущее. Истоки армянской культуры берут начало с незапамятных времен и отличаются самобытностью и богатством, о чем свидетельствуют многочисленные артефакты

---

[1] См. также: *Сароян Г. А.* История армянского народа (в кратком изложении), Краснодар : Фамилия, 2015 [Электронный ресурс]. URL: http:// russia-armenia.info/.../ИСТОРИЯ%20АРМЯНСКОГО%20НАРОДА.pdf (дата обращения: 01.11.2018).

[2] Об Армении. История. Армения — страна древней и богатой истории [Электронный ресурс]. URL: https://www.mfa.am/ru/history/ (дата обращения: 01.11.2018).

[3] См. также: *Нерсисян М. Г., Саакян Р. Г.* Геноцид армян в Османской империи. Сборник материалов и документов [Электронный ресурс]. URL: http://www.genocide.ru/lib/nersisyan/genocide.htm (дата обращения: 01.11.2018).

[4] См.: *Сваранц А.* Первая Республика Армения: Триумф и трагедия [Электронный ресурс]. URL: http://noev-kovcheg.ru/mag/2012-09/3242.html (дата обращения: 01.11.2018).

[5] Армения. Республика Арцах: история и современность [Электронный ресурс]. URL: //www.google.com/search?q-республика+армения+и+нагорный+карабах (дата обращения: 01.11.2018).

и археологические находки [2; 7; 13; 14; 15; 18; 19]. Она, как и любая другая национальная культура, является самодостаточной системой, однако не отгорожена от внешних воздействий и с течением времени, естественно, была подвержена различным чужеродным влияниям. Культура сегодняшнего дня в Армении и Арцахе — яркое тому подтверждение. В результате глобальных процессов бурным и не всегда чистым потоком в национальную среду поступают и расслаиваются (не успевая раствориться) чуждые, доселе неизвестные армянскому обществу «культурные ценности». Однако глобализация имеет и свои позитивные стороны для армянской культуры. Реальность показывает, что живущие в разных концах света армяне своей самобытной системой ценностей непосредственно сильно или опосредованно слабо влияют на те культуры и общественные среды, в которых проживают и совместно развиваются. В результате подобной взаимообогащающей культурной коммуникации возникают качественно новые явления, присущие современной цивилизации повсюду, во всех странах мира. Следовательно, в армянском обществе, будь то в метрополии или диаспоре, в условиях созидательного сосуществования традиционных и современных, самобытных и перенятых извне культурных ценностей может быть обеспечена в меру толерантная современная культура, синтезирующая креативую и инновационную деятельность общества, что и наблюдается в годы нового III тысячелетия.

д) **Экономико-управленческая, социальная и общественная области**, реконструктивное восстановление и форсированное развитие которых чрезвычайно актуально, т. к. без них невозможно выживание нации на своей родине. После развала Советского Союза во всех бывших советских республиках создались тяжелейшие социально-экономические условия, которые инициировали определенные брожения и в общественной жизни. Изменились политические условия, экономическая формация, системы и принципы управления как государством, так и экономикой[1], в результате чего спонтанно или запрограммированно возникли большие и малые очаги вооруженных конфликтов во многих регионах на территории бывшего СССР, в том числе и конфликт в НКР/Арцахе, невольными участниками которого стали как граждане Армении, так и соотечественники из диаспоры. В то же время в результате беспрецедентной за последние сто лет консолидации сил и воли всех частей и слоев армянства народ одержал славную победу и освободил одну малую, но очень важную часть армянских исторических земель. Однако почти четверть века независимой государственности Республики Армения и НКР/Арцаха имели место и продолжают будоражить армянское общество весьма отрицательные явления, нависшие как дамоклов меч над народом, отстранение которых может быть возможно лишь посредством восстановления и повышения экономической, социальной и общественной обеспеченности. Опасность возобновления широкомасштабной войны с противником (апрельская четырехдневная вспышка военных действий 2016 г. — тому подтверждение[2]), недостаточно обеспеченная жизнь преобладающей части населения, неуверенность в завтрашнем дне даже у обеспеченных слоев населения и многие другие отрицательные факторы нынешней жизни в Армении и Арцахе приводят ко все нарастающей эмиграции, опустошающей родину.

е) **Диаспора**, сформированная в течение веков и особенно за прошлое столетие как результат Геноцида армян как в Западной Армении, входившей в состав Османской империи, так и после развала последней, вплоть до 1923 г., на территории вновь сформированных республиканской Турции и мусаватистского Азербайджана. Вследствие этих преступных и трагических событий армяне, изгнанные со своей исторической родины, были вынуждены найти пристанище во многих странах Ближнего Востока, а также эмигрировать в Россию и в страны Европы, в дальние страны Азии, Америки и даже в Австралию [1][3]. В постсоветское время армянская диаспора «дополнилась» эмигрировавшими из Республики Армения и НКР новыми потоками переселенцев, вследствие чего демографическое положение стало таковым, что сейчас де-факто больше армян проживает в диаспоре (более 8 млн человек, из которых чуть более 2 млн — в Российской Федерации, свыше 1,5 млн — в США и около 1 млн — во Франции), чем в метрополии, т. е. в двух армянских республиках[4]. Последнее парадоксальное и беспрецедентное в истории нашего народа обстоятельство

---

[1] См.: Институт социальных наук [Электронный ресурс]. URL: http://mskisn.ru/about_the_university/history/ (дата обращения: 01.11.2018).

[2] *Дарбинян Г.* Четырехдневная апрельская война: победа или поражение [Электронный ресурс]. URL: https://inosmi.ru/politic/20170407/239075068.html (дата обращения: 01.11.2018).

[3] См. также: *Atabekyan H.* The Armenian Diaspora. Exploring its Legacy for the future [Электронный ресурс]. URL: https://www.evnreport.com/economy/the-armenian-diaspora (дата обращения: 01.11.2018); *Tölölyan Ch., Papazian T.* Armenian Diasporas and Armenia: Issues of Identity and Mobilization [Электронный ресурс]. URL: https://journals.openedition.org/eac/565?lang=en (дата обращения: 01.11.2018).

[4] Армяне мира. Численность армян в мире. Население Армении, 2014 [Электронный ресурс]. URL: https://arm-world.ru/ludi/204-chislennost-armyan-v-mire.html (дата обращения: 01.11.2018); Conference on Demographic

настоящего времени не может не отразиться на качестве развития и дальнейших внутренних трансформациях в различных сегментах армянской нации (если условно классифицировать ее по языковому признаку на западную и восточную), характеризующихся многообразием особенностей как в укладе жизни, так и в менталитете. Создавшийся «демографический нонсенс» в последние годы частично сгладился за счет вынужденной миграции в Армению почти 20 тыс. армян-беженцев из Сирии, часть которых, к сожалению, не сумев своевременно и безболезненно адаптироваться к местным условиям, некоторое время спустя реэмигрирует в страны Европы и Америки.

Проблемы армянского (как и любого другого) современного общества невозможно представить вне контекста самого стремительного и неотвратимого из всемирных цивилизационных процессов явления III тысячелетия — глобализации. Благодаря глобальному развитию и повсеместному распространению высоких, информационных и телекоммуникационных технологий, мир стал гораздо более воспринимаемым и доступным. Глобализация (или, как часто ее переименовывают, европеизация, американизация или западизация/ вестернизация), как новое и массовое явление, имеет и положительные, и отрицательные стороны. Сегодняшний этап глобализации положителен для армянского народа, поскольку предоставляет широкие возможности различным частям соотечественников, рассеянных по всему миру, свободно и оперативно общаться как между собой, так и с родиной.

С другой стороны, в настоящее время оба армянских государства окончательно включились в сферу глобальных процессов, вместе с которыми в Армению и Арцах хлынули многие разношерстные мнимые ценности, которые нельзя назвать цивилизационными по сути. Они зачастую абсолютно неприемлемы с точки зрения местных национальных традиций, менталитета, характера мышления и правил бытия вообще. Время, конечно, скорректирует их, и многие из этих «ценностей» и отрицательных для нас явлений выплеснутся наружу или садаптируются в призме армянской системы ценностей, присущей нашему традиционному, но в тоже время осовремененному образу жизни. В деле сохранения национальных ценностей велика роль армянского общества и в особенности интеллигенции — как более сознательного и созидательного носителя этих ценностей и их продолжателя из поколения в поколение. И армянское общество, как в диаспоре, так и на родине, должно глубоко осознать значимость веками сохраненных национальных ценностей и иметь самое активное участие в процессах их рационального обновления и бережной передачи потомкам.

Какова же армянская государственность на сегодняшнем этапе глобализационных процессов, спустя чуть более 2 тыс. лет от Рождества Христова и 1717 лет после принятия христианства, через 104 года после трагически судьбоносного геноцида армян младотурками в 1915 году, осенью 2018 года ознаменовавшая столетие восстановления государственности и праздновавшая 28-летие Декларации независимости 1990 года?[1] Каково на сегодняшний день армянское общество, победившее в Карабахской войне и впервые за много лет вернувшее нации часть отнятых у нее жизненно важных исторических территорий; общество, строившее независимую государственность, стараясь руководствоваться демократическими принципами, стремившееся формировать гражданское общество и отражавшее многие локальные и глобальные вызовы современности, а также, наконец, совершившее беспрецедентную в глобальном масштабе бескровную, ненасильственную Бархатную революцию с лозунгами о любви и солидарности[2] и переживающее в настоящее время довольно сложную переходную фазу к истинному народовластию.

Этим трансформационным процессам зачастую сопутствовали и различные тревожные, но объективные оценки армянской общественности, которые по каналам СМИ и социальных сетей насаждались и в определенной мере продолжают насаждаться в массовое сознание небезразличных к состоянию в обществе людей. А обобщенно звучали и выглядели эти формулировки подобно тому, что «Наше общество больно!», и многие из нас, казалось бы, особенно до Бархатной революции были согласны с подобной характеристикой состояния армянского общества. Тем более бывало «утешительно», что, например, российский телеэфир в свою очередь тоже вещает, что и российское общество не особо «пышет здоровьем», Евроньюс каждодневно трезвонит об общественных болячках и проблемах во всех странах Евросоюза и вокруг него… В конце концов, в такой богатой и, козалось бы, благополучной стране, как США, что ни день, то убийства в престижных

Challenges in the Republic of Armenia. UNFPA, The United Nations Population Fund. Ministery of Labor and Social Issues. Conference Materials. Yerevan, 2013 [Электронный ресурс]. URL: https://armenia.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/demographic-conference-materials.pdf (дата обращения: 01.11.2018).

[1] Декларация о независимости Армении, 1990 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gorby.ru/userfiles/armenia.pdf (дата обращения: 01.11.2018).

[2] «Бархатная революция» в Армении. Как это было. Настоящее время [Электронный ресурс]. URL: https://www.currenttime.tv/a/29187295.html (дата обращения: 01.11.2018).

учебных заведениях или массовые волнения населения в тихих провинциальных городках на расовой почве… и прочие ставшие хроническими общественные катаклизмы! Что же дальше? Следует ли из всего вышесказанного, что диагностируемая «болезнь» является хроническим состоянием обществ, зараженных этим «вирусом третьего тысячелетия» в самых различных по своим характеристикам странах на всех континентах, исключая Антарктиду, где просто нет стран и постоянно проживающего населения? А может, в неизвестных нам «счастливых» странах Азии, Африки и Австралии с Океанией общества каким-то чудом обрели необходимый иммунитет и не «хворают более»? Трудно наверняка что-либо утверждать хотя бы потому, что во многих некогда зажиточных и благополучных странах из-за войн и других конфликтов уже не об общественном здоровье думают, а мечтают об элементарном мире, социальном спокойствии и гражданской солидарности! И возникает целый ряд вопросов: почему, в результате каких политических, социально-экономических и других причин нация или общество может «заболеть», какие внешние и внутренние факторы вызывают «болезнь» и как она выражается и т. д. и т. п.?

Интересно, что еще в V в. отец армянской историографии Мовсес Хоренаци в своей «Истории Армении» затрагивал проблему нездорового состояния армянского общества в результате утраты собственных правителей. В известном «Плаче об утрате Армянского царства родом Аршакуни и патриаршества — родом святого Григора» Мовсес Хоренаци пишет о том периоде истории Армении, когда на светском и духовном престолах страны восседали не армянские, а персидские сасанидские правители. Он пишет: «Оплакиваю тебя, Армянская страна, оплакиваю тебя, благороднейшая из всех северных (стран), ибо отняты у тебя царь и священники, наставник и учитель; потревожен мир, укоренился беспорядок, пошатнулась правоверность, невежество утвердило иноверье» [12, с. 212]. Уже с заглавия и первых строк очевидно, что историк чрезвычайно озабочен судьбой родной страны из-за утраты своего царя и своего пастыря, в результате чего народ находится под чужим политическим господством: «Сокрушаюсь по тебе, армянская церковь, утратившая красу алтаря, лишенная отважного пастыря и его сподвижников. Не вижу более твое разумное стадо, пасущимся на зеленом лугу и у вод отдохновения или собранным в овчарню и защищенным от волков, но (вижу) рассеянным по пустырям и крутизнам гор» [Там же]. И это в стране, которая первой в мире приняла христианство в качестве государственной религии всего век назад (в 301 г.) и была факелоносцем новой веры. Естественно, что утрата собственного царства не могла не привести к изменениям в обществе, в частности, к отчуждению от своих ценностей и не только от церкви. Дальнейшее описание показывает, что в результате этого в стране царит беспорядок, космос уступает место хаосу, в разных слоях армянского общества все меняется к худшему, потому: «Монахи лицемерные, чванливые, тщеславные, предпочитающие почести Богу… Наставники безграмотные и самодовольные, присвоившие свой сан, а не призванные Богом, избранные при помощи серебра, но не Духом… Ученики нерадивые в учении и скорые на поучения… Простолюдины дерзкие, непокорные… Начальники мятежные, приспешники воров, скаредные… Судьи бесчеловечные, лживые, обманщики, взяточники, не чтущие закон… И полная утрата всеми любви и стыда» [Там же, с. 214]. И все это потому, что чужеродные «властвующие цари — жестокие и злобные, налагающие тяжкое бремя и издающие невыносимые приказы, управители — немиротворящие, безжалостные; друзья — изменившие, а враги — обретшие могущество; вера — проданная на суетную жизнь» [Там же, с. 214–215].

Каков урок из этих описаний Мовсеса Хоренаци? Основная идея заключается в том, что страна не должна быть под чужим игом, в ней должен править свой правитель, и тогда народ пойдет за своим пастырем и общество оздоровеет. Правда, некоторые характеристики разных слоев общества и сейчас наблюдаются во многих странах мира, в том числе и в Армении, но после Бархатной революции с лозунгами о любви и солидарности (о потере которых так скорбил Мовсес Хоренаци) народ полон надежд, что хаос отступит и опять воцарит космос. И еще одно обстоятельство: будучи маленькой страной в положении блокады, в состоянии полумира-полувойны, армяне просто обязаны иметь крепкое и сплоченное общество, неразделенное на «черных» и «белых»! Ведь общество тоже живой организм, который также нуждается в постоянной саморегенерации, периодической морально-психологической реабилитации, обновлении и очищении.

С другой стороны, надо признать, что подобные нещадные диагнозы болезненного состояния армянского общества приводили к тому, что молодежь, узнав о почти безысходном положении дел в собственной стране, естественно, искала более «здоровую среду» проживания и развития и в надежде найти их на чужих берегах покидала родину и уезжала куда глаза глядят. Где выход и какие формы «излечения» еще следует искать, особенно в уже «исключительный послереволюционный» период бурных и не всегда до конца обдуманных, а порой просто спонтанных институциональных реформ и оперативных управленческих решений? Может, следует начать с радикальных

экономических реформ и кардинального улучшения социальных условий людей? И как только они начнут по-человечески жить, общество станет «здоровым»? Когда народ сможет достойно жить в своей родной стране и не будет по порочной инерции искать лучшую долю на чужбине? Когда народ станет не декларированным, а истинным хозяином собственной страны? Когда в конце концов сформируется здоровый и крепкий хребет армянского общества — многочисленный средний класс, живущий самодостаточной созидательной жизнью? Ведь эта формула давно претворена в жизнь в нескольких десятках весьма благополучных стран на всех континентах!

Вышерассмотренные насущные вопросы жизненно важны, а поиски ответов на них актуальны и затрагивают интересы всех слоев общества в Республике Армения и НКР/Арцахе. В то же время под натиском каждодневных забот по выживанию народ уже проявляет действенный интерес к негативным общественным явлениям и принимает активное участие в решении наболевших социально-экономических и иституционально-управленческих проблем. Особенно молодое поколение, полное жизненных сил и созидательного оптимизма, в постоянном поиске выходов из, казалось бы, безвыходных социальных и общественных ситуаций уже непримиримо борется с несправедливостью, все еще терзающей все области общественного бытия в современной армянской действительности. Об этом свидетельствует ставшее уже новейшей историей активное участие городской молодежи Армении в периодических массовых акциях протеста за последние 2–3 года, а также в весенней Бархатной революции 2018 г. и в последующих массовых акциях. При этом молодежь проявляет высокую степень гражданской сознательности и самоорганизации, ведя за собой людей всех возрастных групп. Это сильно обнадеживает, свидетельствуя о том, что в сегодняшней армянской молодежи не только Армении, но также глобального армянского мира доминирует то здоровое, рациональное, солидарное и созидательное зерно национальной гражданственности, которое, созревая, уже дает ростки нового бытия с обновленными ценностями, которые и обеспечат актуализированное национально-цивилизационное качество нового армянского мира и армянства начала нового — третьего тысячелетия.

Литература

1. *Айвазян О.* Энциклопедия армянской диаспоры. Т. 1. Ереван: Армянская энциклопедия, 2003 /на арм. яз.
2. Армяне / Институт этнологии и антропологии РАН. М. : Наука, 2012.
3. *Барсегов Ю. Г.* Геноцид армян: ответственность Турции и обязательства мирового сообщества. Т. 1, М., 2003. Т. 2, М., 2005.
4. *Барсегов Ю. Г.* Геноцид армян — преступление перед человечеством. О правомерности термина и юридической квалификации. Ереван : Айастан, 1990.
5. *Вардумян Г. Д*. Армения на Великом шелковом пути. Материалы III Международной научно-практической конференции «Историко-культурное наследие Великого шелкового пути и продвижение туристских дестинаций на Северном Кавказе», Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, 2017. С. 13–17.
6. *Вардумян Г. Д., Вардумян С. Д.* Национально-цивилизационные ценности армянства и армянское общество на старте III тысячелетия // Материалы международного научного форума «Проблемы национальной безопасности в условиях глобализации и интеграционных процессов (междисциплинарные аспекты)», Российско-армянский (Славянский) университет, Ереван : Издательство РАУ, 2016. С. 189–197.
7. *Гоян Г.* 2000 лет армянского театра. Т. 1: Театр древней Армении. Т. 2: Театр средневековой Армении. М. : Искусство, 1952.
8. История армянского народа. С древнейших времен до наших дней. Ереван : Ереванский гос. ун-т, 1980.
9. *Киракосян Дж.* Геноцид армян: ответственность Турции и обязательства мирового сообщества. Т. 1, М., 2003. Т. 2, М., 2005.
10. *Киракосян Дж.* Младотурки перед судом истории. Ереван : Айастан, 1989.
11. *Мартиросян А.* На Великом шелковом пути, Ереван : Гитутюн, НАН РА, 1998.
12. *Мовсес Хоренаци.* История Армении / перевод с древнеармянского языка, введение и примечания Г. Х. Саркисяна/. Ереван : Айастан, 1996.
13. *Пиотровский Б. Б.* Искусство Урарту (VIII–VI вв. до н. э.). Л. : Гос. Эрмитаж, 1962.
14. *Тревер К. В.* Очерки по истории культуры древней Армении (II в. до н. э. — IV в. н. э.). М.–Л. : Изд. АН СССР, 1953.
15. *Чалоян В. К.* Армянский ренессанс. М., 1963 (второе издание: Ереван, 2016).
16. *Hovannisian R. G.* Remembrance and Denial: The Case of the Armenian Genocide, Wayne State University Press, 1998.
17. *Hovannisian R. G.* The Armenian Genocide: History, Politics, Ethics, Palgrave Macmillan, 1992.
18. *Nersessian V., Greenwood T.* Art of the Armenians, Sam Fogg, 2004.
19. *Stone N., Stone M. E.* The Armenians: Art, Culture and Religion, Chester Beatty Library, 2007.
20. The Armenian People From Ancient to Modern Times. V. I: The Dynastic Periods: From Antiquity to the Fourteenth Century; V. II: Foreign Dominion to Statehood: The Fifteenth Century to the Twentieth Century (Ed. By Richard G. Hovannisian). Palgrave Macmillan, 2004.

Об авторах:

Вардумян Гоар Дерениковна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории Национальной Академии наук, доцент Ереванского государственного университета языков и социальных наук им. В. Я. Брюсова (г. Ереван, Республика Армения); gohar.vardumyan@gmail.com

Вардумян Сурен Дереникович, кандидат экономических наук, эксперт по институциональному управлению, доцент Ереванского государственного университета языков и социальных наук им. В. Я. Брюсова (г. Ереван, Республика Армения); suren_vard@mail.ru

About the authors:

Gohar D. Vardumyan, PhD in History, Leading Researcher of the Institute of History of the National Academy of Sciences, Associate Professor of Yerevan V. Brusov State University of Languages and Social Sciences (Yerevan, Republic of Armenia); gohar.vardumyan@gmail.com

Suren D. Vardumyan, PhD in Economics, Expert in Institutional Management, Associate Professor of Yerevan V. Brusov State University of Languages and Social Sciences (Yerevan, Republic of Armenia); suren_vard@mail.ru

СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

(19) SU (11) 1243669 A1

(51) 4 A 21 C 3/02

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СССР ПО ДЕЛАМ ИЗОБРЕТЕНИЙ И ОТКРЫТИЙ

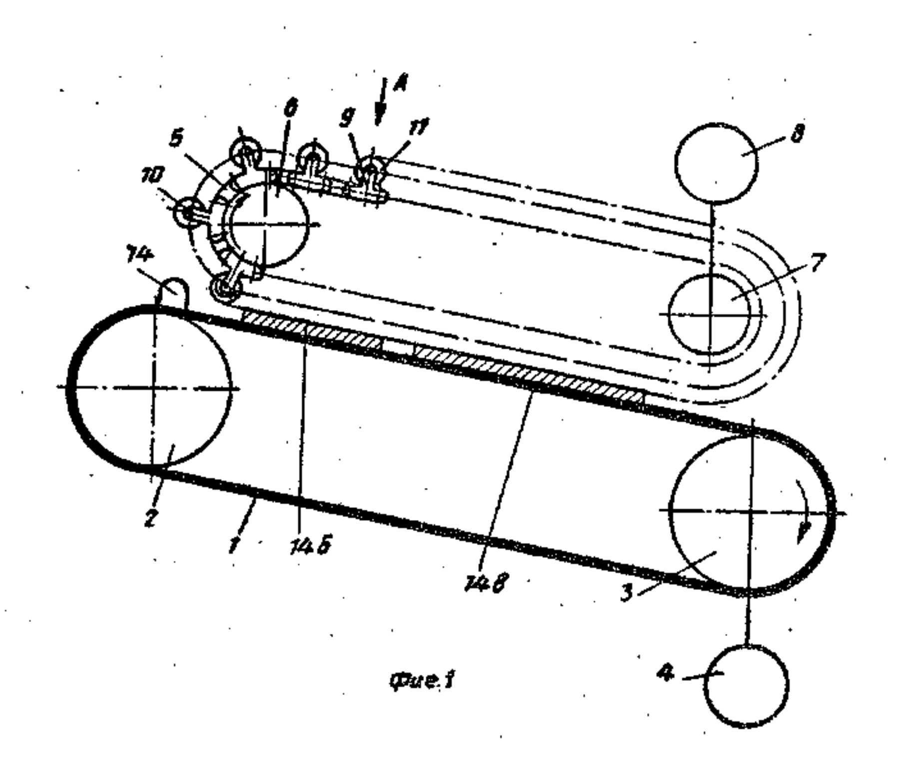
ОПИСАНИЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ

К АВТОРСКОМУ СВИДЕТЕЛЬСТВУ

(21) 3850081/28-13
(22) 01.02.85
(46) 15.07.86. Бюл. № 26
(71) Закавказский филиал Экспериментального научно-исследовательского института металлорежущих станков
(72) Ж.Г.Самвелян
(53) 664.667(088.8)
(56) Патент США № 4113412, кл. A 21 C 3/02, 1979.
Патент ФРГ № 2501446, кл. A 21 C 3/06, 1980.

(54)(57) УСТРОЙСТВО ДЛЯ РАСКАТЫВАНИЯ ТЕСТОВОЙ ЗАГОТОВКИ ТОНКОГО АРМЯНСКОГО ЛАВАША, содержащее цилиндрические валки, установленные на двух параллельных бесконечных цепях с возможностью свободного вращения, и ленточный транспортер для заготовок, размещенный под бесконечными цепями, отличающееся тем, что, с целью повышения производительности и обеспечения равномерной толщины заготовок, устройство дополнительно снабжено валками бочкообразной формы, установленными аналогичным образом на тех же цепях так, что каждый из них размещен между двумя цилиндрическими валками.

(19) SU (11) 1243669 A1

Фиг.1

Изобретение относится к хлебопекарной промышленности и может быть использовано во всех отраслях пищевой промышленности для получения тонких и тончайших сортов хлеба, мучных изделий, лапши и т.п.

Целью изобретения является повышение производительности и обеспечение равномерной толщины заготовок.

На фиг.1 изображена схема предлагаемого устройства; на фиг.2 - вид А на фиг.1.

Устройство содержит ленточный транспортер 1, установленный на ведомом 2 и ведущем 3 барабанах. Для обеспечения лучшей раскатки теста транспортер установлен под некоторым углом, ориентировочно 15°. Ведущий барабан 3 связан с приводом 4.

Над транспортером 1 размещены бесконечные цепи 5, установленные на звездочках 6 и 7. Звездочка 7 соединена с приводом 8. На цепи 5 закреплены (например, приварены) выступы 9, в которые вмонтированы оси 10, на которых с возможностью свободного вращения установлены валки 11 и 12. Валки имеют разные конфигурации: 11 - цилиндрические, 12 - бочкооразные и установлены на цепи поочередно. Все валки с обоих концов имеют цилиндрические части с диаметром, большим, чем диаметр валка на величину, определяющую толщину тестовой заготовки.

Устройство работает следующим образом.

Пуском приводов 4 и 8 несущие цепи 5 и транспортер 1 приводятся в движение. Валки 11 и 12, находясь в верхней части устройства, неподвижны; они, перемещаясь с цепями 5, своими цилиндрическими концами 13 (фиг.2) соприкасаются с транспортером 1 и вращаются в направлении перемещения транспортера 1.

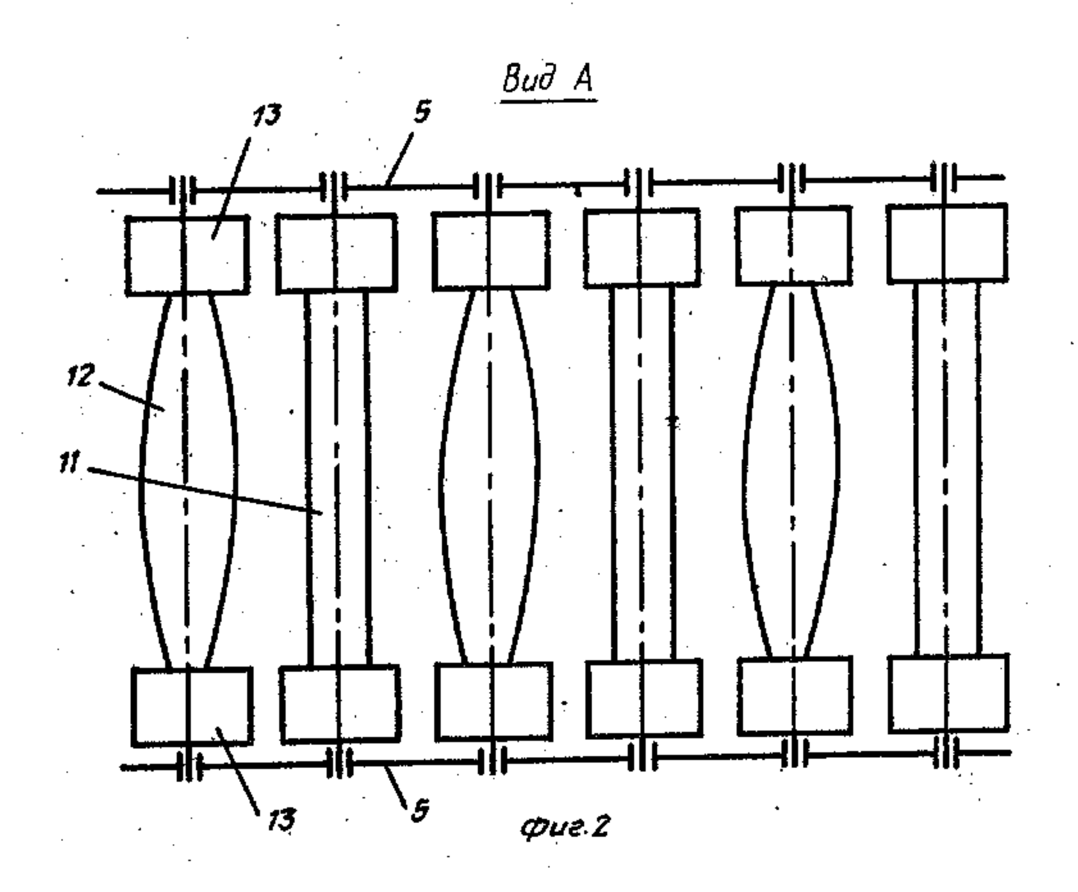
Расстоенное тесто 14 ставится на транспортер 1 и вместе с ним перемещается под валки 11 и 12, принимая плоскую форму эллипса (14б), и утоньшается, сохраняя форму (14в) (фиг.1).

Валки 12 (фиг.2), имея бочкообразную форму, давят в средней части с большей силой, чем по краям, в силу чего тестовая заготовка расширяется и, попадая под валок 11, раскатывается в виде равнотолщинной лепешки.

Так как количество валков 20-30 шт., то путем многократного циклически чередующегося неравномерного деформирования раскатываемого теста повышается производительность процесса и обеспечивается получение тестовой заготовки равномерной толщины.

Производительность процесса раскатки при помощи предлагаемого устройства увеличивается более чем в два раза, а раскатанная заготовка не имеет разнотолщинности.

Таким образом, выполнение скалок различной конфигурации (цилиндрическими и бочкообразными) и установка их на цепях чередующимися, позволяет исключить неравномерность заготовки тонкого армянского лаваша, что повышает его качество, а исключение дополнительных операций, необходимых для исправления этой неравномерности, позволяет повысить производительность.

Фиг.2

Редактор Т.Парфенова | Составитель А.Высоцкий | Техред В.Кадар | Корректор А.Обручар

Заказ 3731/2 | Тираж 370 | Подписное

ВНИИПИ Государственного комитета СССР
по делам изобретений и открытий
113035, Москва, Ж-35, Раушская наб., д. 4/5

Производственно-полиграфическое предприятие, г. Ужгород, ул. Проектная, 4

УДК 81

К.Т. Егиазарян
Российский государственный гуманитарный университет, Москва

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА АРМЯНСКИЙ ЯЗЫК

Аннотация. *В статье рассматривается актуальная проблема перевода фразеологизмов с русского на армянский язык. Выделяются фразеологизмы, имеющие эквиваленты и аналоги в армянском языке (к ним применяется фразеологический перевод), а также безэквивалентные фразеологизмы, к которым применяется нефразеологический перевод. С помощью сопоставительного анализа установлено, что русские фразеологизмы, с точки зрения соответствий в армянском, можно разбить на несколько групп: фразеологизмы с адекватным значением и таким же словесным выражением в обоих языках; фразеологизмы, одинаковые по содержанию и по форме, заимствованные из классических языков; фразеологизмы армянского языка, представляющие собой кальки соответствующих русских фразеологизмов и другие.*

Ключевые слова: фразеологическая единица, калька, лингвокультурологический аспект, эквивалент, аналог.

K.T. Yeghiazaryan
Russian state Humanities University, Moscow

PECULIARITIES OF TRANSLATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS FROM RUSSIAN INTO ARMENIAN

Abstract. *The article deals with the actual problem of translation of phraseological units from Russian into Armenian. Phraseological units with equivalents and analogues in the Armenian language (phraseological translation is applied to them), as well as non-equivalent phraseological units to which non-phraseological translation is applied are distinguished. By means of the comparative analysis it is established that Russian phraseological units, from the point of view of correspondences in Armenian, can be divided into several groups: phraseological units with*

adequate meaning and the same verbal expression in both languages; phraseological units, identical in content and in form, borrowed from classical languages; phraseological units of the Armenian language, which are copies of the corresponding Russian phraseological units and others.

Keywords: phraseological unit, calque, linguocultural aspect, equivalent, analogue.

В настоящее время актуальность проблем перевода диктуется все возрастающей интеграцией межъязыковых культур, а перевод, как известно, представляет собой особый вид языкового посредничества между людьми, говорящими на разных языках.

Перевод с русского языка на армянский и с армянского на русский язык – процессы не тождественные. У них различная степень трудности и значительно отличающиеся друг от друга цели. Перевести текст с армянского на русский значительно легче, чем с русского на армянский, так как в первом случае – основное – правильно понять мысль автора, изложенную на армянском языке, и выразить ее средствами родного языка. При переводе же на армянский язык необходимо найти адекватные средства для оформления мысли на армянском языке. Посредством перевода сопоставляются, сравниваются, а также взаимообогащаются взаимно два мира, две культуры, два языка. При этом текст оригинала должен, с одной стороны, хорошо восприниматься языком, на который он переведен, отвечая нормам языка, и, с другой стороны, оставаться текстом иностранным, со своей спецификой и национальным колоритом. Теоретики такой перевод называют «адекватным». Эти две качественные характеристики перевода связаны тем, что и иностранный язык, и язык перевода обладают только ему присущей лексико-грамматической структурой, в каждом из них выражены особенности бытия, мироощущения и культуры определенной нации и эпохи, что создает немалые трудности для перевода. Переводческая работа неразрывно связана с основной функцией языка как орудия общения и его общенародным характером.

Именно потому, что во фразеологизмах наиболее сильно и ярко отражены национально – культурные особенности народа, осуществить их перевод с одного языка на другой значительно труднее, чем перевод отдельных слов. Поэтому для переводческой деятельности недостаточно знание лексики и грамматики иностранного языка (исходного языка), необходимы знания о том, что социологи называют массовой культурой, т.е. фоновые знания; нужно ориентироваться на них не только интуитивно, но и вполне сознательно. Во фразеологических единицах (наряду с пословицами, поговорками, крылатыми словами) культура народа – носителя языка выступает наиболее выпукло. Как правило, носитель языка знает не менее 800–1000 языковых афоризмов. Следовательно, они должны усваиваться в процессе изучения языка на тех же основаниях, на которых изучаются слова.

Итак, фразеологизмы – это неотъемлемая часть языка, один из показателей его богатства. Существуя наряду со словарным составом как образования, выработавшиеся в течение многих веков, фразеологизмы выступают как самобытные языковые единицы, не слившиеся ни со словом, ни с другими готовыми языковыми и речевыми единицами. Благодаря своему семантическому и структурному своеобразию, они составляют определенный слой в языке и занимают в нем особое место.

Фразеологизмы – это устойчивые словосочетания, состоящие из двух и более слов-компонентов, выражающих единое понятие и обладающих переносным значением. От слов, имеющих переносное значение, фразеологизмы отличаются тем, что переносность в них выражается не одним компонентом, а всем фразеологизмом в целом. В некотором отношении внешнее сходство с фразеологизмами обнаруживают такие готовые речевые единицы, как пословицы, поговорки, крылатые выражения и т.д., которые отличаются от собственно фразеологизмов двумя основными признаками:

а) в отличие от фразеологизмов эти готовые речевые единицы могут обладать не переносным, а аллегорическим значением;

б) в отличие от фразеологизмов, которые являются языковыми единицами, пословицы, поговорки, крылатые выражения и др. являются в смысловом и в грамматическом отношениях законченными речевыми единицами.

В противовес готовым речевым единицам, которые входят в структуру речи как грамматические уже оформленные единицы, фразеологизмы в речи, как правило, входят в состав предложения, аналогично словам, и в предложении получают свое грамматическое оформление. Будучи языковым элементом, в большей мере характерным для разговорной речи, фразеологизмы, благодаря переносности, придают речи образность.

В науке о переводе актуальной задачей стало исследование явлений «непереводимости». В шкале «непереводимости» или «труднопереводимости» фразеологизмы занимают едва ли не первое место: «непереводимость» фразеологии отмечается всеми специалистами в числе характерных признаков устойчивых единиц, на нее ссылаются сторонники «теории непереводимости». Стандартного метода перевода фразеологических единиц нет. Часто, даже при наличии равноценного фразеологического соответствия в словаре, приходится искать иные пути перевода, так как этот эквивалент не годится для данного контекста. Фразеология обладает всеми качествами, которые могут поставить в затруднение переводчика уже на этапе распознания ФЕ. Выбирая способ перевода ФЕ, переводчик должен учитывать, что

она может обладать многозначностью.

Отражая быт и культуру, миропонимание и психологию народа, фразеологизмы характеризуются национальной самобытностью, носят отпечаток мышления данной народности. Сопоставительное изучение русских и армянских ФЕ показывает, что по основному понятию и способу его словесного выражения русские фразеологизмы, с точки зрения соответствий в армянском, можно разбить на следующие группы:

а) фразеологизмы с адекватным значением и таким же словесным выражением в обоих языках. Например: подниматься с постели – անկողնուց վեր կենալ, играть с огнем – կրակի հետ խաղալ, повышать голос – ձայն բարձրացնել и т.д.

Подобные фразеологизмы в обоих языках существуют самостоятельно и возникают как результат переосмысления синтаксически свободных сочетаний слов;

б) фразеологизмы, одинаковые по содержанию и по форме, заимствованные из классических языков, в основном мифологического и библейского происхождения, например: от альфы до омеги – այբից մինչև քե, ахиллесова пята – աքիլլեսյան գարշապար, камень преткновения – գայթակղության քար, козелотпущения– քավության նոխազ и т.д.;

в) фразеологизмы армянского языка, представляющие собой кальки соответствующих русских фразеологизмов, например: голубь мира – խաղաղության աղավնի, сквозь розовые очки смотреть – նայել վարդագույն ակնոցներով и т.д.

Для указанных трех групп русских фразеологизмов толкование в армянском языке и нахождение эквивалентов не вызывает каких-либо затруднений;

г) многочисленную группу составляют такие русские фразеологизмы, содержание которых в армянском языке не воспринимаются в качестве фразеологических единиц, поэтому самобытная форма выражения соответствующих понятий чужда армянскому языковому мышлению. Таковы, например, филькина грамота, отставной козы барабанщик, наломать дров, куда Макар телят не гонял и т.д. В случаях подобных фразеологизмов при переводе дается только их толкование на армянском языке;

д) фразеологизмы, содержание которых в армянском воспринимаются в качестве фразеологической единицы, однако армянские фразеологизмы отличаются от русских образами, т.е. способами словесного выражения, например: «возить воду на ком» – можно передать армянскими фразами: «շան չարչարանք տալ, շան քթից ջուր խմեցնել», «оцеживать комара» – «ջաղացր կորցնել՝ չախչախի ետևր ման գալ» и т.д. Под такими фразеологизмами, кроме их толкования, приводятся также соответствующие по значению армянские эквиваленты;

е) некоторым фразеологизмам русского языка в армянском соответствуют сложные слова, например: золотой век – ոսկեդար, краеугольный камень – անկյունաքար, поле зрения – տեսադաշտ и т.п.

Одинаковые по содержанию русские и армянские фразеологизмы могут различаться своей стилистической характеристикой. Так, русский фразеологизм может иметь одну сферу употребления, армянский – другую. И в русском языке фразеологизм может выражать одно отношение, его армянский эквивалент – другое. Для современного русского языка он может быть устаревшим, в то время как соответствующий армянский фразеологизм общеупотребителен и сейчас и т.д. Например: задеть амбицию – книжное выражение, между тем армянские эквиваленты – քեֆին դիպչել, հավին քշտանել, տեղդ ծուխ է, էն կողմն նստիր – просторечные. Попасть в жилку – устаревшее, а соответствующие фразео-ло-гизмы – խոսքը տեղր դնել, ճիշտ տեղին խփել, употребительны в современном армянском языке.

Необходимо отметить, что встречается еще одно затруднение, вызванное неправильной, чисто механической передачей ряда русских фразеологизмов в армянской переводной литературе, например: бешеные деньги – передано калькой – կատաղի փողեր, сапоги всмятку – թերխաշ կոշիկներ, мы сами с усами – մենք էլ բեղեր ունենք и т.д. Подобные кальки с русского по-армянски звучат совсем нелепо. Во фразеологических словарях дается толкование таких фразеологизмов и приводятся известные их армянские эквиваленты, избегая искусственных калек.

При переводе и толковании русских фразеологизмов надо учитывать их грамматическое оформление и функционирование в предложении и в речи. Русские фразеологизмы по их грамматическому оформлению можно разделить на две группы. Одну составляют фразы грамматически оформленные как предложения, а другую – представляющие часть предложения, один из его членов:

а) фразеологизмы, представляющие по форме самостоятельные предложения, в русском более многочисленны, чем в армянском. Подобные фразеологизмы, в свою очередь, можно разделить на две подгруппы. Фразеологизмы первой подгруппы употребляются в качестве самостоятельных предложений, или же являются частью сложного предложения. Например: не боги горшки обжигают, счастлив твой бог, мерила баба клюкой и т.д. Вторую подгруппу составляют фразы, соответствующие по своему значению междометиям, поэтому они не сочетаются с членами предложения, например: бог с тобой, черт возьми, ахти мне и т.д.;

б) подавляющее большинство русских фразеологизмов в составе предложений выступают в качестве одного из его членов – подлежащего, сказуемого, дополнения, определения, обстоятельства. Это зависит от семантики фразеологизма. Указанными особенностями русских фразеологизмов и обусловлено разнообразие их армянского перевода и толкования. Выбирая способ перевода ФЕ, переводчик должен учитывать, что она может обладать многозначностью. Нередко при развитии значений новое слово оказывается диаметрально противоположно старому. Некоторые русские ФЕ имеют разные значения в различных сферах речевого общения.

Говоря о приемах передачи образной фразеологии, В. Н. Комиссаров и Я. И. Рецкер считают, что лучшим способом ее перевода является «использование соответствующего фразеологизма в переводимом языке» [4], имеется в виду фразеологический эквивалент и фразеологический аналог. В своей работе «Язык и перевод» Л.С. Бархударов имеет в виду «такую единицу в исходном тексте, которой может быть подыскано соответствие в тексте перевода» [1]. Идея выбора соответствия в практике перевода вообще проводится А.В. Федоровым в его «Введении в теорию перевода». Он выделяет три наиболее характерных случая: 1 В языке перевода нет словарного соответствия слову подлинника (вообще нет или нет в данном его значении); 2 Соответствие является неполным, т.е. лишь частично покрывает значение иноязычного слова; 3 Различным значениям многозначного слова подлинника соответствуют разные слова в языке перевода, в той или иной степени точно передающие их [8]. В применении к ФЕ это будет выглядеть так.

В первом случае ФЕ не имеет в армянском языке ни эквивалентов, ни аналогов, она непереводима в словарном порядке и передается нефразеологическими средствами:

наломать дров – գործը կատարել հիմարաբար, թույլ տալ սխալներ;

на свежую память – քանի դեռ լավ է հիշվում, քանի դեռ չի մոռացվել;

моя хата с краю – ինձ ինչ, իմ բանը չէ, գործ չունեմ;

купить кота в мешке – նախապես անհայտ մի բան գնել;

медведь на ухо наступил – երաժշտական լսողությունից զուրկ.

Во втором случае ФЕ можно передать на армянском языке тем или иным соответствием, обычно с некоторым отступлением от полноценного перевода; переводится вариантом (аналогом):

помяни мое слово – այս օրը վկա; կապրենք կտեսնենք; ես ես չեմ լինի, եթե անունս չփոխեմ; եթե քիթս չկտրեմ;

двойная игра – համ նալին խփել, համ մեխին, մեկ նալին խփել, մեկ մեխին;

много воды утекло – էն վաղ էր, որ էշը կաղ էր;

не в коня корм – էշն ինչ գիտի նուշն ինչ է; խոզի գլուխը խալիչին դրին, գլորվեց ցեխն ընկավ;

бояться как огня - շան պես վախենալ;

из другой оперы – ես ինչ եմ ասում, դու ինչ ես ասում;

горе луковое – ծախորդ Փանոս;

журавль в небе – Բաղդադ էլ շատ խուրմա կա.

В третьем случае ФЕ имеет в армянском языке точное, не зависящее от контекста соответствие, полноценное значение (смысловое значение + коннотации). ФЕ переводится эквивалентом:

открывать Америку – Ամերիկա գտնել, հայտնաբերել;

выводить на чистую воду – դիմակը պատռել; լույս աշխարհ հանել;

олух царя небесного – էշի ականջում քնած;

обливать грязью – ցեխը կոխել; ցեխին հավասարեցնել; մուր քսել; անունը գետնովը տալ.

Упрощая схему, можно сказать, что с переводческой точки зрения русские ФЕ делятся на две группы:

а) имеющие эквиваленты и аналоги в армянском языке. К ним применяем фразеологический перевод (2 и 3 пункты);

б) безэквивалентные ФЕ. Здесь возможен только нефразеологический перевод (1 пункт).

Между этими полярными положениями имеется множество промежуточных решений.

Библиографический список

1 Бархударов Л. С. Язык и перевод / Л. С. Бархударов. – Москва, 1975.

2 Влахов С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – Москва, 1980.

3 Карапетян Г. О. Армянский фольклор / Г. О. Карапетян. – Москва, 1979.

4 Комиссаров В. Н. Пособие по переводу. Ч. 1 / С. Влахов, Я. И. Рецкер, В. И. Тархов. – Москва : Высшая школа, 1960.

5 Мелкумян Р. Л. Русско-армянский фразеологический словарь / Р. Л. Мелкумян, П. М. Погосян. – Ереван, 1975.

6 Телия В. Н. Русская фразеология / В. Н. Телия. – Москва : Языки русской культуры, 1996.

7 Толстой Н. И. Язык и народная культура / Н. И. Толстой. – Москва : Индрик, 1995.

8 Федоров А. В. Основы общей теории перевода / А. В. Федоров. – Москва, 1993.

References

1 Barkhudarov L. S. Yazyk i perevod. Moskow, 1975.

2 Vlakhov S., Florin S. Neperevodimoe v perevode. Moskow, 1980.

3 Karapetyan, G. O. Armyanskij fol'klor. Moskow, 1979.

4 Komissarov V. N., Retsker J. I., Tarkhov, V. I. Posobie po perevodu. Moskow: Vysshaya shkola, 1960.

5 Melkumyan, R. L., Pogosyan, P. M. Russko-armyanskij frazeologicheskij slovar'. Yerevan, 1975.

6 Teliya V. N. Russkaya frazeologiya. Russian phraseology. Moskow: Yazyki russkoj kul'tury, 1996.

7 Tolstoj N. I. Yazyk i narodnaya kul'tura. Moskow: Indrik, 1995.

8 Fedorov A. V. Osnovy obshchej teorii perevoda. Moskow, 1993.

Н. А. Казарова
Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону

Трансформация социокультурной ментальности армянской женщины после переселения из Крыма на Дон

Положение и статус армянки в быту, в повседневной и общественной жизни после переселения из Крыма на Дон в XVIII веке, не было до сих пор предметом специального изучения, хотя для этого имеется довольно много источников, главным образом мемуарного

характера. Это воспоминания А.Н. Демидова, П.П. Филевского, А.М. Грекова, И.М. Келле-Шагинова, С.П. Чахирова [3; 4; 6; 9; 10]. Мемуаристы в разное время либо проживали в Нахичевани-на-Дону, либо посещали ее и были очевидцами описываемых событий, хотя сообщаемая ими информация носит фрагментарный характер. Определенный интерес для понимания того, как происходила трансформация ментальности донской армянки, представляют воспоминания профессиональной революционерки-большевички, нахичеванской армянки по происхождению, Н.Н. Аладжаловой (1881–1963) [1].

Наряду с мемуарами определенный интерес представляют художественные произведения, например сочинения блестящего знатока нахичеванской жизни, классика армянской литературы Рафаэла Габриэловича Патканяна, в частности его фельетон, переведенный на русский язык под названием «Кондитерский угол» [7], а также некоторые его стихи. Другой литературный источник — произведение М.О. Варткинаяна [2], примером использования семейной традиции, которая не только передавалась из уст в уста, но и была записана одним из потомков.

Из *документальных источников* следует назвать Устав Нахичеванского Женского общества пособия бедным армянкам, который дает представление как о положении девушек из беднейших слоев нахичеванского общества, так и о деятельности местных армянских активисток [8]. Различные высказывания о донских армянках, а также данные о благотворительных обществах, имевших целью улучшение положения нахичеванской женщины, содержатся в периодической печати, в частности в газете «Приазовский край». Следует упомянуть и этнографическое исследование Е.О. Шахазиза «Новый Нахичевань и новонахичеванцы», в котором он использовал различные не дошедшие до нас источники [11]. Это единственный автор, который подробно описывает обычаи, праздники, пищу, одежду донских армян, что делает его труд уникальным.

Во время пребывания в Крыму армянские женщины в течение нескольких столетий усваивали обычаи, образ жизни и поведение соседних мусульманских народов — преимущественно татар, которые практиковали затворнический образ жизни. Этот образ жизни они перенесли после переселения из Крыма на донскую землю. Наглядным символом этого затворничества были упоминаемые многими авторами «жалюзи», из-за которых армянские женщины наблюдали за всем происходящим за пределами их «мира». Лишь из-

редка они выезжали с мужьями на именины или свадьбы. Однако с течением времени образ жизни донской армянки заметно изменился. Этому в значительной мере способствовали все более усиливавшиеся контакты с проживающими рядом народами, в основном с русскими. Но некоторые перемены, в частности приобщение к театральной культуре, произошло под влиянием их соотечественников с Кавказа, откуда Нахичевань-на-Дону посещали известные театральные труппы, участницами которых всегда были женщины.

Повседневная жизнь донской армянки, конечно же, зависела от ее социального статуса и имущественного положения. Понятно, что жизнь крестьянки — жительницы Чалтыря или Больших Салов, во многом отличалась от жизни жительницы города Нахичевани. Но подавляющую часть нахичеванского общества составляли представители «среднего класса».

Постепенно нахичеванская армянка (т. е. горожанка) начинает выезжать со своим супругом на званые вечера, балы, не говоря уже о традиционных праздниках, именинах и свадьбах. Ради этих мероприятий она доставала из шкатулки все свои лучшие драгоценности (а к ним она питала особую страсть), которые передавались из поколения в поколение и практически никогда не продавались, даже под угрозой голода.

Социальная активность донской армянки нашла свое выражение в участии в различных благотворительных обществах, в том числе исключительно женских.

На протяжении долгого времени армянская женщина выступала хранительницей традиционных патриархальных устоев. Она зорко следила за соблюдением выработавшихся веками еще со времен Крыма обычаев. Это посещение в строго отведенные дни кладбищ, соблюдение своих особых свадебных обрядов и религиозных праздников и т. д. Но, будучи хранительницей традиций, прежде всего хорошей хозяйкой и заботливой матерью, нахичеванская армянка, когда это было необходимо, умела проявлять твердость и железную волю в коммерческих делах. Так, по данным статистического комитета на 1861–1862 гг., из 601 жителя Нахичевани купеческого сословия 280 человек составляли женщины-купчихи. Достаточно вспомнить имена владелицы табачной фабрики Р. П. Карабетовой и владелицы ваточной фабрики М. Г. Галладжевой. Широко известны в Нахичевани были имена купчих Е. Л. Генч-Оглуевой, П. М. Налбандовой, А. С. Титровой, Р. К. Сариевой, Б. Л. Хунзоровой и др. Почти все

они были купеческими вдовами, которые после смерти своих мужей, учитывая их опыт и полученные знания, с успехом продолжили их дело [5, с. 64–65].

На рубеже XIX–XX вв. донская армянка, несмотря на сильные патриархальные традиции нахичеванского общества, оказывается затронутой процессом эмансипации. Это выражалось в ее приобщении к театральному искусству и выходе на сцену Нахичеванского театра, в свободе выбора спутника жизни, в активной деятельности в общественных и благотворительных организациях и даже в появлении в традиционной патриархальной армянской семье девушек, ставших затем профессиональными революционерками, ярким примером чему служит жизнь Н. Н. Аладжаловой.

Примерами эмансипации нахичеванской армянки (об эмансипации сельской жительницы говорить очень сложно) являются представительницы литературной профессии — Мариэтта Шагинян, Нина Берберова и Сусанна Мар. Все они вели образ жизни, сильно отличавшийся от традиционного образа жизни армянской женщины. М. Шагинян и С. Мар приняли Октябрьскую революцию, Н. Н. Берберова навсегда покинула большевистскую Россию. Но, будучи нахичеванскими армянками по происхождению, М. С. Шагинян и Н. Н. Берберова жили в столицах и не были воспитаны в традиционном духе донских армян. И приоритет они отдавали не семье, а общественной жизни. Однако Сусанна Мар родилась в традиционной нахичеванской семье известного общественного деятеля города, гласного городской Думы, присяжного поверенного Григория Христофоровича Чалхушьяна, и родители не препятствовали ее переезду в Москву, где она дважды побывала замужем за литераторами Рюриком Роком и Иваном Аксеновым. Ни один из них не был армянином, и родители, вопреки бытовавшим армянским обычаям, не противились этим бракам. Нина Берберова также вопреки армянским обычаям ни разу не была замужем за соотечественником. Мариэтта Шагинян была замужем за армянином — Я. С. Хачатрянцем, однако и это брак фактически развалился.

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. процессы модернизации, происходившие в Российской империи, привели к трансформации социокультурной ментальности донской армянки, к ее эмансипации, отрыву от традиционной среды. Такой отрыв часто сопровождался отъездом в другой город и утратой контроля со стороны семьи и в большинстве случаев приводил к потере региональной и национальной идентичности.

Список источников и литературы

1. *Аладжалова Н. Н.* Из большевистского подполья. Тбилиси, 1964.

2. *Варткинаян М. О.* Повесть о том, как батрак из Чалтыря стал зятем главы Нахичевана / пер. А. Г. Малхасяна. Ростов н/Д, 2012.

3. *Греков А. М.* Среди донских обывателей. Ростов н/Д, 1894.

4. *Демидов А. Н.* Путешествие в Южную Россию, и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 г. Анатолием Демидовым. М., 1853.

5. *Казаров С. С.* Нахичеванское купечество. Конец XVIII — начало XX века. Ростов н/Д, 2012.

6. *Келле-Шагинов И. М.* Моя единственная жизнь. Дневники и воспоминания. Ростов н/Д, 2015.

7. *Патканян Р.* Кондитерский угол // Симовонян Ш. В донской маленькой Армении. Ростов н/Д, 2015. С. 119–122.

8. *Устав* Ново-Нахичеванское Армянского Женского общество пособия бедным. Нахичевань н/Д, 1882.

9. *Филевский П. П.* Нахичевань и нахичеванцы (Из воспоминаний детства) // Донской временник. Год 1996. Ростов н/Д, 1995. С. 168–174.

10. *Чахиров С. П.* Воспоминания детства // Известия Ростовского областного музея краеведения. 2007. Вып. 15. С. 126–160.

11. *Шахазиз Е. О.* Новый Нахичевань и новонахичеванцы / пер. Ш. Шагиняна. Ростов н/Д, 2005.

ФОРМАЛЬНО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К БЕЗЛИЧНЫМ ПРЕДЛОЖЕНИЯМ В АРМЯНСКОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКОЙ

Диана Григорьевна Оганесян
hovhannisyandiana1995@mail.ru

Магистр филологии,
Менеджер Института гуманитарных наук
Российско-Армянский университет
Ереван, Армения

Карен Суренович Акопян
karen.hakobyan@rau.am

К.ф.н., доцент,
и.о. профессора, зав. кафедрой русского языка
и профессиональной коммуникации Института гуманитарных наук
Российско-Армянский университет
Ереван, Армения

Аннотация. Безличные предложения функционируют как в русском, так и в армянском языках. В русском языке они широко распространены, что связано с особенностями русского языкового мышления. В армянском языке употребление безличных конструкций ограничено. На месте русских безличных предложений в армянском языке в основном употребляются двусоставные предложения. Статья посвящена анализу формально-грамматического описания безличных предложений в армянской грамматической традиции в сопоставлении с русской.

Ключевые слова: односоставные предложения, безличные конструкции, формально-грамматический подход, русский язык, армянский язык.

THE FORMAL-GRAMMATICAL APPROACH TO IMPERSONAL SENTENCES IN THE ARMENIAN VS. RUSSIAN GRAMMATICAL TRADITIONS

D. Hovhannisyan
hovhannisyandiana1995@mail.ru

Master of Philology, Manager of the Institute of Humanities
Russian-Armenian University
Yerevan, Republic of Armenia

K. Hakobyan
karen.hakobyan@rau.am

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Acting Professor, Head of the Department of Russian Language and
Professional Communication of the Institute of Humanities
Russian-Armenian University
Yerevan, Republic of Armenia

Abstract. Impersonal sentences function both in Russian and in Armenian languages. They are widely spread in the Russian language due to the peculiarities of Russian language cognition. The use of such structures is limited in the Armenian language. Two-member sentences are mainly used in the Armenian language instead of the Russian impersonal sentences. The article analyses the formal-grammatical approach to impersonal sentences in the Armenian vs. Russian grammatical traditions.

Keywords: one-member sentences, impersonal constructions, formal-grammatical approach, Russian language, Armenian language.

Безличные конструкции всегда находились в центре синтаксических исследований, о чём свидетельствует наличие большого количества трудов, различных точек зрения и подходов к данному языковому феномену [см.: 2, 4, 7, 10, 11, 12, 13, 14]. В прошлом безличные предложения имели ограниченное употребление в армянском языке. Это стало одной из причин того, что армянские лингвисты долгое время оставляли без внимания эти предложения и не выделяли их в отдельную группу.

Но главная причина того, что безличные предложения не рассматривались как самостоятельная коммуникативная единица, заключалась в том, что базовым свойством предложения считалась глагольность, а предложение без сказуемого, выраженного личным глаголом, не признавалось. Выдающийся армянский языковед, акад. М. Абегян отмечал, что сущность речи заключается в сказуемости, без неё нет речи. А сказуемость выражается только словами отдельной группы или грамматического класса, называемого глаголом. Следовательно, без глагола нет речи (перевод наш – *Д.О., К.А.*) [7: 209].

Такого же мнения придерживался и другой выдающийся армянский лингвист, акад. Р. Ачарян. Он писал, что главное слово в предложении – личный глагол, без него предложение не может существовать.

Полагая, что сказуемое, включающее в себя личный глагол [в армянской грамматической традиции речь идет о вспомогательном глаголе в лично-спрягаемой форме], – неотъемлемое свойство предложений, ни Абегян, ни Ачарян не должны были выделять и не выделяли безличные конструкции в отдельную группу.

Тем не менее уже в конце XIX – начале XX вв. некоторые армянские лингвисты стали употреблять термин «*безличные предложения*». Впервые развернуто исследовал данный тип предложений Степан Паласанян в своей «*Грамматике родного армянского языка*» («*Քերականութիւն մայրենի լեզուի հայոց*», 1874 г.) – первой школьной грамматике восточноармянского литературного языка. Он называл их *безличными* (*անդեմ*) или *одноличными* (*միադիմի*), выделяя при этом *собственно безличные* (*բուն անդեմ*) и *случайно безличные* (*պատահական անդեմ*) предложения. (В истории армянской грамматики использовался ещё один синонимичный термин, обозначавший «безличные предложения», – *դիմազուրկ նախադասություններ* (об этой терминологической синонимии см. в [9: 84])).

Паласанян первым среди армянских лингвистов указал также на безличное употребление личных глаголов, выраженных:

1) 3-им лицом мн. ч.: «*Կարծում են՝ թե լուսնի վրա բնակիչներ կան*» [*Полагают, что Луна обитаема*].
2) 2-ым лицом ед. ч.: «*Սգավոր մարդ տեսնելիս ուզում ես մխիթարել նրան, բայց չես իմանում, թե ինչ ասես, կամ որտեղից սկսես*» [*При виде скорбящего человека, хочешь его утешить, но не знаешь, что сказать или с чего начать.*].

Фактически, к безличным предложениям были отнесены неопределённо-личные и обобщённо-личные предложения.

Позже М. Абегян отказался от термина «безличные предложения» (и от «*դիմազուրկ*», и от «*անդեմ*») и все вышеуказанные конструкции назвал ***бесподлежащными предложениями*** (*անենթակա նախադասություններ*).

После этого систему односоставных предложений описал в своей работе «*Синтаксис армянского языка*» («*Հայոց լեզվի շարահյուսություն*», 1936 г.) Г. Севак. Он впервые разграничил *бесподлежащные предложения* и *безличные предложения*. При этом безличные – с точки зрения русской грамматики – предложения Г. Севак включил в группу, которая называлась как раз «*бесподлежащные предложения*». Как отметил С. Абраамян, Г. Севак называет бесподлежащными те предложения, в которых подлежащее не выражено, и оно не может быть восстановлено ([1: 142]).

После переиздания «*Синтаксиса армянского языка*» (1957 г.) профессора Г. Севака, в котором, как мы уже отметили, безличные конструкции впервые были выделены в отдельную группу, очень много вопросов, касающихся этих предложений, было исследовано С. Абраамяном в труде «*Некоторые вопросы синтаксиса современного армянского языка*» (1962 г.), В. Аракеляном в «*Синтаксисе армянского языка*» (1964 г.), С. Гюлбудагяном в «*Односоставных предложениях современного армянского языка*» (1967 г.) и др.

Г. Арутюнян отмечал, что армянские термины «*միակազմ*» и «*երկկազմ*» являются неудачными переводами с русского (ср.: *односоставный* и *двусостав-*

ный), объясняя это тем, что любое предложение и без того является единым целым. Вместо этих терминов он предлагал употреблять термины «*միակենտրոն*» (*моноцентричный*) или «*միաբևեռ*», «*երկկենտրոն*» (*бицентричный*) или «*երկբևեռ*» [6: 12]. При этом безличные конструкции он относил к первому типу. Следует отметить, что к первому типу относятся также бесподлежащные предложения. И, скорее всего, именно этот факт стал причиной того, что В. Аракелян относил к безличным предложениям, обозначающим явления природы (*Մթնեց: [Стемнело]*), конструкции с лично-спрягаемой формой вспомогательного глагола *լինել* и причастием будущего времени, оканчивающимся на *-ի* «*Նկատելի է, որ... [Заметно, что...]*» [3]. Однако такой подход является спорным, если учесть, что в работах других учёных наблюдается чёткое разграничение между безличными и бесподлежащными предложениями.

В армянском языке отечественные грамматисты, опираясь именно на **формально-грамматический подход** к описанию структурных типов простого предложения, начиная с Г. Севака, делят односоставные предложения на *бесподлежащные* и *безличные*. ***Безличными*** в армянской грамматике называются те односоставные предложения, в которых **отсутствует показатель грамматической категории лица**; те же односоставные предложения, в которых нет и не может быть подлежащего, но присутствует показатель грамматического лица, называются ***бесподлежащными***. Именно поэтому и безличные, и обобщённо-личные, и неопределённо-личные, и даже собственно **номинативные(!)** предложения, выделяемые в русской грамматике, в армянской относятся к бесподлежащным предложениям. Об этом свидетельствуют примеры бесподлежащных предложений, приводимые С.Г. Абраамяном (1993 г.):

1. *Սարերում անձրևում* ***է***: [*В горах идет дождь*].
2. *Արդեն առավոտ* ***է***: [*Уже утро*].
3. *Ինչ որ ցանես, այն էլ կհնձես:* [*Что посеешь, то и пожнешь*].
4. *Արամին կանչում* ***են*** *գրասենյակից:* [*Арама вызывают из канцелярии*] [2: 141–143].

С точки зрения русской грамматики, первое предложение определяется как безличное, второе – как номинативное, третье – как обобщённо-личное, а четвертое – как неопределённо-личное.

Вызывает интерес и то, что автор не включает в группу бесподлежащных предложений определённо-личные предложения, типа: *Հիշում* ***եմ*** *մի գեղեցիկ օր:* [*Помню один прекрасный день*] [там же].

Безличные – в соответствии с армянской грамматической традицией – предложения представляют собой **совершенно другие морфолого-синтаксические структуры**. Они включают в свой состав главный член, который может быть выражен начальной формой имени существительного и неопределённым причастием, редко – другой частью речи. В связи с этим армянская грамматика,

как уже отмечалось выше, выделяет два типа безличных предложений: 1) *безличные глагольные предложения* (то же, что и *причастные*) и 2) *безличные назывные предложения* (арм. *բայական անդեմ* և *անվանական անդեմ նախադասություններ*): 1) «*Մի րոպե հետո եղավ երկրորդ հրամանը. – Ցրվե՛լ, պառկե՛լ*» [*Через минуту был второй приказ: – Врассыпную! Ложись!*]; 2) «*Գյումրի… Քառասունմեկ վայրկյանում դարերի հոյակերտ շինությունները հավասարացվեցին հողին*» [*Гюмри… За сорок одну секунду великолепные вековые строения сравнялись с землей*] / «*Երևան: Աստաֆյան փողոց: Նստած է խանութպան Համոն*» [*Ереван. Улица Астафяна. Сидит лавочник Амо*].

Таким образом, **безличные глагольные предложения в армянском языке соответствуют инфинитивным предложениям в русском языке, а безличные назывные предложения – номинативным** [8: 467]. Ср.: 1) *Ներկը օգտագործելուց առաջ խառնել: – Перед использованием краску перемешать*. 2) *Նորից անձրև, մշուշ, ամպ… – Опять дожди, туманы, просинь…* (Назывные безличные предложения могут также соответствовать в русском языке синтаксическому явлению, не являющемуся предложением, – так называемому *именительному темы* или *именительному представления*, именно потому, что обязательным структурным свойством назывных безличных предложений в армянском языке является отсутствие вспомогательного глагола. Ср.: *Тёплый, словно весенний ветерок… – я и теперь его слышу в сердце* [15]).

Здесь необходимо обратиться к сопоставлению подходов к изучению безличных (и вообще односоставных) предложений в двух грамматических традициях. На первый взгляд, кажется, что перед нами явное противоречие в классификации данного типа предложений. Ведь если в русистике научная грамматика, в отличие от школьной, обособила инфинитивные предложения и вывела их из состава безличных, то в армянской синтаксической науке, наоборот, именно инфинитивные предложения, как это следует из приведенных примеров (с небольшой терминологической коррекцией: неопределённое причастие в армянском языке соответствует инфинитиву в русском), стали основным типом односоставных предложений, названных безличными. Противоречие тут не только терминологическое, оно кроется в подходе к описанию данного явления. Перед лингвистами стояли три возможности определить безличные предложения, и все они были использованы в разное время разными представителями русистики и арменистики. Опирались они либо на логико-семантические критерии (*бессубъектные предложения*), либо на морфолого-синтаксические (*безличные*), либо на собственно синтаксические (*бесподлежащные*). Назвать их бессубъектными было бы ошибкой, ибо как раз большинство безличных (и тем более – других типов односоставных) предложений характеризуется пассивным субъектом, обычно выражаемым субъектно-объектным детерминантом. Армянские лингвисты, основываясь на синтаксической системе родного языка, в которой ключевую роль играет вспомогатель-

ный глагол, выбрали **формально-грамматический принцип дифференциации**: односоставные предложения без показателя грамматической категории лица были названы безличными, остальные – бесподлежащными (по синтаксическому критерию). При этом всё равно остаётся необходимость отделить от обобщённо-личных и неопределённо-личных предложений **собственно безличные** (в нашем понимании). Русские же синтаксисты выбрали термин «безличные», хотя в глагольном классе данного типа предложений так или иначе присутствует грамматический маркер 3-его лица. Но что важно: он не вступает в парадигматические отношения ни с 1-ым, ни со 2-ым лицом, отсутствует противопоставление грамматических форм, следовательно, в безличных предложениях не реализуется грамматическая категория 3-его лица: перед нами форма, не наполненная грамматическим содержанием. Отсюда и возможность обозначения данных предложений термином «безличные».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Աբրահամյան Ս.Գ.* Ժամանակակից հայերենի շարահյուսության մի քանի հարցեր: – Երևան, 1962.
2. *Աբրահամյան Ս.Գ.* Հայոց լեզու: Շարահյուսություն: – Երևան, «Լույս», 1993.
3. *Առաքելյան Վ.* Հայերենի շարահյուսություն: Բ հատոր / ԳԱ հրատ.: – Երևան, 1964.
4. *Բադիկյան Խ., Պապոյան Ա.* Ժամանակակից հայոց լեզվի շարահյուսություն: – Երևան, 2003.
5. *Գյուլբուդաղյան Ս.* Միակազմ նախադասությունը ժամանակակից հայերենում: – Երևան, 1967.
6. *Հարությունյան Հ.Ա.* Անդեմ նախադասությունները ժամանակակից հայերենում: – Երևան, 1970.
7. *Հարությունյան Հ.Ա.* Անդեմ նախադասությունների առանձնահատկությունների հարցի շուրջ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://hpj.asj-oa.am/1001/1/1966-4(207).pdf (Дата обращения: 27.04.2019г.).
8. *Պառնասյան Ն.* Շարահյուսական հոմանիշները ժամանակակից հայերենում: – Երևան, 1970.
10. *Պետրոսյան Հ.Զ., Գալստյան Ս.Ա., Ղարագյոզյան Թ.Ա.* Լեզվաբանական բառարան: – Երևան, ՀՍՍՀ ԳԱ հրատ., 1975.
11. *Акимова Г.Н.* Современные трактовки безличных предложений // Материалы 28-ой Межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. – СПб., 1999. – СС. 3–10.
12. *Галкина-Федорук Е.М.* Безличные предложения в современном русском языке (2-е изд-е). – М.: «Либроком», 2011.
13. *Зарецкий Е.В.* Безличные конструкции в русском языке: культурологические и

типологические аспекты (в сравнении с английским и другими индоевропейскими языками): монография / Е.В. Зарецкий. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2008.
14. *Лекант П.А.* О грамматической форме безличного предложения в русском языке // Проблемы изучения односоставных предложений: коллективная монография. – М., 2005. – СС. 105–112.
15. *Циммерлинг А.В.* Имперсональные конструкции и дативно-предикативные структуры в русском языке // Вопросы языкознания. – М.: «Институт языкознания РАН», 2018. – № 5. – СС. 7–33.
16. *Чупашева О.М.* А предложение ли это? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rus.1sep.ru/article.php?ID=200300702 (Дата обращения: 10.05.2019г.).

РУССКИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ В РЕЧИ ИНОФОНОВ (НА МАТЕРИАЛЕ КОММУНИКАЦИИ МОЛОДЕЖИ ГОРОДСКОЙ АРМЯНСКОЙ ДИАСПОРЫ)

Татьяна Николаевна Рацен
t.n.racen@utmn.ru

К.ф.н., доцент
доцент кафедры общего языкознания
Института социально-гуманитарных наук
Тюменский государственный университет
Тюмень, Россия

Ольга Ивановна Голованова
golovanova.o@list.ru

К.ф.н., доцент
доцент кафедры гуманитарных наук и технологий
Института сервиса и отраслевого управления
Тюменский индустриальный университет
Тюмень, Россия

Аннотация. В статье рассматривается функционирование русских прецедентных текстов в речи инофонов, выявляются нормы и варианты в их употреблении.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, прецедентный текст, русский язык как неродной/иностранный, разговорная речь.

RUSSIAN PRECEDENT TEXTS IN FOREIGN STUDENTS' SPEECH (BASED ON THE COMMUNICATION OF YOUNG PEOPLE FROM THE URBAN ARMENIAN DIASPORA)

T. Ratsen
t.n.racen@utmn.ru

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Associate Professor at the Department of General Linguistics
of the Institute of Social Sciences and Humanities
University of Tyumen
Tyumen, Russian Federation

O. Golovanova
golovanova.o@list.ru

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Associate Professor at the Department of Humanities and Technology
of the Institute of Service Management and Industry
Industrial University of Tyumen
Tyumen, Russian Federation

Abstract. The article discusses the functioning of the Russian precedent texts in foreign students' speech, identifies the norms and variants of their usage.
Keywords: intercultural communication, precedent text, Russian as non-native/ Foreign Language, colloquial speech.

В настоящее время проблеме прецедентности текста уделяется огромное внимание, особенно в практике обучения русскому языку как неродному. Исследователи предлагают различные аспекты в описании проблемы [1; 4; 5], интерпретируют речь отдельных этносов дальнего и ближнего зарубежья [1; 5], разрабатывают разнообразные лингвокультурные упражнения для обучения РКН/РКИ с вкраплением уже ставших народными и узнаваемыми именами, высказываниями, фразеологизмами из русских фильмов, художественных текстов, речи политиков, актеров, блогеров.

В лингвистической науке существует много определений прецедентного текста. Наиболее точное, по нашему мнению, определение, которое даёт Г.Г. Слышкин, расширяя понятие прецедентного текста Ю.Н. Караулова [2]. По утверждению учёного, прецедентный текст – это «любая характеризующаяся цельностью и связностью последовательность знаковых единиц, обладающая ценностной значимостью для каждой культурной группы» [3: 28]. Из этого следует, что в качестве прецедентного текста может выступать любой текст, будь то пословица, поговорка, оним или небольшое по объёму высказывание, которое употребляют носители языка или билингвы в устной речи в определённое время в определённом социуме.

Феномен прецедентности достаточно часто рассматривают в рамках лингвокультурологии при обучении РКН/РКИ, так как язык связан с ментальностью народа, является инструментом в понимании культуры и истории этноса, средством межкультурной коммуникации.

Непосредственное обращение в речи к прецедентным текстам свидетельствует об интегрированности языковой личности в современную эпоху, подтверждает творческое использования языка, что раскрывает «глубинные свойства языковой личности, обусловленные либо доминирующими целями, мотивами, установками, либо ситуативными интенциональностями» [2: 241].

Фразы из отечественных художественных фильмов, высказывания известных политиков, артистов и общественных интернет-блогеров, вошедшие в обиходную речь молодёжи, обладают свойствами прецедентности, представляют собой совокупность признаков текста, высказывания, ситуации, так как отсылают к тому или иному эпизоду фильма или события, а также репрезентируют характер или черты того героя (прецедентное имя), которому принадлежит реплика.

В городе Тюмени вот уже в течение многих лет функционирует общественная организация «Союз армян Тюменской области», национальный культурный центр им. Месропа Маштоца. Осуществляя разнообразные функции, этот центр одновременно выполняет и образовательную миссию: собирает прогрессивную армянскую молодёжь и детей школьного возраста для освоения родного армянского, русского и других языков, а также для изучения истории и культуры армянского и русского народов.

Наблюдения за речью армянской молодёжи в русскоязычной среде показали, что молодые люди достаточно хорошо владеют культурой русского языка, вставляют в устные высказывания прецедентные тексты, грамотно осмысляют культурологическую информацию.

В процессе анализа выявлено, что инофоны смотрят культовые советские фильмы («Семнадцать мгновений весны», «Место встречи изменить нельзя», «Ирония судьбы, или С лёгким паром», «Кин-дза-дза», «Бриллиантовая рука», «Кавказская пленница» и другие), российские фильмы («Брат», «Жмурки», «Ширли-мырли» и другие), молодёжные ток-шоу, слушают и цитируют речь российских политических деятелей, артистов и известных шоуменов.

Обратимся к фактическому материалу. Гегам А.: «*А вас, Артур, я попрошу остаться!*». Гамлет В.: «*Однозначно! Это я вам говорю! Однозначно! И все! Я сказал!*» В данных контекстах просматривается персуазивная функция, когда говорящий употребляет прецедентный текст с целью продемонстрировать своё превосходство, показать окружающим свой авторитет.

Мария Г.: «*В моем доме попрошу не выражаться!*». Ливан А.: «*Птичку жалко!*», «*Самозванцев нам не надо, тамадою буду Я*». В данных контекстах доминирующей функцией будет функция парольно-идентифицирующая, когда в процессе коммуникации демонстрируется принадлежность (близость) к данному сообществу.

Гамлет П.: «*Не нужны мне здесь «розовые кофточки»!*». Данный контекст отсылает коммуникантов к прогремевшему конфликту между артистом Филиппом Киркоровым и журналисткой Ириной Ароян. В настоящее время фразеологизмом «розовая кофточка» в разнообразных СМИ называют либо одну из сторон конфликта, либо используют это понятие как собирательный журналистский образ.

Марьям С.: «*А, это ты! Общежитие слушает! Привет-привет!*». Ваган П.: «*Эх, зачем же вы, д[э]вушки, [тока] красивых и любите. А я?*», «*У нас*

сегодня, как у Высоцкого: “Дорогая передача…”». Карен А.: «*Эээ... И в чем сила, брат? Вот ответь мне!*». Употребление подобных прецедентных текстов свидетельствует об экономии речевых средств, способствует одновременно и лаконичному выражению мысли, и намекает на табуированность высказывания.

Диалог между друзьями: «*– Ну ты и колобком стал за лето, не узнать тебя!*» «*– Не, я не потолстел. Это комок нервов! Работа нервная!*». В подобных высказываниях преобладает экспрессивная функция, настраивающая коммуникантов на положительную, дружескую волну [4; 5]. Кроме того, подобные вкрапления декорируют речь, делают ее более живой и выразительной.

Катя С.: «*Я не смотрю телек, так как все официальные СМИ, как известно, врут. Вот не верю и все. Больше них врут только «СМИ неофициальные». Надо верить только соцсетям и читать блоги, статусы и посты*». Ирэн С.: «*Марик, ты у нас прям “суслик известный”. Ага, среди таких же сусликов, как ты сам*». Подобные высказывания основаны на языковой игре, призваны снимать напряжённость, поэтому выполняют в речи людическую функцию [4: 25–26].

О том, что армянская молодёжь активно участвует в общественно-политической жизни и следит за выступлениями политиков говорит и тот факт, что в речи нередко встречаются афоризмы В.В. Путина, Д.А. Медведева и других. Отметим такие, как: «мочить в сортире», «кошмарить», «медведь разрешения спрашивать не будет», «денег нет, но вы держитесь», «если на нары – то в хорошей компании» и другие.

Таким образом, отметим, что в исследуемой живой речи армянской молодежи «прецеденты используются как средство экспрессии. Употребляя их, языковая личность добавляет в своё сообщение игровую тональность» [3: 97].

Включение русских прецедентных текстов в коммуникацию билингвов или инофонов из дальнего и ближнего зарубежья свидетельствует об овладении ими русским языком на продвинутом уровне и активном вовлечении молодых людей в межкультурный диалог.

Однако не все представители армянской диаспоры могут украсить свою речь подобными высказываниями. Тем молодым людям, которые прибыли на территорию России сравнительно недавно, не хватает культурологических и лингвистических компетенций, поэтому в процессе общения они чувствуют себя неуверенно и неловко. Для социокультурной адаптации таких людей предлагается специально разработанный преподавателями русского языка как неродного/иностранного список художественных фильмов, согласованный с национальными диаспорами и рекомендованный к просмотру, а также бесплатные ежемесячные занятия, на которых в традиционной форме (урок) или с использованием современных ресурсов геймификации формируются фоновые лингвострановедческие знания. Дружеское общение с носителями русского языка, проведение совместных мероприятий, волонтёрская помощь также будет способствовать развитию межкультурных связей и интегрированию иностранных граждан в российское сооб-

щество.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Калита И.В.* Билингвизм как проводник социокультурной компетенции. // Искусство и педагогика: теория, методика, практика. – Владимир, 2012. – СС. 138–145.
2. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987.
3. *Слышкин Г.Г.* От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 128 с.
4. *Тананина А.В*. Я тебя люблю! Выражение чувств и эмоций в русской речи. – СПб.: Златоуст, 2011.
5. *Хромов С.С.* Русский язык как неродной в информационном образовательном пространстве современной России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.philology-and-culture.kpfu.ru/?q=system/files/35_1.pdf (Дата обращения: 12.05.2019г.).

УДК 711.417.4 DOI: 10.14529/build190402

РЕКОНСТРУКЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ХРАМОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ АРМЯНСКОГО НАГОРЬЯ)

Н.С. Лулукян
Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского, г. Москва, Россия

Основное содержание статьи составляет научный анализ методов и технологий для реконструкции храмов с учетом особенностей проектирования национальной архитектуры. Большой объем исторических объектов на территории современной Армении в разных ее уголках, требующих реконструкции, диктует необходимость перехода на более быстрые и надежные технологии восстановления памятников архитектуры. В ходе изучения исторических, археологических, статистических и географических материалов была получена информация, как и каким образом осуществлялась и развивалась реконструкция храмовой архитектуры на территории Армянского нагорья, а также как с учетом уже имеющихся исследований создать наиболее оптимальные современные методологии по сохранению храмовой архитектуры. Основное внимание в работе автор акцентирует на важности и актуальности данной темы, так как изучение методов реконструкции позволит не только сохранить достояние народного мастерства и передать его будущим поколениям, но и изучить особенности колорита национальной архитектуры и использовать эти знания в проектировании новых храмов. Исследуя характерные признаки храмовой архитектуры Армянского нагорья, можно сделать вывод, что осуществлять реконструкцию можно только с помощью метода реставрации. Одна из главных задач такой реконструкции заключается в следующем: не видоизменять объёмно композиционную концепцию храма, обеспечить восстановление утраченного архитектурно-исторического облика.

Ключевые слова: реконструкция, реставрация, проектирование, храм, национальная архитектура, монастырь, убранство.

Исследование методологий реконструкции храмовой архитектуры на базе наиболее рациональных, экономически целесообразных и долговечных технологий восстановления и расширения памятников архитектуры является приоритетной задачей, которая входит в основу части исследования в области реконструкции национальной храмовой архитектуры (на примере Армянского нагорья). Реконструкция храмовой архитектуры включает в себя изучение не только многообразия методологий, с помощью которых возможна реконструкция национального достояния, но и вопросы территориального расположения храмов, объединения системой географических, климатических, экономических, социальных, политических, исторических и других факторов, оказывающих непосредственное влияние на эксплуатационный срок и развитие, восстановление монастырей на территории Армянского нагорья. Большой объем исторических объектов, требующих реконструкции, на территории современной Армении в разных ее уголках диктует необходимость перехода на более быстрые и надежные технологии восстановления памятников архитектуры. При этом необходимо систематизировать аналитическую часть, в которую входит анализ и понимание градостроительной истории, с помощью которой становится возможным выявление и обоснование территориального расположения храмовых комплексов. Сюда же входит изучение декоративно-знаковой символики, типологии храмовой архитектуры, функционально- планировочные решения, этапности развития. Все вышеперечисленное позволит сформировать единое представление об особенностях очерков, которые соблюдались в проектировании национальной архитектуры. Система реконструкции в области восстановления первоначального облика храмовой архитектуры на территории Армянского нагорья во все периоды проектной деятельности данного направления являлась результатом накопленных знаний и глобальных естественных стратегий, обусловленных доминирующими целями, важными для осуществления сохранности наследия армянского народа. При изучении исторических, археологических, статистических, географических материалов возможно понять, как и каким образом осуществлялась и развивалась реконструкция храмовой архитектуры на территории Армянского нагорья, а также как, принимая во внимание уже имеющиеся исследования, создать рекомендации с учетом наиболее оптимальных современных методологий по сохранению храмовой архитектуры.

Цели и задачи настоящего исследования:

– сформировать единую научно обоснованную систему знаний об исторических особенностях проектирования храмовой архитектуры на территории Армянского нагорья;

– определить закономерности разрушения храмовой архитектуры на территории исследования и сформировать инвариантные рекомендации и методики устойчивого развития в области реконструкции национальной храмовой архитектуры.

Объектом исследования являются исторические храмовые комплексы, монастыри, церкви и часовни. Система проектирования храмовой архитектуры, этапы ее развития, региональные особенности формировали основу градостроительного каркаса в вопросе расположения храмовой архитектуры на территории Армянского нагорья, особенности реконструкции в исторической динамике с выходом на современный этап.

Предметом исследования являются архитектурно-пространственные принципы и приемы в составлении рекомендаций и методологий по сохранению национальной храмовой архитектуры.

Методика исследования базируется на комплексном градостроительном анализе и системе расположения храмов на территории Армянского нагорья с определением наиболее характерных типов повреждений, вследствие которых происходит разрушение храмовой архитектуры в определенном регионе. Основным методом исследования является градостроительный анализ в исторической динамике с обобщением историко-архивных материалов, эмпирических данных, статистических данных, материалов последних реконструкционных работ, документационных материалов, содержащих в себе информацию об использованных технологиях, которые применялись для восстановления храма в области реконструкции. Далее последует формирование вариативных рекомендаций на базе методов исторического, градостроительного и эвристического прогноза. В процессе работы изучены периоды развития, а также исследована хронология, типология и особенности развития национальной храмовой архитектуры на территории Армянского нагорья.

Считается, что в первый период преобладают простые зальные композиции (однонефные сводчатые залы). Далее – трехнефные базиликальные композиции, в которых внутреннее пространство расчленено обычно тремя парами мощных Т-образных или крестообразных пилонов. Центральный неф шире, на его оси размещена главная апсида храма. В процессе постепенного усложнения вначале добавляются боковые комнаты алтаря, а затем галереи [1].

Вторую линию в развитии культового зодчества составляют купольные сооружения. В древнейших центрических композициях купол опирается либо на квадратное основание, образованное внешними стенами сооружения, либо на центральную (квадратную) часть крестообразной композиции, образованной простым присоединением полукруглых или прямоугольных рукавов. В дальнейшем развитии композиции купольных форм происходит увеличение подкупольного пространства. Купол господствует и во внешнем облике сооружений, определяя их силуэт [4]. В раннесредневековом армянском зодчестве наиболее распространенными становятся чисто центрические здания. Появляется новый тип церкви, в котором внутренняя четырехапсидная композиция взята в прямоугольный абрис внешних стен, а в углах сооружений размещены круглые или квадратные комнаты, связанные с центральным подкупольным пространством через специальные круговые проходы – так называемый тип Рипсимэ [6]. На основе изрядного количества исторических описаний, картографических материалов, а также материалов собственных исследований автора можно с достаточной степенью достоверности восстановить ход развития и особенности проектирования национальной храмовой архитектуры на территории Эчмиадзина, Эребуни, особенности развития построений церквей в других исторических регионах в различные периоды в Армении, опираясь на труды ряда исследователей в области истории и культуры [7]. Особенно малоизученным все-таки остаются храмы с I до V века, так как достоверно не указаны даты их создания, есть лишь информация о том, что они были построены на рубеже I–V веков. К ним относятся такие храмы, как:

– храм в Гарни́ (рис. 1) (языческий храм в Армении, построенный в I в. н. э. армянским царем Трдатом I. Находится в 28 км от Еревана в Котайкской области, в долине реки Азат, рядом с селом Гарни. Был разрушен в результате землетрясения 1679 года, восстановлен из руин в советское время [2];

– церковь Святой Рипсимэ, 618 г. (рис. 2). Эта армянская церковь, расположенная в городе Вагаршапат Армавирской области Армении. С 2000 года входит в список Всемирного наследия ЮНЕСКО [5];

– церковь Святой Гаяне, 630 г. (рис. 3). Армянская церковь, расположенная в городе Вагаршапат Армавирской области Армении, входит в состав Эчмиадзинского монастыря. С 2000 года церковь входит в список Всемирного наследия ЮНЕСКО [9].

Памятники указанных областей поражают не только весьма большим количеством, но и богатством форм, творческих исканий, находчивостью, художественной выразительностью. Естественно, что именно к ним было приковано внимание исследователей. Другие виды армянского искусства прошлых времен, такие как стенная роспись или фрески, прикладное искусство, мозаичная живопись, которые присутствуют как в убранстве храмов, так и на фасадах, остаются неизученными или слабо изученными в силу того, что реставрационные работы не всегда были своевременно и грамотно выполнены, вследствие чего памятники народного зодчества теряют свою уникальность к моменту изучения. В связи с этим данное исследование призвано заполнить пробелы знаний,

Рис. 1. Храм Гарни́ в Котайкской области Армении

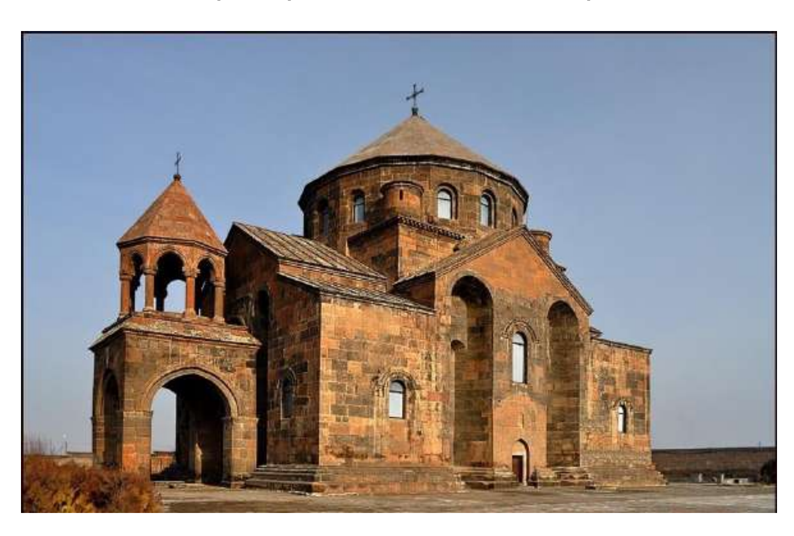

Рис. 2. Церковь Святой Рипсимэ, г. Вагаршапат Армавирской области Армении, входит в состав Эчмиадзинского монастыря

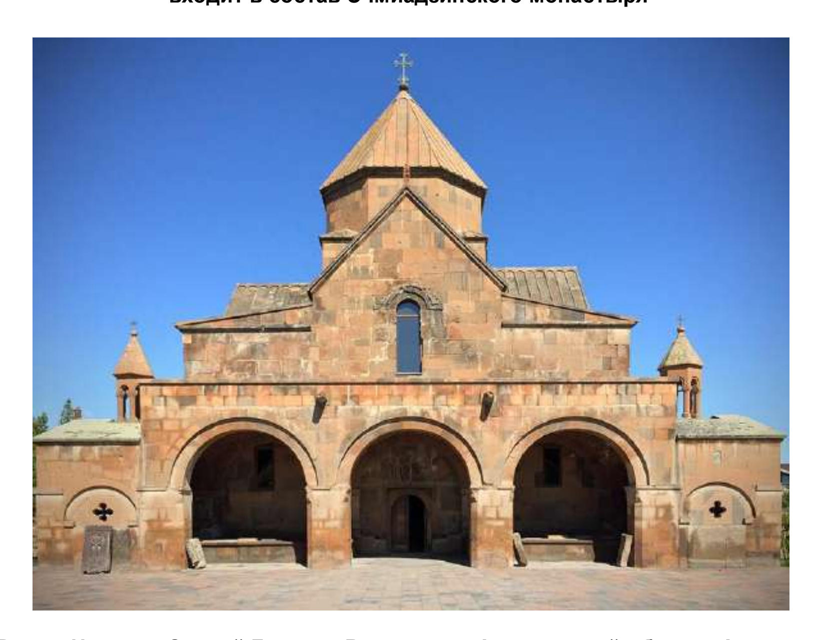

Рис. 3. Церковь Святой Гаяне, г. Вагаршапат Армавирской области Армении, входит в состав Эчмиадзинского монастыря

методологий по сохранению памятников национальной культуры и формирует рекомендации по изучаемой теме.

Наряду с историко-археологическими исследованиями на территории Армянского нагорья важнейшую роль в научном представлении о национальной храмовой архитектуре играют архитектурно-градостроительные исследования. Связано это с тем, что местонахождения культурно-религиозных сооружений во все времена, что существовала армянская культура, с момента принятия в 301 году христианства, никогда не были случайными.

Известно, что ранние храмы часто возводили на фундаментах разрушенных языческих базилик. Одним из первых исследователей храмовой архитектуры с точки зрения научного градостроительного анализа стал Токарский Н.М., им была издана монография в издательстве Академии наук Армянской ССР в 1946 году под названием «Архитектура древней Армении/Академия наук Армянской ССР, Институт истории – Ереван». Данная монография систематизировала опыт и исследования градостроителей. Автором были выявлены и обоснованы композиционные, экономические, архитектурные принципы, которые легли в основу формирования сложных систем внедрения национальных архитектурных памятников в градостроительную инфраструктуру малых и больших городов Армянского нагорья. Нельзя не заметить, что все исследования, связанные с градостроительной частью, имеют прямую и тесную взаимосвязь с историко-археологическими исследованиями. Так, например, упоминается, что античные храмы, построенные во второй половине I века царем Трдатом I Аршакидом, занимали вершину мыса, что является по сведению картографических исследований «центральной», т. е. самой высокой точкой в градостроительной системе. Также исходя из очерков данной монографии, можно сделать вывод, что храмы, построенные в I–V веке, были сильно повреждены, а некоторые вовсе рухнули в 1679 году, не выдержав землетрясения, и несколько столетий простояли в руинах. В 60–70-х годах XX века их восстановили.

Наиболее значимой работой в области сохранения храмовой национальной архитектуры занимался Кертменджян Давид Григорьевич, кандидат архитектуры. На основании большого количества исследованного материала воспроизводится уточнение территориального расположения крепостей, монастырей и других строительных объектов в 4 областях Тарона-Васпуракана, а также единая система по сохранению наследия с древних времен до периода начала XX века. Изучением армянской архитектуры и памятников армянского зодчества занимались О.Х. Халпахчьян, Т.А. Марутян, К.Л. Оганесян, Ш.Р. Азатян, С.А. Маилов, В.М. Арутюнян, С.А. Сафарян, А.Л. Якобсон, А.А. Саинян, Н.М. Токарский, Ю.С. Яралов, Т.А. Тораманян, М.М. Асратян, Н.Г. Буниатов, С.Х. Мнацакян, Н.С. Степанян и др. В частности, в их трудах рассматривается архитектура культовых сооружений [8].

Реконструкция является крайне важным аспектом современной деятельности фундаментальной науки архитектуры, благодаря этому виду архитектурных работ и проектов изысканий появляется возможность более полного и детального изучения археологически важных объектов истории армянского храмового зодчества. Изучив всевозможные виды и методики реконструкции, автор пришел к выводу, что оптимальным методом для сохранения наследия храмовой архитектуры будет являться такой вид реконструкции, как реставрация, так как реставрация – это восстановление архитектуры в ее первоначальном или близком к первоначальному виде, что позволит сохранить ту красоту храмов, их символику и значение, которое было в них вложено при проектировании много веков назад.

При реставрации памятников архитектуры обязательно учитываются их историческая и художественно-культурная ценность. Именно это является главным достоинством реставрации в вопросе сохранения народного наследия. Рекомендация по сохранению архитектуры состоит в выбранной методике работы, и именно в реставрации главной задачей является сохранение ее в подлинном виде, сохранение исторической ценности и значимости. Еще одним оптимальным методом сохранения храмовой архитектуры является консервация, включающая такой спектр проектно- конструкторских работ, как очистка, укрепление и дальнейшая защита здания от всевозможных внешних воздействий. Консервация нужна тем храмам, которые уже подверглись разрушительным процессам, для приостановления, и выявления материальных элементов и их стабилизации, а также для дальнейшего сохранения здания в том виде, в котором оно дошло до наших дней.

Для того чтобы реставрируемое здание не потеряло при восстанавливающих работах своего первоначального облика, необходимо придерживаться следующих авторских рекомендаций по реставрации:

1. Все действия, производимые реставратором, должны быть обратимыми, чтобы, в случае необходимости, была возможность провести новую реставрацию.

2. Необходимо учитывать естественное разрушение/деформацию архитектуры в дальнейшем, в связи с чем выбирать материал, который не будет слишком тяжелым или слишком легким после завершения работ.

3. Восстановление декоративных прикладных элементов архитектуры необходимо производить только при наличии полноценных аналогов, желательно той базилики или стилистики, при которой был создан объект. Если нет прямых аналогов, их

ищут на других храмах, построенных в других уголках Армении, но примерно в это же время. Доказано, что декоративно-прикладное искусство является идентичным по стилю и времени исполнения и создания.

4. В реставрационных работах не допускается принятие поспешных, непродуманных решений; проекты реконструкций – это всегда комплексная работа архитектора, инженера, археолога и т. д.

5. Необходимо сохранить всю проектную документацию о реставрируемом здании.

6. В процессе реставрационных работ должны быть зафиксированы все действия, выполняемые археологическими группами реставраторов, с подробным описанием применяемых методик, инструментов, материалов и сроков выполнения той или иной операции [3].

Подводя итог, нужно констатировать тот факт, что реставрация храмовой архитектуры по сравнению с реконструкцией – это более сложный и трудоёмкий процесс с точки зрения технологического обеспечения. Именно поэтому целью реставрации является восстановление первоначального вида реставрируемого здания, и возможным это становится только с помощью тех приемов, способов и методик, которые были доступны зодчим времени создания архитектурного объекта. Исследование пришло к окончательному выводу, что применение обоих этих методов с авторскими рекомендациями по их выполнению позволяет воссоздать утраченные объекты национальной храмовой архитектуры на территории Армянского нагорья. При рассмотрении реконструируемых объектов храмовой архитектуры в градостроительном комплексе автором предложена система этапов изучения, включающая информацию достоверного датирования храма, его географического положения, архитектурно-комплексного решения, а также многих других факторов, которые должны учитываться при реконструкции с элементами реставрации и консервации. Установленный автором ряд рекомендаций для реконструкции и консервация предполагает как принятие определенных решений на основании архитектурно-планировочных, так и конструктивно-технологических решений, что в свою очередь оказывает определяющее влияние на технологию и организацию производства работ. Реконструкция такой храмовой архитектуры требует разработки принципиально новых технологий и адаптации существующих апробированных методов. Решение вопросов реконструкции потребовало разработки новых методов и индустриальных технологий, отвечающих современным техническим и экономическим требованиям.

Литература

1. Айвазян, А.А. Историко-архитектурные памятники Нахичевани / А.А. Айвазян. – Ереван, 1978.

2. Айвазян, А.А. Мемориальные памятники и рельефы Нахичевани / А.А. Айвазян. – Ереван, 1987.

3. Айвазян, А.А. Памятники армянской архитектуры Нахичеванской АССР / А.А. Айвазян. – Ереван, 1981.

4. Академия наук Армянской ССР. Мемориальные памятники средневековой Армении, хачкары IX–XIII вв. – Ереван, 1984.

5. Аннинский, А. История Армянской церкви (до XIX в.) / А. Аннинский. – Кишинев, 1900.

6. Арутюнян, В.М. Памятники армянского зодчества / В.М. Арутюнян, С.А. Сафарян. – М., 1951.

7. Асратян, М. Очерки армянской архитектуры / М. Асратян. – М., 1985.

8. Давлианидзе, Л.С. К изучению цундско-тмговских хачкаров / Л.С. Давлианидзе // Вестник гос. музея Грузии, XX в. – 1959.

9. Кильневская, Э.В. От изобретательности к орнаменту / Э.В. Кильневская. – М., 1968.

Лулукян Назели Суреновна, ассистент кафедры дизайна, Социально-гуманитарный институт, Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Москва), n.surenovna@mail.ru

Поступила в редакцию 27 сентября 2019 г.

DOI: 10.14529/build190402

RECONSTRUCTION OF THE NATIONAL TEMPLE ARCHITECTURE (BY THE EXAMPLE OF THE ARMENIAN HIGHLANDS)

N.S. Lulukyan, *n.surenovna@mail.ru*
Moscow State University of Technology and Management named after K.G. Razumovsky, Moscow, Russian Federation

The main content of the article is a scientific analysis of methods and technologies for the reconstruction of temples, taking into account the design features of national architecture. A big number of historical sites on the territory of modern Armenia located in different parts of it and requiring reconstruction, dictates the need to switch to a faster and more reliable technology of restoration of architectural monuments. During the study of historical, archaeological, statistical, geographical materials, we obtained some information of how the reconstruction of temple architecture was carried out and developed on the territory of the Armenian highlands, and how to create the most optimal modern methodologies for preservation of temple architecture, taking into account the already-existing research. The author focuses on the importance and relevance of this topic, as the study of methods of reconstruction will allow to not only preserve the heritage of folk art and pass it on to future generations, but also study the peculiarities of national architecture and use this knowledge when designing new temples. While studying the characteristic features of temple architecture of the Armenian highlands, it can be concluded that the reconstruction can be carried out only with the help of the method of restoration. One of the main goals of such reconstruction is not to modify the volumetric compositional concept of the temple and to ensure the restoration of the lost architectural and historical appearance.

Keywords: reconstruction, restoration, design, temple, national architecture, monastery, decoration.

References

1. Ayvazyan A.A. *Istoriko-arkhitekturnyye pamyatniki Nakhichevani* [Historical and Architectural Monuments of Nakhichevan]. Erevan, 1978.
2. Ayvazyan A.A. *Memorial'nyye pamyatniki i rel'yefy Nakhichevani* [Memorial Monuments and Reliefs of Nakhichevan]. Erevan, 1987. 398 p.
3. Ayvazyan A.A. *Pamyatniki armyanskoy arkhitektury Nakhichevanskoy ASSR* [Monuments of Armenian Architecture of the Nakhichevan Autonomous Soviet Socialist Republic]. Erevan, 1981. 236 p.
4. Arakelyan B.N. (Ed.) *Memorial'nyye pamyatniki srednevekovoy Armenii: Khachkary IX–XIII vv.* [Memorial Monuments of Medieval Armenia, Khachkars of the 1st – 10th centuries]. *AN ArmSSR, In-t arkheologii i etnografii* [Academy of Sciences of the Armenian SSR]. Erevan, Izd-vo AN ArmSSR Publ., 1984. 77 p.
5. Anninskiy A. *Istoriya Armyanskoy tserkvi (do XIX v.)* [History of the Armenian Church (until the 19th Century)]. Kishinev, 1900. 324 p.
6. Arutyunyan V.M., Safaryan S.A. *Pamyatniki armyanskogo zodchestva* [Monuments of Armenian Architecture]. Moscow, 1951. 244 p.
7. Asratyan M. *Ocherk armyanskoĭ arkhitektury* [Essay on Armenian Architecture]. Moscow, 1985. 152 p.
8. Davlianidze L.S. *K izucheniyu tsundsko-tmgovskikh khachkarov* [To the Study of the Tsundo-Tmg Khachkars]. *Bulletin of State Museum of Georgia, XX century*, 1959.
9. Kil'nevskaya E.V. *Ot izobretatel'nosti k ornamentu* [From Ingenuity to Ornament]. Moscow, 1968.

Received 27 September 2019

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Лулукян, Н.С. Реконструкция национальной храмовой архитектуры (на примере Армянского нагорья) / Н.С. Лулукян // Вестник ЮУрГУ. Серия «Строительство и архитектура». – 2019. – Т. 19, № 4. – С. 18–23. DOI: 10.14529/build190402

FOR CITATION

Lulukyan N.S. Reconstruction of the National Temple Architecture (by the Example of the Armenian Highlands). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Construction Engineering and Architecture*. 2019, vol. 19, no. 4, pp. 18–23. (in Russ.). DOI: 10.14529/build190402

КРОССКУЛЬТУРНАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9

СООТНОШЕНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У АРМЯНСКОЙ МОЛОДЕЖИ С РАЗНОЙ ДЛИТЕЛЬНОСТЬЮ ПРОЖИВАНИЯ В АРМЕНИИ[1]

© 2019 г. А. С. Берберян[1,*], Э. С. Берберян[2,], О. Р. Тучина[3,***]**

[1] Российско-Армянский университет;
0051, г. Ереван, ул. Овсепа Эмина, д. 123, Республика Армения.
[2] Институт искусственного интеллекта и когнитивной инженерии, Университет Гронингена;
9700, г. Гронинген, Нидерланды.
[3] Кубанский государственный технологический университет;
350072, г. Краснодар, ул. Московская, д. 2, Россия.
**Доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии.*
E-mail: aspsy@inbox.ru
***Аспирант. E-mail: hermpsy@mail.ru*
****Доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой истории и философии.*
E-mail: tuchena@yandex.ru

Поступила 11.09.2017

Аннотация. Проверялась гипотеза о том, что особенности этнической и гражданской идентичности армянской студенческой молодежи связаны с социокультурным контекстом ее формирования. В исследовании приняли участие 156 студентов Российско-Армянского университета (г. Ереван), называющих себя армянами. Выявлено, что уровень выраженности этнической идентичности у армян, живущих в Армении менее 5 лет, значимо выше, чем у тех, кто живет в Армении дольше, при этом уровень гражданской идентичности достоверно не отличается между группами. Гражданская идентичность также не связана с ощущениями от проживания в Армении. Студенты младших курсов более склонны не связывать свою дальнейшую жизнь с Арменией по сравнению со студентами старших курсов. Чувство гордости в связи с принадлежностью к армянскому этносу оказалось не связанным с типом этнической идентичности и преобладало во всех группах респондентов. Таким образом, выраженность именно этнической идентичности оказалась связанной с продолжительностью жизни в Армении, т.е. с социокультурным контекстом взросления. Это может быть объяснено необходимостью сохранения культурного своеобразия и ценностей своей этнической группы в случае, когда она не является титульным этносом.

Ключевые слова: этническая идентичность, гражданская идентичность, исторический опыт, социокультурная среда, армяне.

DOI: 10.31857/S020595920007315-2

Проблема этнической и гражданской идентичности, их взаимосвязи и взаимовлияния в последнее время становится все более актуальной, что связано с процессами глобализации, массовой миграцией, а также сложной геополитической ситуацией [29].

Большинство исследователей трактуют понятие “гражданская идентичность” как осознание принадлежности к сообществу граждан того или иного государства, имеющее для индивида существенный смысл. Е.А. Гришина [10] указывает на то, что гражданская идентичность основана на потребности общества в интеграции. Приобщение к социальным ценностям и целям может происходить через символы и атрибуты (родина, страна, государство) и наполняться конкретным содержанием через социокультурный контекст. Е.М. Арутюнова [2] связывает гражданскую идентичность с этнической, называя ее государственно-гражданской идентичностью, включающей в себя общность, образ “Мы” и интересы. Образу “Мы” присущи

[1] Статья подготовлена при поддержке ГКН МОН РА в рамках научного проекта “Психологический аспект формирования самопонимания личностью национальной идентичности в контексте исторического опыта на постсоветском пространстве (на материале исследования молодежи России и Армении)”.

этнодифференцирующие признаки: историческое прошлое, территория, язык, культура, традиции. Л.К. Григорян определяет гражданскую идентичность через два базовых измерения: национализм — положительное отношение к своей стране на основании сравнениями с другими; патриотизм — положительная оценка своей принадлежности к ней вне сравнения с другими [8]. А.Г. Асмолов определяет гражданскую идентичность как осознание личностью своей принадлежности к сообществу граждан определенного государства на общекультурной основе [3]. На наш взгляд, данное определение наиболее приемлемо, так как указанные понятия не подменяют друг друга, не отождествляются, а дифференцируются.

Т.Г. Стефаненко разработала концепцию этнической идентичности с позиций социального конструкционизма. По ее мнению, этническая идентичность возникает в процессе субъективного отражения и активного построения индивидом социальной реальности и является результатом переживания отношений "Я" и этнической среды [19]. Г.У. Солдатова рассматривает важный для целей нашего исследования историко-психологический аспект: этничность как категорию родом из детства. По ее мнению, отражение этничности происходит посредством социально-нормативного отношения к этническим общностям через осознание критериев, что позволяет ей делать выводы о качественном своеобразии проявления этнического самосознания в форме позитивной этнической самоидентификации, способствующей оптимизации межэтнических взаимоотношений [18]. В.Ю. Хотинец определяет этническую самоидентификацию как чувство принадлежности к этнической общности по конкретным параметрам этногенеза, отмечая, наряду с расово-биологическим (родовые корни) и климато-географическим (историческая территория), социокультурный аспект, который образуется в процессе историко-культурного развития общности [21].

Как гражданская, так и этническая идентичность представляют собой части Я-концепции человека, связанной с осознанием своей принадлежности к группе и отношением к этому факту [11; 26; 27; 31; 33; 35]. Отличия этих видов социальной идентичности касаются в основном восприятия индивидами базиса идентичности: если принадлежность к этнической группе обусловлена фактом рождения и соответствующего воспитания человека, то гражданская может изменяться вслед за сменой страны проживания [20]. Ряд исследователей считают, что этническая и гражданская идентичности имеют разное когнитивное содержание: этническая идентичность в основном базируется на языке, культуре, национальности родителей, историческом прошлом, территории [22; 30], а гражданская идентичность — на месте в мире, геополитическом пространстве, цивилизационном развитии, на представлениях о ресурсах страны, достижениях в культуре, исторической общности [13].

И гражданская, и этническая идентичность содержат в себе когнитивные, эмоциональные и деятельностные компоненты, сходные по семантическому наполнению: в них прослеживается единая позиция взаимоуважения, знания, принятия. На наш взгляд, этническая идентичность не противопоставляется гражданской, а сосуществует как ее реальный компонент.

Этнический статус чаще всего остается постоянным на протяжении всей жизни человека, но этническая идентичность динамична: внешние обстоятельства могут привести к тому, что человек переосмысливает роль этнической принадлежности в своей жизни и этническая идентичность трансформируется.

В научном дискурсе сформировался концепт государственно-гражданской (национально-гражданской) идентичности, включающий образ "Мы" и интересы общности. Национальная идентичность рассматривается как многомерный концепт, в котором в той или иной степени соотносятся государственная, гражданская, этническая и социокультурная составляющие, при этом определяющее значение имеет осознание личностью своей принадлежности к сообществу граждан определенного государства на общекультурной основе [3; 12; 15; 28]. Субъектная сторона национальной идентичности связана с личностным переживанием сопричастности человека к истории своего народа и страны, непосредственным переживанием подлинности прошлого в настоящем. Подчеркивается историчность сознания человека, играющая ключевую роль в процессах формирования национальной грани личностной идентичности.

Феномен исторического опыта может быть рассмотрен на основании субъектного подхода как пространство со-бытия личности, пространство исторического прошлого народа, которое осмысляется как коллективно, так и индивидуально, постоянно формируя и изменяя личностные смыслы [7; 17]. Исторический опыт определяется как непосредственное переживание человеком исторического события и в то же время временнóй дистанции между прошлым и настоящим [1]. Исторический опыт включает одновременно знания об исторических событиях и "проживание" человека в них в соответствии с собственными представлениями

о данном историческом событии. Интенсивность переживания этих чувств связана с выраженностью этнической и гражданской идентичности, а чувство гордости, связанное с определенными историческими событиями, является эмоциональным фактором, который скрепляет все составляющие национальной идентичности и создает основу формирования нации [6].

Взаимодействие и взаимовлияние этнической и гражданской идентичности определяются рядом социокультурных факторов и особенностями исторического опыта личности. В социокультурном контексте можно выделить культурные, исторические и институциональные аспекты. Это понятие является более широким, чем понятие “исторический опыт”.

Этническое сообщество играет значимую роль в становлении идентичности [23]. Различия между мигрантами первого и второго поколения были исследованы на примере 20 европейских стран, где была показана связь между силой выраженности этнической идентичности, уровнем образования и вероятностью трудоустройства [25]. Дети иммигрантов либо становятся носителями этнических ценностей, либо теряют их. Второе поколение становится критической точкой для изучения процессов формирования этнической идентичности и аккультурации.

Постсоветское пространство представляет особый интерес для этнопсихологии, поскольку в нем существуют общие исторические и социокультурные основания социальной идентичности и в то же время — разные установки и стратегии формирования национальной идентичности. В современной Армении превалируют самопонимание и самоощущение идентичности на основе культурно-исторического, территориального и бытового единства и в меньшей степени — на основе этнического. При этом армянский этнос имеет тесно связанные между собой диаспоры в разных частях света, что предполагает высокую мобильность, а также множественную социальную идентичность [14]. Результаты сравнительного исследования исторического опыта представителей титульного армянского этноса и представителей диаспоры показали существенную разницу в формировании и функционировании исторического опыта: у представителей титульного этноса более дифференцированное и многогранное представление об исторических событиях и знаковых исторических личностях Армении; для коренных жителей Армении более значимыми являются исторические события, связанные с военными победами, борьбой за территориальную целостность, а для армян, приехавших из России, — события, связанные с формированием и сохранением этнокультурной идентичности, в частности принятие христианства, создание письменности и период культурного расцвета Армении [5; 6]. Поэтому принадлежность к титульному этносу или к диаспоре и, соответственно, особенности исторического опыта могут являться тем социокультурным фактором, который определяет специфику национальной идентичности личности.

Цель настоящего исследования — выявить взаимосвязи этнической идентичности, гражданской идентичности и исторического опыта у армянской молодежи.

Теоретическая гипотеза нашего исследования: особенности этнической идентичности армянской студенческой молодежи различаются в зависимости от социокультурного контекста.

Исследовательские гипотезы:

1. Выраженность этнической идентичности связана с продолжительностью проживания в Армении;

2. Выраженность гражданской идентичности связана с продолжительностью проживания в Армении;

3. Ощущения от проживания и перспективы дальнейшей жизни в Армении связаны с социодемографическими данными респондентов;

4. Ощущения от проживания и перспективы дальнейшей жизни в Армении связаны с уровнем гражданской идентичности;

5. Выраженность типа этнической идентичности связана с выраженностью чувства гордости у армянской молодежи.

МЕТОДИКА

Участники исследования: этнические армяне ($N = 156$, $M = 20.5$, 86 женщин), студенты Российско-Армянского университета (г. Ереван, Армения). Большинство респондентов — жители городов (96%), в настоящее время постоянно живущие в Армении (90.4%), предки которых родом из Армении (территориальные границы нынешней Республики Армения), Западной Армении (территория современной Турции), Грузии и других стран. Респонденты были разделены на 4 группы в зависимости от длительности проживания в Республике Армения: 1) с момента рождения, постоянно (30.7%), 2) с момента рождения, с перерывами (22.5%), 3) 5–10 лет (23.5%), менее 5 лет — (23.3%).

Процедура. Участникам предлагалось ответить на вопросы 5 методик и 2 анкет, которые были представлены в порядке, указанном ниже. Перед началом исследования была гарантирована его конфиденциальность и предупреждено о последующем использовании результатов в научно-исследовательских целях. Исследование было проведено в групповой форме на бумажных бланках, респонденты были разделены на 6 групп, выровненных по количеству участников. Средняя продолжительность исследования — 50 минут.

Методики. 1. Авторская анкета из 14 вопросов, направленная на сбор социально-демографических данных, происхождения, длительности проживания в Армении, ощущений от проживания, планов на будущее, причин для того, чтобы остаться, и причин, по которым респондент намеревается уехать (ответ на один из данных вопросов варьируется в зависимости от ответа на вопрос о планировании будущего). Некоторые вопросы представлены в Приложении.

2. Шкала экспресс-оценки выраженности этнической идентичности Н.М. Лебедевой выявляет степень ощущения себя представителем своей национальности.

3. Шкала экспресс-оценки чувств, связанных с этнической принадлежностью, Н.М. Лебедевой оценивает валентность этнической идентичности (гордость, спокойная уверенность, никаких чувств, обида, ущемленность, униженность).

4. Методика для выявления типов этнической идентичности Г.У. Солдатовой, С.В. Рыжовой включает шесть шкал, каждая из которых соответствует определенному типу этнической идентичности: этнонигилизм, этническая индифферентность, позитивная этническая идентичность, этноэгоизм, этноизоляционизм и этнофанатизм.

5. Для исследования двух изменений гражданской идентичности, национализма и патриотизма были взяты два блока вопросов, заимствованные из опросника *International Social Survey Program* (*ISSP*) в адаптации Л.К. Григорян [8].

6. Авторская анкета исследования исторического опыта регистрирует субъективное восприятие респондентами событий истории собственного народа и состоит из 10 вопросов (полная версия представлена в Приложении).

7. Методика “Что для Вас значит быть армянином?” (модификация методики Б.В. Кайгородова). Респондентам предлагается ответить на данный вопрос в форме слов, словосочетаний либо предложений (от 1 до 15).

Статистическая обработка данных: Результаты исследования были обработаны при помощи программы *SPSS19.*

РЕЗУЛЬТАТЫ

Социокультурный контекст и выраженность этнической идентичности

Для сравнения групп респондентов с разным временем проживания в Армении нами был проведен однофакторный дисперсионный анализ с включением апостериорного теста *Tukey*. Выявлены достоверные различия в выраженности этнической идентичности между группами ($F = 7.331$, $p < 0.001$). Апостериорный тест *Tukey* (табл. 1) показал, что различия значимы между первой и четвертой группами ($p = 0.001$), второй и четвертой ($p = 0.001$), а также третьей и четвертой ($p = 0.015$). Таким образом, выраженность этнической идентичности выше у респондентов, проживающих в Армении менее 5 лет, и в среднем составляет 4.87 (1 — совсем не ощущаю, 5 — ощущаю в полной мере). Таким образом, результаты свидетельствуют в пользу исследовательской гипотезы 1.

Социокультурный контекст и гражданская идентичность

Результаты по методике исследования гражданской идентичности свидетельствуют о преобладании у большинства респондентов среднего уровня национализма (80.8%), патриотизма (73.1%) и гражданской идентичности (78.8%) в целом.

Для выявления связи социокультурного контекста и гражданской идентичности был проведен однофакторный дисперсионный анализ. Не было выявлено статистически достоверных различий между группами респондентов ($F = 1.954$, $p > 0.05$) (см. табл. 2).

Таким образом, свидетельств в пользу гипотезы 2 получено не было.

Ощущения от проживания и возможные перспективы в Армении

На вопрос об ощущениях от проживания в Армении 57.7% респондентов отметили двойственные ощущения, 38.5% — положительные и 3.8% — отрицательные. 44.2% респондентов затруднились ответить на вопрос, связывают ли они свое будущее с Арменией, 40.4% ответили на данный вопрос положительно и 15.4% отрицательно. Среди основных причин остаться (вопрос не был адресован тем, кто ответил отрицательно на предыдущий вопрос):

Таблица 1. Результаты множественных сравнений между 4 группами по уровню выраженности этнической идентичности

Множественные сравнения *Tukey HSD*							
Завис. перемен-ная	(*I*) Продолжитель-ность проживания	(*J*) Продолжительность проживания	Среднее различие (*I–J*)	Станд. ошибка	Sig.	95%-й довер. интервал среднего	
						Нижн. граница	Верх. граница
Выражен-ность эт-нической идентич-ности	постоянно	с перерывами	0.39048	0.33685	0.655	–0.5060	1.2870
		5–10 лет	–0.03810	0.33685	0.999	–0.9346	0.8584
		менее 5 лет	–1.3416*	0.31933	0.001	–2.1915	–0.4918
	с перерывами	постоянно	–0.39048	0.33685	0.655	–1.2870	0.5060
		5–10 лет	–0.42857	0.42896	0.751	–1.5702	0.7131
		менее 5 лет	–1.7321*	0.41534	0.001	–2.8375	–0.6268
	5–10 лет	постоянно	0.03810	0.33685	0.999	–0.8584	0.9346
		с перерывами	0.42857	0.42896	0.751	–0.7131	1.5702
		менее 5 лет	–1.3035*	0.41534	0.015	–2.4089	–0.1982
	менее 5 лет	постоянно	1.34167*	0.31933	0.001	0.4918	2.1915
		с перерывами	1.73214*	0.41534	0.001	0.6268	2.8375
		5–10 лет	1.30357*	0.41534	0.015	0.1982	2.4089

Примечание. $^*p < 0.05$.

Таблица 2. Результаты однофакторного дисперсионного анализа

ANOVA						
		Сумма квадратов	*df*	Средний квадрат	*F*	*Sig.*
Национализм	Между группами	0.786	3	0.262	1.364	0.265
	В рамках групп	9.214	48	0.192		
	Общее	10.000	51			
Патриотизм	Между группами	1.401	3	0.467	1.779	0.164
	В рамках групп	12.599	48	0.262		
	Общее	14.000	51			
Гражданская идентичность	Между группами	1.195	3	0.398	1.954	0.134
	В рамках групп	9.786	48	0.204		
	Общее	10.981	51			

семейные причины (65.3%), желание применить свои способности на родине (28.8%), получение качественного образования (11.5%), построение карьеры (9.6%), материальные (3.84%), уникальность Армении как страны, кухня, атмосфера и безопасность (по 1.9% каждый). Среди основных причин уехать: материальные (34.6%), невозможность применения собственных способностей и потенциала в Армении (32.7%), построение карьеры (28.8%), получение качественного образования (28.8%), семейные (9.6%) и желание временно покинуть страну (3.8%).

Для проверки гипотезы 3 о том, что ощущения от проживания в Армении (позитивные, негативные, двойственные) и возможные перспективы дальнейшей жизни в Армении связаны с социально-демографическими данными (возраст, пол, уровень обучения, специальность, курс, место проживания) был проведен мультиноминальный регрессионный анализ. Построенная модель хорошо описывает данные (*Pearson* = 10.501, $p = 0.992$). Для построенной модели псевдо-R-квадрат Наделькеркеса составляет 0.722, в то время как псевдо-R-квадрат Кокса и Снелла — 0.579. Данные показатели говорят о том, что регрессионная модель описывает значительную часть вариации в зависимой выборке. Проведенный анализ выявил, что ощущения от проживания в Армении связаны с длительностью проживания ($p = 0.045$) и типом населенного пункта ($p = 0.028$), однако не было выявлено статистически достоверной силы данного влияния.

Построенная регрессионная модель для проверки того, является ли социокультурный контекст определяющим в оценивании возможных перспектив дальнейшего проживания в РА (варианты: да/нет/затрудняюсь ответить), была оценена низко с позиции описания данных (*Pearson* = 55.054,

$p < 0.001$). Для построенной модели псевдо-R-квадрат Наделькеркеса составляет 0.735, в то время как псевдо-R-квадрат Кокса и Снелла — 0.501. Данные показатели говорят о том, что регрессионная модель описывает значительную часть вариации в зависимой выборке. При проверке статистической значимости независимых переменных было выявлено, что переменная "курс" является статистически значимой ($p = 0.046$). Оценка параметров показала, что единственным значимым является коэффициент при негативном ответе студентов-первокурсников на вопрос о перспективах в Армении ($p < 0.001$). Таким образом, с наибольшей вероятностью студент младшего курса не связывает перспективы дальнейшего проживания с Арменией в отличие от студентов старших курсов. Гипотеза 3 может быть принята частично.

Гражданская идентичность, ощущения от проживания и возможные перспективы в Армении

Полученная низкая статистическая значимость регрессионной модели для проверки является индикатором ее низкой результативности ($p > 0.05$, R-квадрат Наделькеркеса = 0.077, псевдо-R-квадрат Кокса и Снелла = 0.040). При оценке параметров модели было выявлено отсутствие статистически достоверной связи уровня гражданской идентичности, ощущения от проживания в Армении ($p > 0.05$) и перспектив проживания в Армении ($p > 0.05$). Гипотеза 4 может быть отвергнута.

Аффективный компонент этнической идентичности и его содержания

Для проверки гипотезы 5 были выделены преобладающие типы этнической идентичности. У 80.7% выявлена позитивная этническая идентичность, у 13.4% — этнофанатизм, у 7.7% — этническая индифферентность, у 1.9% — этнонигилизм, у 1.9% — этноизоляционизм. У 5.6% было выявлено по два типа этнической идентичности.

Результаты исследования выраженности чувств, связанных с этнической идентичностью: 48.1% респондентов испытывают гиперпозитивные чувства (гордость), 36.5% — спокойную уверенность, 13.5% — никаких чувств и 1.9% — ущемленность и униженность.

Для построенной регрессионной модели связи чувства гордости с типом этнической идентичности псевдо-R-квадрат Наделькеркеса составляет 0.285, а как псевдо-R-квадрат Кокса и Снелла — 0.217. Согласно обоим критериям, построенная модель объясняет лишь малую часть дисперсии. Тест отношения правдоподобия выявил, что независимая переменная, объясняющая в модели зависимую переменную, не является статистически достоверной ($p = 0.709$). Следовательно, гипотеза 5 может быть отвергнута.

Для выявления содержания аффективного компонента этнической идентичности результаты авторской анкеты исследования исторического опыта были обработаны посредством контент-анализа ответов респондентов. По результатам ответа на вопрос данной анкеты: "Какие события в истории Вашего народа вызывают у Вас чувство гордости?" были выделены следующие основные события: 1. Принятие христианства (21.15%); 2. Правление Тиграна II (Великого) (Армения от моря до моря) (11.53%); 3. Создание письменности (5.76%); 4. Победа во Второй мировой и Великой Отечественной войне (в составе СССР) (5.76%); 5. Способность противостоять в апрельской войне (2016 г.) (5.76%); 6. Расцвет после геноцида армян 1915 г. (3.84%); 7. Победа в Карабахской войне (1.92%); 8. Провозглашение независимости Армении (1.92%); 9. Победа в Аварайрской битве (1.92%). На вопрос: "Какие события в истории своего народа у Вас вызывают чувство горечи и боли?" преобладающее большинство респондентов отметило геноцид армян 1915 г. (61.53%). Ответы на вопрос "Какие личности для Вас являются олицетворением Вашего народа?" были сгруппированы по результатам в 12 основных групп. Преобладающее большинство респондентов отметило среди личностей, олицетворяющих их народ, героев самообороны (59.57%), армянских царей (55.73%) и мыслителей (55.70%). Кроме того, в список вошли полководцы (30.64%), мифологические образы (19.20%), деятели церкви (13.45%), композиторы (13.45%), современные деятели (7.68%), актеры, ученые, художники и режиссеры (по 1.9%).

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Проведенное исследование было посвящено двум взаимосвязанным понятиям, которые, на наш взгляд, составляют базис самосознания личности: этническая и гражданская идентичность. Эти понятия не идентичны, но рядоположены. Этническая идентичность включена в содержание гражданской идентичности, а их взаимопроникновение, в свою очередь, приводит к процессам осознания этнических и гражданских ценностей и социальным проявлениям личности на уровне понимания и принятия, формированию гражданской позиции.

Осознание этнической идентичности, как и ее функционирование в целом, во многом

обусловлено социокультурными факторами [4; 9; 24; 34]. Теоретической гипотезой настоящего исследования было предположение о том, что различный социокультурный контекст, выраженный в продолжительности проживания в Армении, может быть связан с различиями в этнической идентичности. Результаты сравнительного исследования показали связь длительности проживания в Армении и выраженности этнической идентичности. Однако по уровню национализма, патриотизма, преобладающему типу этнической идентичности, уровню выраженности чувств, связанных с этнической принадлежностью, статистически значимых различий между группами выявлено не было.

Значимость продолжительности проживания в определенной этнической среде была подтверждена результатами предыдущих исследований, в рамках которых сопоставлялись особенности самопонимания этнической идентичности у представителей титульного этноса и сопряженной диаспоры Армении и России. Ядром самопонимания этнокультурной идентичности этнических армян диаспоры выступают этнокультурные традиции и ценностные ориентиры как способ сохранения этнокультурной самобытности народа [5]. Высокая выраженность этнической идентичности у армянской молодежи из сопряженной диаспоры может быть объяснена необходимостью сохранения культурного своеобразия и ценностей своей этнической группы.

Результаты других исследований показывают, что в титульном этносе гражданская и этническая идентичность связаны положительно и одна усиливает другую [15; 16; 20], при этом этническая идентичность представителей большого этноса обычно менее актуализирована, чем у меньшинства, и может длительное время оставаться в статусе диффузной [20; 32], а гражданская идентичность выражена сильнее [11]. В нашем же исследовании были получены данные о большей выраженности этнической идентичности у людей, живущих в статусе титульного этноса менее пяти лет, и не обнаружено связи гражданской идентичности с социокультурным контекстом.

Образовательная среда — это значимая сфера для рассмотрения программ реализации формирования гражданской идентичности, этнической и гражданской культуры. Эффективность работы преподавателя, который целенаправленно реализует комплексную программу, состоит в умении содействовать самостоятельному принятию решения при анализе этических дилемм в контексте гражданского поведения, личностного отношения к ценностям, проблемам и событиям, происходящим в жизни общества, значимого как для конкретного этноса, так и гражданского общества в целом. Этнокультурный подход к развитию гражданской идентичности позволит студентам лучше осознать собственную культуру, приобщиться к ценностям другой культуры, прививая им уважение, принятие другой культуры, толерантность, гражданскую позицию безотносительно от деления людей на своих и чужих.

ВЫВОДЫ

1. Для большинства респондентов — этнических армян — чувство принадлежности к своей национальности не связано с социокультурным контекстом, причем гиперпозитивные чувства по отношению к своей этнической идентичности сочетаются со средним уровнем гражданской идентичности. Чувство гордости в связи с принадлежностью к армянскому этносу оказалось не связанным с типом этнической идентичности и преобладало во всех группах респондентов.

2. Уровень выраженности этнической идентичности у армян, живущих в Армении менее 5 лет, значимо выше, чем у тех, кто живет в Армении дольше, при этом уровень гражданской идентичности достоверно не отличается между группами. Гражданская идентичность также не связана с ощущениями от проживания в Армении.

3. Студенты младших курсов более склонны не связывать свою дальнейшую жизнь с Арменией по сравнению со студентами старших курсов.

4. Ощущения от проживания в Армении, в большинстве случаев оцениваемые как двойственные, связаны с типом населенного пункта (город/село).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анкерсмит Ф.Р.* Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007.
2. *Арутюнова Е.М.* Формирование государственно-гражданской идентичности молодежи: Дисс. ... канд. социол. наук. М., 2007.
3. *Асмолов А.Г.* Социальные эффекты образовательной политики // Национальный психологический журнал. 2010. № 2. С. 100–106.
4. *Бакланов И.С., Душина Т.В., Микеева О.А.* Человек этнический: проблема этнической идентичности // Вопросы социальной теории. 2010. № 4. С. 396–408.

5. *Берберян А.С.*, *Берберян Э.С.* Этнопсихологические аспекты смысложизненных и ценностных ориентаций студенческой молодежи // Вопросы психологии. 2017. № 1. С. 103–115.
6. *Берберян А.С.*, *Тучина О.Р.* Исследование самопонимания этнокультурной идентичности в титульном армянском этносе и сопряженной армянской диаспоре в России // Российский психологический журнал. 2016. Т. 13. № 3. С. 178–196.
7. *Брушлинский А.В.* Психология субъекта. М.: Институт психологии РАН; СПб.: Алетейя, 2003.
8. *Григорян Л.К.* Патриотизм и национализм в России: механизмы влияния на экономическую самостоятельность // Культурно-историческая психология. 2013. № 3. С. 22–31.
9. *Гридина Т.А.*, *Коновалова Н.А.* Этническая самоидентификация в современном социокультурном контексте // Политическая лингвистика. 2016. № 6 (60). С. 45–50.
10. *Гришина Е.А.* Гражданская идентичность российской молодежи. Опыт мониторинговых исследований 90-х годов: Автореф. дисс. ... д-ра социол. наук. М., 1999.
11. *Дробижева Л.М.* Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости. Россия реформирующаяся. Ежегодник. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 214–228.
12. *Здравомыслов А.Г.* Этнополитические процессы и динамика национального самосознания россиян // Социологические исследования. 1996. № 12. С. 23–32.
13. *Иванова Н.Л.*, *Мазилова Г.Б.* Изменения этнической и гражданской идентичности в новых общественных условиях // Вопросы психологии. 2008. № 2. С. 83–93.
14. *Калустьянц Ж.С.* Диаспорное сознание в современном обществе // Вестник Ставропольского государственного университета. 2007. № 5. С. 288–294.
15. *Крысько В.Г.*, *Саракуев Э.А.* Введение в этнопсихологию: Учебное пособие для студентов высш. учебных заведений. М.: Академия, 2002.
16. *Лебедева Н.М.* Этническая и кросс-культурная психология. М.: МАКС Пресс, 2011.
17. *Рябикина З.И.* Субъектно-бытийный подход к изучению развивающих личность противоречий // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 2. С. 78–87.
18. *Солдатова Г.У.* Этническая идентичность // Психология самосознания: Хрестоматия. Самара: БАХРАХ-М, 2007.
19. *Стефаненко Т.Г.* Этническая идентичность: от этнологии к социальной психологии // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2009. № 2. С. 3–17.
20. *Стефаненко Т.Г.* Методы подготовки к межкультурному взаимодействию // Стефаненко Т.Г, Шлягина Е.И., Ениколопов С.Н. Методы этнопсихологического исследования. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. С. 55–78.
21. *Хотинец В.Ю.* Этническая идентичность и толерантность. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002.
22. *Шпет Г.Г.* Введение в этническую психологию. СПб.: П.Э.Т., Алетейя, 1996.
23. *Ajrouch K.J.* Place, age, and culture: Community living and ethnic identity among Lebanese American adolescents // Small Group Research. 2000. V. 31 (4). P. 447–469.
24. *Berry J.W.*, *Phinney J.S.*, *Sam D.L.*, *Vedder P.* Immigrant Youth: Acculturation, Identity, and Adaptation // Applied Psychology: An International Review. 2006. V. 55 (3). P. 303–332.
25. *Bisin A.*, *Patacchini E.*, *Verdier T.*, *Zenou Y.* Ethnic Identity and Labor-Market Outcomes of Immigrants in Europe // Economic Policy. 2011. V. 26 (65). P. 57–92.
26. *Erikson E.*H. Identity: Youth and crisis. N.Y.: Norton, 1968.
27. *Erikson E.H.* Psychosocial Identity // A way of Looking at Things. Selected Papers / Ed. S. Schlein. N.Y.: W.W. Norton & Co., 1987.
28. *Fuller-Rowell T.E.*, *Ong A.D.*, *Phinney J*.S. National identity and perceived discrimination predict changes in ethnic identity commitment: Evidence from a longitudinal study of Latino college students // Applied Psychology: An International Review. 2013. V. 62 (3). P. 406–426.
29. *Gong L.* Ethnic identity and identification with the majority group: Relations with national identity and self-esteem // International Journal of Intercultural Relations. 2007. V. 31 (4). P. 503–523.
30. *Masella P.* National identity and ethnic diversity // Journal of Population Economics. 2013. V. 26 (2). P. 437–454.
31. *Marcia J.E.*, *Friedman M.L.* Ego identity status in college women // Journal of Personality. 1970. V. 38 (2). P. 249–268.
32. *Phinney J.S.*, *Baldelomar O.A.* Identity development in multiple cultural contexts // Bridging Cultural and Developmental Approaches to Psychology: New Syntheses in Theory, Research, and Policy / Ed. L.A. Jensen. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 161–185.
33. *Phinney J.S.* Ethnic identity in adolescents and adults: Review of research // Psychological Bulletin. 1990. V. 108 (3). P. 499–514.
34. *Quintana S.M.* Racial and Ethnic Identity: Developmental Perspectives and Research // Journal of Counseling Psychology. 2007. V. 54 (3). P. 259–270.
35. *Tajfel H.* Social identity and intergroup relations. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.

RATIO OF ETHNIC AND CIVIL IDENTITY IN ARMENIAN YOUTH WITH DIFFERENT LENGTH OF STAYING IN ARMENIA[2]

A. S. Berberyan[1,*], H. S. Berberyan[2,], O. R. Tuchina[3,***]**

[1] *Russian-Armenian University;*
0051, Republic of Armenia, Yerevan, Ovsepa Emina str., 123.
[2] *Institute of artificial intelligence and cognitive engineering, University of Groningen;*
9700, Netherlands, Groningen.
[3] *Kuban State Technological University;*
350072, Krasnodar, Moskovskaya str., 2, Russia.
** ScD (psychology), professor, head of the department of psychology.*
E-mail: aspsy@inbox.ru
*** PhD. Student. E-mail: hermpsy@mail.ru*
**** ScD (psychology), professor, head of the department of history and philosophy.*
E-mail: tuchena@yandex.ru

Received 11.09.2017

Abstract. The aim of this work is the study of ethnic and civic identity of Armenian students in different socio-cultural context. The main hypothesis: the features of the ethnic identity in Armenian youth are different in different socio-cultural context. The study was conducted using the methods to identify the characteristics of ethnic and civil identity, analyze the historical experience and collect social and demographic data. We found that a different socio-cultural context determines the level of ethnic identity expression. Thus, for ethnic Armenians living in Armenia less than 5 years, the feeling of being a representative of Armenian nationality was significantly higher than that of Armenians living in Armenia for a longer time.

Key words: ethnic identity, civil identity, student youth, historical experience, socio-cultural environment.

REFERENCES

1. *Ankersmit F.R.* Vozvyshennyj istoricheskij opyt. Moscow: Evropa, 2007. (in Russian)
2. *Arutjunova E.M.* Formirovanie gosudarstvenno-grazhdanskoj identichnosti molodezhi: Diss. ... kand. sociol. nauk. Moscow, 2007. (in Russian)
3. *Asmolov A.G.* Social'nye jeffekty obrazovatel'noj politiki // Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal. 2010. № 2. P. 100–106. (in Russian)
4. *Baklanov I.S., Dushina T.V., Mikeeva O.A.* Chelovek jetnicheskij: problema jetnicheskoj identichnosti // Voprosy social'noj teorii. 2010. № 4. P. 396–408. (in Russian)
5. *Berberjan A.S., Berberjan Je.S.* Jetnopsihologicheskie aspekty smyslozhiznennyh i cennostnyh orientacij studencheskoj molodezhi // Voprosy psihologii. 2017. № 1. P. 103–115. (in Russian)
6. *Berberjan A.S., Tuchina O.R.* Issledovanie samoponimanija jetnokul'turnoj identichnosti v titul'nom armjanskom jetnose i soprjazhennoj armjanskoj diaspore v Rossii // Rossijskij psihologicheskij zhurnal. 2016. V. 13. № 3. P. 178–196. (in Russian)
7. *Brushlinskij A.V.* Psihologija sub#ekta. Moscow: Institut psihologii RAN; Saint Petersburg: Aletejja, 2003. (in Russian)
8. *Grigorjan L.K.* Patriotizm i nacionalizm v Rossii: mehanizmy vlijanija na jekonomicheskuju samostojatel'nost' // Kul'turno-istoricheskaja psihologija. 2013. № 3. P. 22–31. (in Russian)
9. *Gridina T.A., Konovalova N.A.* Jetnicheskaja samoidentifikacija v sovremennom sociokul'turnom kontekste // Politicheskaja lingvistika. 2016. № 6 (60). P. 45–50. (in Russian)
10. *Grishina E.A.* Grazhdanskaja identichnost' rossijskoj molodezhi. Opyt monitoringovyh issledovanij 90-h godov: Avtoreferat diss. ... dokt. sociol. nauk. Moscow, 1999. (in Russian)
11. *Drobizheva L.M.* Nacional'no-grazhdanskaja i jetnicheskaja identichnost': problemy pozitivnoj sovmestimosti. Rossija reformirujushhajasja. Ezhegodnik. Moscow: Institut sociologii RAN, 2008. P. 214–228. (in Russian)
12. *Zdravomyslov A.G.* Jetnopoliticheskie processy i dinamika nacional'nogo samosoznanija rossijan // Sociologicheskie issledovanija. 1996. № 12. P. 23–32. (in Russian)

[2] This work was supported by State Committee of Science of the Ministry of Education and Science in Republic Armenia (project "Psychological aspect of national identity self-understanding development in the context of historical experience on the post-soviet area (study of Russian and Armenian youth)").

13. *Ivanova N.L.*, *Mazilova G.B.* Izmenenija jetnicheskoj i grazhdanskoj identichnosti v novyh obshhestvennyh uslovijah // Voprosy psihologii. 2008. № 2. P. 83–93. (in Russian)

14. *Kalust'janc Zh.S.* Diaspornoe soznanie v sovremennom obshhestve // Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo yniversiteta. 2007. № 5. P. 288–294. (in Russian)

15. *Krys'ko V.G.*, *Sarakuev Je.*A. Vvedenie v jetnopsihologiju. Uchebnoe posobie dlja studentov vyssh. uchebnyh zavedenij. Moscow: Akademija, 2002. (in Russian)

16. *Lebedeva N.M.* Jetnicheskaja i kross-kul'turnaja psihologija. Moscow: MAKS Press, 2011.

17. *Rjabikina Z.I.* Sub''ektno-bytijnyj podhod k izucheniju razvivajushhih lichnost' protivorechij // Psikhologicheskii zhurnal. 2008. V. 29. № 2. P. 78–87. (in Russian)

18. *Soldatova G.U.* Jetnicheskaja identichnost' // Psihologija samosoznanija. Hrestomatija. Samara: BAHRAH-M, 2007. (in Russian)

19. *Stefanenko T.G.* Jetnicheskaja identichnost': ot jetnologii k social'noj psihologii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 14: Psihologija. 2009. № 2. P. 3–17. (in Russian)

20. *Stefanenko T.G.* Metody podgotovki k mezhkul'turnomu vzaimodejstviju // Stefanenko T.G, Shljagina E.I., Enikolopov S.N. Metody jetnopsihologicheskogo issledovanija. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1993. P. 55–78. (in Russian)

21. *Hotinec V.Ju.* Jetnicheskaja identichnost' i tolerantnost'. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2002. (in Russian)

22. *Shpet G.G.* Vvedenie v jetnicheskuju psihologiju. Saint Petersburg: P. Je.T., Aletejja, 1996. (in Russian)

23. *Ajrouch K.J.* Place, age, and culture: Community living and ethnic identity among Lebanese American adolescents // Small Group Research. 2000. V. 31 (4). P. 447–469.

24. *Berry J.W.*, *Phinney J.S.*, *Sam D.L.*, *Vedder P.* Immigrant Youth: Acculturation, Identity, and Adaptation // Applied Psychology: An International Review. 2006. V. 55 (3). P. 303–332.

25. *Bisin A.*, *Patacchini E.*, *Verdier T.*, *Zenou Y.* Ethnic Identity and Labor-Market Outcomes of Immigrants in Europe // Economic Policy. 2011. V. 26 (65). P. 57–92.

26. *Erikson E.*H. Identity: Youth and crisis. N.Y.: Norton, 1968.

27. *Erikson E.H.* Psychosocial Identity // A way of Looking at Things. Selected Papers / Ed. S. Schlein. N.Y.: W.W. Norton & Co., 1987.

28. *Fuller-Rowell T.E.*, *Ong A.D.*, *Phinney J.S.* National identity and perceived discrimination predict changes in ethnic identity commitment: Evidence from a longitudinal study of Latino college students // Applied Psychology: An International Review. 2013. V. 62 (3). P. 406–426.

29. *Gong L.* Ethnic identity and identification with the majority group: Relations with national identity and self-esteem // International Journal of Intercultural Relations. 2007. V. 31 (4). P. 503–523.

30. *Masella P.* National identity and ethnic diversity // Journal of Population Economics. 2013. V. 26 (2). P. 437–454.

31. *Marcia J.E.*, *Friedman M.L.* Ego identity status in college women // Journal of Personality. 1970. V. 38 (2). P. 249–268.

32. *Phinney J.S.*, *Baldelomar O.A.* Identity development in multiple cultural contexts // Bridging Cultural and Developmental Approaches to Psychology: New Syntheses in Theory, Research, and Policy / Ed. L.A. Jensen. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 161–185.

33. *Phinney J.S.* Ethnic identity in adolescents and adults: Review of research // Psychological Bulletin. 1990. V. 108 (3). P. 499–514.

34. *Quintana S.M.* Racial and Ethnic Identity: Developmental Perspectives and Research // Journal of Counseling Psychology. 2007. V. 54 (3). P. 259–270.

35. *Tajfel H.* Social identity and intergroup relations. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Пункты демографической анкеты

Пункты 1–10 посвящены социально-демографическим характеристикам респондентов.

11. Какие у Вас ощущения от проживания в Армении? (нужное подчеркнуть):

а) положительные;

б) отрицательные;

в) двойственные.

12. Связываете ли Вы свое будущее с Арменией? (нужное подчеркнуть):

а) да;

б) нет;

в) затрудняюсь ответить.

13. Отметьте причины, по которым Вы предпочитаете остаться в Армении? (возможно несколько вариантов, не заполняется при отрицательном ответе на вопрос 12): а) получение качественного образования; б) личные, построение карьеры; в) семейные, создание семьи, возможность быть рядом с родными; г) материальные; д) быть полезным

своей стране, применение своих способностей в родной стране; е) другое (уточните причину в случае выбора данного варианта).

14. Укажите причины, по которым Вы предпочитаете в будущем покинуть Армению? (возможно несколько вариантов, не заполняется при положительном ответе на вопрос 12): а) получение качественного образования; б) личные, построение карьеры; в) семейные, создание семьи, возможность быть рядом с родными; г) материальные; д) невозможность применения собственных возможностей и потенциала в Армении; е) другое (уточните причину в случае выбора данного варианта).

Анкета исследования исторического опыта

1. Какие события в истории своего народа Вы считаете наиболее значимыми? (Если история Вашего народа не совпадает с историей страны, то укажите и то, и другое).

2. Из каких источников Вы узнаете об исторических событиях своего народа? Отметьте один либо несколько источников и оцените степень доверия к ним по 5-балльной шкале, где 5 — очень сильно; 4 — сильно; 3 — иногда сильно, а иногда нет; 2 — слабо; 1 — не испытываю это чувство.

Источники	Баллы
Изучал(а) в школе, вузе	
Из рассказов родственников	
Из семейных архивов	
Из кинофильмов, сериалов	
Из художественной литературы	
Из средств массовой информации (телевидение, интернет, пресса, радио)	
Из посещения музеев, памятных мест	
Другое (напишите)	

3. Какие события в истории своего народа вызывает у Вас чувство гордости? Чем Вы гордитесь, вспоминая эти события? Оцените, насколько сильно это чувство по 5-балльной шкале, где 5 — очень сильно; 4 — сильно; 3 — иногда сильно, а иногда нет; 2 — слабо; 1 — не испытываю это чувство.

4. Какие события в истории своего народа вызывают у Вас чувство вины и стыда? Оцените, насколько сильно это чувство по 5-балльной шкале, где 5 — очень сильно; 4 — сильно; 3 — иногда сильно, а иногда нет; 2 — слабо; 1 — не испытываю это чувство.

5. Какие события в истории своего народа вызывают у Вас чувство горечи и боли? Оцените, насколько сильно это чувство по 5-балльной шкале, где 5 — очень сильно; 4 — сильно; 3 — иногда сильно, а иногда нет; 2 — слабо; 1 — не испытываю это чувство.

6. Ход каких исторических событий Вам хотелось бы изменить?

7. Какие исторические личности для Вас являются олицетворением вашего народа?

8. Какие национальные мифологические образы, литературные или киногерои являются для Вас олицетворением Вашего народа?

9. Интересовались ли Вы историей своей семьи, происхождением своей фамилии?

а) да;

б) нет;

в) затрудняюсь ответить.

10. Знаете ли Вы биографию своих предков, их участие в исторических событиях? До какого колена?

а) да — число поколений;

б) нет;

в) затрудняюсь ответить.

ВЛИЯНИЕ СИРИЙСКОГО КОНФЛИКТА НА АРМЯНСКУЮ ОБЩИНУ СИРИИ

© 2019 А. ПЕТРОСЯН

DOI:10.31857/S032150750007661-9

В статье рассматривается положение армянской общины Сирии до начала конфликта в 2011 г., а также выявляются его основные последствия для жизни общины. Несмотря на то, что в условиях войны большая часть сирийских армян была вынуждена покинуть страну, а оставшиеся в Сирии армяне жили в тяжелейших условиях, все же благодаря действиям самой общины, а также помощи армянских организаций, на сегодняшний день ей удалось сохранить свои структурно-организационные основы, которые продолжали функционировать даже в период конфликта.
Ключевые слова: армянская община Сирии, сирийский конфликт, проблема восстановления, сирийские армяне

THE CONSEQUENCES OF THE SYRIAN CONFLICT FOR THE ARMENIAN COMMUNITY OF SYRIA

Aida G. PETROSYAN, Post-graduate student, Lomonosov Moscow State University (aidapetrosyan@gmail.com)

The article discusses the main consequences of the Syrian conflict for the Armenian community of Syria. Major attention is paid to studying some of the specific characteristics of the community as well as examining different data sources regarding the Armenian population in Syria both before and after the outbreak of the conflict.

Before the war the Armenian community in Syria had been one of the biggest ethno-confessional communities in the Middle East with its history going back many centuries. The main centres of the Armenian community had been Aleppo (with largest Armenian population), Damascus, Latakia, Kesab, Qamishli and some other.

Being integrated in the socio-economic life of Syria the Armenian community has been affected by the consequences of the war in many ways. First, the Syrian Armenians have faced economic hardships, a lot of them have had their houses and trades destroyed. Moreover, due to the direct threat posed by the conflict, many of them have chosen to leave Syria seeking for refuge in other countries, primarily in Armenia as well as the countries with large Armenian communities, thus leading to a decrease in the number of Armenians living in Syria.

It is highlighted that the community has a developed organizational structure which includes the following communal institutions: the Armenian church, Armenian national schools, parties, cultural, youth and sport centres, charitable organizations. They have always served as a basis for the preservation of Armenian identity and culture. Following the outbreak of the conflict in Syria they have also helped the community to survive it.

Despite that, due to the decrease in the number of the Armenian community members and all the damage to the Armenian communal organizations caused by the war, the process of its recovery will be very difficult and effort consuming.
Keywords: the Armenian community of Syria, the Syrian conflict, the recovery issue, the Syrian Armenians

История существования армянской общины Сирии, являвшейся до начала сирийского конфликта одной из самых больших по численности армянских общин на Ближнем Востоке, насчитывает много веков.

Современная община сирийских армян имеет развитую организационную структуру, которая включает армянские церкви*, школы, партии, культурные, спортивные, молодежные и благотворительные организации. Их деятельность всегда способствовала не только организации общинной жизни, но и сохранению армянской культурной и религиозной идентичности.

С другой стороны, армянская община также интегрирована в социальном и экономическом отношении в жизнь сирийского общества. Сирийские армяне внесли весомый вклад в экономическое развитие страны.

Но вследствие начавшегося в 2011 г. конфликта в Сирии появилась угроза существованию общины, численность которой уже за первые его годы значительным образом сократилась, посколь-

ПЕТРОСЯН Аида Гагиковна, аспирантка МГУ им. М.В.Ломоносова. РФ, 119991, Москва, Ленинские горы, 1 (aidapetrosyan05@gmail.com)

* В Сирии действуют 3 армянские церкви: Армянская апостольская церковь, которой принадлежит большинство сирийских армян, Армянская католическая церковь и Армянская протестантская (евангелическая) церковь (*прим. авт.*).

ку многие сирийские армяне, исходя из соображений безопасности, уехали из страны.

АРМЯНСКАЯ ОБЩИНА СИРИИ ДО СИРИЙСКОГО КОНФЛИКТА

Современная армянская община Сирии была сформирована в начале прошлого века, когда в 1915 - первые годы 1920-х гг. на ее территории ввиду географической близости нашли убежище десятки тысяч спасшихся от геноцида армян.

Однако стоит при этом отметить, что и до этого на протяжении многих веков в Сирии уже существовала община армян. Согласно различным источникам, ее численность составляла от 25 тыс. до 44 тыс. человек [1, p. 39].

Присутствие «старой» армянской общины стало одним из факторов, способствовавших адаптации армянских беженцев в новой среде, после чего они стали активно участвовать уже в качестве граждан Сирии* в социально-экономической и политической жизни страны.

До начала сирийского конфликта армяне проживали преимущественно в Алеппо, являющемся главным центром армянской общины Сирии. Значительное число армян проживало в столице Сирии Дамаске, а также Кесабе, Камышлы, Латакии, Хомсе, Дейр-эз-Зоре, Хасаке, Якубии, Ракке.

Численность армянской общины Сирии в зависимости от различных обстоятельств, в т.ч. и политического характера, менялась на протяжении всего XX в.

Так, если в 1918 г. она достигала 142 тыс. [2, p. 512], то уже в 1923-1924 гг. она составляла чуть более 95 тыс. [3, p. 169].

Это объясняется тем, что для многих армянских беженцев Сирия была в определенном отношении транзитной страной, откуда они в дальнейшем уезжали преимущественно в страны Западной Европы, США, Канаду [4, p. 10].

Некоторые сирийские армяне в рамках репатриации отправлялись и в Советскую Армению. Только в 1946-1947 гг. из Сирии и Ливана в Армению уехали более 32 тыс. армян [5, p. 241]. В период с 1962 по 1967 гг. число репатриантов из Сирии составило более 4600 человек [6, p. 142].

Но в целом, несмотря на довольно значимые изменения в численности армянской общины Сирии, она к началу XXI в. по-прежнему оставалась довольно большой.

В начале 2000-х гг. она составляла примерно 65-70 тыс. человек: в Алеппо проживали более 50 тыс. армян, Дамаске - 5 тыс., Латакии - 1600, Кесабе - 1500, Камышлы - 12 тыс. Также определенное число армянских семей проживало в Дейр-эз-Зоре, Дерике, Ракке, Тель-Абьяде, Хасаке, Якубии [2, pp. 515-520].

Что касается данных о численности армянской общины непосредственно перед началом войны в Сирии, то стоит отметить, что они различаются в зависимости от источника. Так, согласно некоторым источникам, в 2011 г. она достигала 100 тыс. человек; но приводятся и другие цифры - от 50 тыс. до 80 тыс. человек [7, p. 13].

В целом все же можно сказать, что до сирийского конфликта численность армянской общины составляла около 70-80 тыс. человек.

Однако уже за первые его годы община сирийских армян в значительной степени уменьшилась в численном отношении, что, несомненно, стало восприниматься как угроза ее существованию.

СИРИЙСКИЕ АРМЯНЕ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СИРИИ

Для сирийских армян последствия начавшейся войны заключались не только в численном уменьшении армянской общины, но и в нанесенном ей огромном материальном уроне. Возникшие экономические трудности существенным образом отразились как на положении армян, которые оставались в Сирии в период конфликта, так и тех, кто был вынужден покинуть страну.

Дело в том, что армяне всегда играли значимую роль в процессе экономического развития Сирийского государства. Особенно это касается города Алеппо, в котором была сконцентрирована наибольшая часть армянского населения Сирии, проживавшая в его «армянских» кварталах: Нор Гюх, Азизие, Сулеймание.

Уже в 1920-е гг., решив стоявшие на этапе формирования армянской общины задачи, а также создав структурно-организационные основы ее функционирования, сирийские армяне стали постепенно интегрироваться в социально-экономическую жизнь сирийского общества.

На первых порах армяне в Сирии занимались преимущественно ремеслами и мелкой торговлей. Но по мере накопления капитала многие из них смогли открыть собственные мастерские, предприятия, маленькие магазины и рестораны.

В 1930-е гг. сирийским армянам удалось постепенно добиться экономической самодостаточности, что в дальнейшем естественным образом создало условия для их активного участия в развитии общины [8, p. 177], а также в жизни всего сирийского общества.

Именно в 1930-е гг. сирийскими армянами были основаны различные предприятия и фабрики (в первую очередь в Алеппо) по производству шелка, ковров, изделий из кожи, а также специального оборудования. После провозглашения независимости Сирии армяне развернули еще более активную экономическую деятельность. Так, в начале 1960-х гг. в торговой палате Алеппо было зарегистрировано 34 принадлежавших армянам

* Согласно принятому в 1924 г. закону, проживавшие на территории Сирии армяне могли путем натурализации получить сирийское гражданство (*прим. авт.*).

промышленных предприятия* [2, pp. 512-513]. Кроме того, по состоянию на тот же период в «Экономическом ежегоднике по торговле в Алеппо» было зарегистрировано 25 армянских фирм, работавших в сфере транспорта, строительства, коммунальных услуг. [2, p. 515].

Таким образом, армяне отличались активной деятельностью в самых различных отраслях сирийской экономики и сыграли немалую роль в развитии Сирийского государства, а в особенности Алеппо.

В целом по состоянию на начало XXI в. среди сирийских армян по-прежнему преобладала доля людей, занимающихся ремеслами: ювелирным делом, изготовлением часов, производством ковров и шелка, автомеханикой. Многие из них из поколения в поколение продолжали семейное дело, занимаясь тем или иным ремеслом. В населенных армянами сирийских городах до начала конфликта в стране действовало большое количество автомастерских, ресторанов, предприятий, фабрик, а также магазинов, в которых в основном продавались изготавливаемые в собственных мастерских изделия. Кроме того, среди сирийских армян также достаточно велика доля врачей, юристов, учителей, а также представителей других профессий.

Согласно мнению некоторых исследователей, как в экономической, так и в других сферах, армяне старались оградить себя от сирийского общества путем создания некоего «армянского мира» [10].

Однако необходимо подчеркнуть, что все усилия армянской общины всегда были направлены исключительно на противодействие ассимиляции и сохранение культурной и религиозной идентичности посредством изучения армянского языка и истории, участия в деятельности армянских культурных, спортивных союзов и, конечно, посещения армянских церквей.

А что касается социально-экономической сферы, то сирийские армяне были в полной мере интегрированы в жизнь сирийского общества, а их экономическая деятельность не ограничивалась исключительно рамками общины.

Более того, важно заметить, что, хотя армянская община старалась не вмешиваться в политические вопросы и не выступать в качестве отдельного политического субъекта, все же сирийские армяне почти всегда имели представительство в органах власти.

В некоторых городах Сирии община армян была представлена в органах местного управления: в городских и районных советах [7, p. 28].

Кроме того, при мандатном режиме, а потом, начиная с 1973 г. (за исключением периода с 1990 по 1992 гг.), армянская община имела одного или двух представителей в сирийском парламенте [7, pp. 25-29].

Однако с началом конфликта в стране, с одной стороны, сирийские армяне столкнулись с необходимостью обеспечения собственной безопасности в условиях вооруженного конфликта, а также опасности распространения исламского радикализма, а с другой стороны, общине был нанесен огромный материальный урон: были разрушены дома, мастерские, заводы, школы и церкви.

В результате вполне естественные соображения безопасности, а также многочисленные экономические трудности заставили большую часть сирийских армян покинуть Сирию и искать убежище в других странах.

АРМЯНСКАЯ ОБЩИНА ПОСЛЕ НАЧАЛА СИРИЙСКОГО КОНФЛИКТА

По состоянию на 2017 г., согласно данным, предоставленным Берийской епархией Армянской апостольской церкви, в Алеппо оставалось около 20 тыс. армян, в Дамаске - 3 тыс., в Латакии, а также в Кесабе - от 3 до 3,5 тыс., в Камышлы - 3 тыс. и около 3 тыс. в других городах [11]. Согласно другим источникам, во всей Сирии оставалось всего 20-25 тыс. армян, а в Алеппо - около 8-10 тыс. [12].

За годы войны определенная часть армян Алеппо перебралась в более безопасные районы Сирии: Тартус, Латакию, - став внутренними переселенцами (некоторые из них позже вернулись в Алеппо) [13].

Но, тем не менее, спасаясь от последствий конфликта, многие сирийские армяне были вынуждены покинуть Сирию. При этом в основном выбор новой страны пребывания они останавливали на Республике Армения, а также странах, в которых уже на протяжении многих лет существуют крупные армянские общины. Необходимо отметить, что некоторые из них, уезжая из Сирии, намеревались в ближайшее время туда вернуться, т.к. надеялись на скорое окончание военных действий.

Согласно данным Министерства диаспоры Республики Армения, в период с начала сирийского конфликта до середины 2015 г. примерно 22 тыс. армян из Сирии прибыли в Армению [14].

Ереванский офис представителя Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев представил следующие данные, согласно которым по состоянию на конец 2018 г. в Армении в статусе беженца или лица, ищущего убежища, а также в статусе, близком к статусу беженцев *(people in refugee-like situation)*, находились 14709 человек, приехавших из Сирии** [15].

---

* После создания в 1958 г. Объединенной Арабской Республики (ОАР) в результате проводившейся в промышленной, банковской и других сферах экономики национализации сирийские армяне понесли серьезные потери. Однако уже после выхода Сирии из ОАР в 1961 г. (и фактического распада последней) им удалось восстановить свое положение [9, p. 132].

** Эти данные включают, помимо сирийских армян, также довольно небольшое число беженцев из Сирии, не имеющих армянского происхождения (*прим. авт.*).

В целом, важно понимать, что среди прибывших в Армению сирийских армян за получением статуса беженца обращались лишь немногие. Так, в 2013 г. было зарегистрировано всего около 700-800 человек в статусе беженца или лица, ищущего убежища [16, p. 9], а в 2017 г. число людей, получивших статус беженца в Армении, составляло 1118 [17, p.10].

К категории людей в статусе, близком к статусу беженцев, Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев были отнесены люди, которые по прибытии в Армению не стали получать официального статуса беженца, а предпочли обратиться за получением гражданства, либо разрешения на временное проживание [20].

Необходимо отметить, что благодаря упрощенной процедуре получения гражданства большинство прибывших в Армению сирийских армян - около 15 тыс. человек - стали гражданами Армении (сохраняя при этом сирийское гражданство) [18]. Кроме того, некоторые сирийские армяне уже до прибытия имели гражданство Армении.

При этом Республика Армения является не единственным государством, куда направлялись сирийские армяне. Так, около 10-15 тыс. армян из Сирии уехали в Ливан [19; 20], около 2 тыс. - в Иорданию и примерно 8 тыс. - в США, Канаду, страны ЕС [20]. По некоторым данным, только в Канаду, по состоянию на 2016 г., прибыло около 5 тыс. армян из Сирии [21].

Для многих сирийских армян Армения стала своего рода транзитным государством, т.к. оттуда они затем отправлялись в другие страны. Так, если в целом за период конфликта в Сирии в Армению уехало около 22-24 тыс. сирийских армян (согласно некоторым оценкам, их число составляет почти 30 тыс.), то примерно 10 тыс. из них затем переехали в другие страны - в основном в США и Канаду [13].

Стоит отметить, что выбор наряду с Арменией в пользу других вышеперечисленных стран обусловлен во многом наличием в них больших армянских общин, что, безусловно, в определенной степени способствует преодолению возникающих на первых порах проблем с интеграцией в новой среде.

В целом, сегодня довольно сложно говорить о каких-либо конкретных цифрах относительно уехавших из Сирии армян. К тому же пока неизвестно точное число людей, которые планируют вернуться (или уже вернулись) в Сирию, а также и тех, кто предпочтет остаться в новых странах пребывания.

ПЕРСПЕКТИВЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ АРМЯНСКОЙ ОБЩИНЫ СИРИИ

Будущее восстановление общины связано с двумя основными вопросами: во-первых, с ее численным восстановлением, во-вторых - с восстановлением разрушенных за годы войны домов, зданий школ, мастерских, фабрик, церквей, а также возобновлением функционирования всех общинных организаций и структур.

Что касается первого аспекта, важно понимать, что пока нельзя установить, сколько сирийских армян вернется в Сирию, пополнив тем самым армянскую общину.

В вопросе восстановления отдельных объектов и зданий, в целом, уже достигнуты определенные успехи. Важным событием, которое имело также и символическое значение, стало восстановление разрушенной террористами в 2015 г. армянской церкви в Алеппо, что было сделано благодаря финансовой помощи со стороны представителей армянской общины Сирии [22].

Следует подчеркнуть, что даже в условиях конфликта многие армянские учреждения и организации в Сирии продолжали функционирование. Более того, оставшимися в Алеппо армянами была организована самооборона армянских кварталов, благодаря чему удалось в определенной степени обеспечить безопасность общины, а также защитить армянские дома и общинные учреждения [23].

Активную деятельность развернули армянские благотворительные организации и фонды, которые оказывали и продолжают оказывать помощь как сирийским армянам в новых странах пребывания, так и тем, кто остался в Сирии.

Так, например, за период с 2012 по 2016 гг. усилиями Армянского всеобщего благотворительного союза было собрано $3,2 млн для помощи сирийским армянам в Сирии и за ее пределами [24].

За 2013 г. Фонд Галуста Гюльбенкяна предоставил финансовую помощь в размере $830 тыс., которая была в основном направлена в Алеппо, армянская община которого в наибольшей степени пострадала в результате вооруженного конфликта [25].

В 2016 г. Фондом «Инициативы для развития Армении» были собраны средства в размере $250 тыс., которые также были нацелены на предоставление помощи сирийским армянам, пострадавшим за годы конфликта [26].

К тому же и сами сирийские армяне уже на территории Армении стали создавать различные организации и объединения, основной целью которых является содействие в решении возникающих вопросов при интеграции соотечественников из Сирии.

Большая роль в оказании помощи сирийским армянам принадлежит также и генеральному консульству Республики Армения в Алеппо, которое является единственным иностранным дипломатическим представительством в этом городе, которое не закрывалось в период всего конфликта.

На сегодняшний день многие армянские общинные структуры в Сирии также продолжают относительно нормальное функционирование, что, безусловно, положительным образом отразится на процессе дальнейшего восстановления общины.

* * *

Таким образом, вследствие начала конфликта в Сирии появилась весьма серьезная угроза существованию армянской общины в этой стране. Руководствуясь соображениями безопасности, многие армяне покинули Сирию, уехав в основном в Республику Армения, а также в государства, в которых существуют большие армянские общины, что привело к значительному уменьшению общины сирийских армян.

Оставшиеся же в Сирии армяне столкнулись с проблемой обеспечения собственной защиты, а также многочисленными экономическими трудностями. Необходимо понимать, что сейчас они живут в далеко не безопасных условиях, если учитывать происходящие до сих пор периодические обстрелы и взрывы в отдельных сирийских городах.

Несмотря на все это, благодаря активной работе и помощи армянских организаций, а также вкладу самих сирийских армян, можно говорить о сохранении армянской общины Сирии и возможности ее дальнейшего восстановления - процесс, который, однако, будет, несомненно, сопровождаться огромными трудностями.

Список литературы / References

1. Greenshields T.H. 1978. The settlement of Armenian refugees in Syria and Lebanon, 1915-1939. Durham, 395 p.
2. The Armenian diaspora. Ed. by O.M. Ayvazyan. 2003. Yerevan, 732 p. (In Arm.)
3. Topuzyan H.H. 1986. The history of the Armenian colonies in Syria and Lebanon (1841-1946). Yerevan, The Institute of Oriental Studies of the Armenian National Academy of Sciences. 372 p. (In Arm.)
4. Melkonyan E.L. 2003. The Armenian diaspora. Ed. by O.M. Ayvazyan. Yerevan, 732 p. (In Arm.)
5. Meliksetyan H.U. 1985. Armenia-Diaspora relations and repatriation (1920-1980). Yerevan, 265 p. (In Arm.)
6. Armenia-Diaspora relations and repatriation: from 1918 to present day. Ed. by E.Minasyan. 2017. Yerevan, 244 p. (In Arm.)
7. Pashayan A.A., Harutyunyan L.M. 2011. The Armenian community of Syria. Actual issues. Yerevan, 154 p. (In Arm.)
8. Dallakyan K.L. 2004. The history of the Armenian diaspora. Yerevan, 288 p. (In Arm.)
9. Fishenkjian A.A. 2018. The history of the Armenian community in Syria (1946 - 1970). Yerevan, 344 p. (In Arm.)
10. Migliorino N. 2006. ‘Kulna Suriyyin’? The Armenian community and the State in contemporary Syria // Revue du monde musulman et de la Méditerranée - https://journals.openedition.org/remmm/3020 (accessed 18.07.2019)
11. Nearly 20,000 Armenians Still Live in Aleppo // Lragir.am. 14.02.2017 - https://www.lragir.am/en/2017/02/14/36800 (accessed 18.07.2019)
12. Hovyan V. 2018. The Armenian community of Syria in the post-war period // Globus. № 6 (95), pp. 36-42 (In Arm.)
13. Армяне Алеппо возвращаются к мирной жизни: посол Армении рассказал о ситуации в Сирии. (The Armenians of Aleppo are back to peaceful life. The Ambassador of Armenia has told about the situation in Syria) // Armenia Sputnik. 11.03.2019 (In Russ.) - https://m.ru.armeniasputnik.am/exclusive/20190311/17646565/armyane-aleppo-vozvrashchayutsya-mirnoj-zhizni-posol-armenii-rasskazal-situacii-sirii.html?mobile_return=no (accessed 11.07.2019)
14. Study on migration related considerations of displaced Syrian population. 2015 // UNCHR Armenia - http://www.un.am/up/library/Study_migration_syrians-2015.pdf (accessed 11.07.2019)
15. United Nations High Commissioner for Refugees. 2018 // UNCHR Armenia - https://un.am/en/agency/UNHCR (accessed 15.07.2019)
16. Syrian-Armenians in Armenia: problems and prospects. Policy brief // Open Society Foundation Armenia - https://www.osf.am/wp-content/uploads/2017/11/Syrian-Armenians-in-Armenia.-Repatriates-or-Refugees-policy-brief.pdf
17. 2017-2021 Strategy for migration policy of the Republic of Armenia. 2017 - http://eapmigrationpanel.org/sites/default/files/migration_strategy_2017-2021_english.pdf (accessed 19.07.2019)
18. EU Regional Trust Fund in Response to the Syrian Crisis, the ‘Madad Fund’ Action Document. 2018 // EU Regional Trust Fund in Response to the Syrian Crisis - https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/eutf_madad_action_document_armenia-v2.pdf (accessed 15.07.2019)
19. Keshishian V. Between Anticipation and Misery: The Syrian-Armenian Refugees of Lebanon // The Armenite - https://thearmenite.com/2015/01/anticipation-misery-syrian-armenian-refugees-lebanon/ (accessed 15.07.2019)
20. Zolyan M. Refugees or repatriates? Syrian Armenians return to Armenia // Open democracy - https://www.opendemocracy.net/en/odr/refugees-or-repatriates-syrian-armenians-return-to-armenia/ (accessed 18.07.2019)
21. Why do Syrian Armenians leave Armenia: The Minister of diaspora on the issues of the Syrian Armenians // Lragir.am. 20.02.2016 (In Arm.) - https://www.lragir.am/2016/02/20/128078/ (accessed 11.07.2019)
22. Aram I to Re-Consecrate Forty Martyrs Cathedral in Aleppo // Asbarez - http://asbarez.com/178560/aram-i-to-re-consecrate-forty-martyrs-cathedral-in-aleppo/ (accessed 11.07.2019)
23. Sarvarian Z. 70,000 Syrian Armenians have fled during the war, and few will return // Worldwatch monitor - https://www.worldwatchmonitor.org/2018/06/70000-syrian-armenians-have-fled-during-the-war-and-few-will-return/ (accessed 16.07.2019)
24. AGBU Community Worldwide Comes Together for Syrian Relief // AGBU - https://agbu.org/news-item/agbu-community-worldwide-comes-together-for-syrian-relief/ (accessed 12.07.2019)
25. Gulbenkian Grants for Syria exceed $800,000 in 2013 // Caoluste Gulbenkian Foundation - https://gulbenkian.pt/armenian-communities/2014/01/20/gulbenkian-grants-for-syria-exceed-800000-in-2013/ (accessed 11.07.2019)
26. Syrian-Armenian Relief // Initiatives for development of Armenia - https://www.idea.am/syrian-armenian-aid-initiative (accessed 11.07.2019)

УДК 81`27

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АРМЯНСКОГО, РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО МЕНТАЛИТЕТОВ

Агбалян М.А.
НИУ БелГУ «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, РФ
mariannayan26@mail.ru

Каждая нация уникальна по-своему и неповторима. И в каждой стране есть свой менталитет и национальный характер.

Менталитет − это совокупность различных особенностей, которые характеризуют определенную группу, нацию, народ или народность. Это слово латинского происхождения, означающее психологическую и поведенческую самобытную идентичность людей, которые принадлежат к единой культуре. В первую очередь менталитет обусловлен историческими, политическими, экономическими, социальными, религиозными, климатическими и прочими условиями развития конкретного общества.

Национальный менталитет − это определенный, присущий конкретной этнической группе людей стиль жизни и культуры, а также национальная система ценностей, взгляды и мировоззрение нации, общие черты характера. На него сложно повлиять с помощью идеологических, административных, правовых или управленческих мер. Устойчивость, неизменность, постоянство, консерватизм − это характерные свойства менталитета нации [1].

Рассмотрим особенности армянского менталитета. Преимущественно во всех крупных странах мира проживают представители армянских общин. Больше всего армян проживает в России, Франции и США. У армян порядка 50 диалектов, при этом, существуют западноармянский и восточноармянский языки, на которых говорит подавляющее большинство представителей этой нации.

Если вы хоть немного общались с армянами, несомненно, должны были заметить, что им присуще яркое чувство юмора. Где бы вы не находились, если в вашей компании есть хоть один армянин, он обязательно поднимет всем настроение забавными историями и анекдотами.

Армяне очень любят и ценят семью. В армянской семье родитель – это царь. И на самом деле, это все взаимно, поскольку множество армянских родителей растят своих детей в большой любви. Любой родитель делает все для своих детей, но у армян это можно назвать чрезмерным самопожертвованием. Отношение к детям в стране особое, не просто инстинктивное, и это можно назвать культом детей. Ребенок – это продолжатель рода, будущее нации.

Про гостеприимность армян знают во всем мире. Если вы в гостях у "правильного" армянина, то он вас обязательно чем-нибудь угостит.

Солнечная погода Армении позволяет жителям страны вывешивать белье на улицах. Такая привычка традиционна, например, для жителей Италии, когда от здания к зданию вывешивается огромное количество одежды и что непривычно для русских. «Классический» армянин отличается тем, что любит употреблять большое количество хлеба и кофе, организовывает шикарные свадьбы, дни рождения, помолвки, крестины и иные праздники.

Армянская диаспора самая сильная практически в любой стране. Армяне в любой точке мира притягиваются друг к другу и образуют «крепкие ячейки». Если двое армян встретятся на каком-нибудь курорте, они обязательно улыбнутся, поприветствуют друг друга, познакомятся поближе [2].

Рассмотрим особенности русского менталитета. Историк Валерий Ильин считает, что в мощной амплитуде колебаний погодных условий в течении одного сезона в России – секрет маятника русского характера: упадок сменяется невероятным подъёмом, долгая депрессия – огромным всплеском оптимизма.

Есть и анатомическая особенность, сказавшаяся на русском менталитете: у славян сильнее развито правое полушарие мозга, отвечающее за эмоции, а не за логику, поэтому мы часто не рациональны.

Русский человек остро воспринимает чужую беду и чужую радость, да и сам часто готов открыть кому-нибудь свои сокровенные чувства чуть ли не в первый день знакомства. Итальянец никогда не расскажет малознакомому человеку о своих семейных проблемах, американец тактично избежит личных тем. Русские склонны открывать все двери настежь.

Несмотря на творческое мышление, по образу действий русских можно назвать консерваторами. Они с недоверием воспринимают новшества и долго подступаются к ним, прежде чем принимают в свою жизнь. Сравните: в Великобритании за компьютером умеют работать 55 % людей пожилого возраста, в США – 67 %, а в России – всего 24 %. И дело здесь не только в отсутствии материальной возможности приобрести технику, а в нежелании менять привычный уклад жизни [3; 4].

Русский патриотизм – это патриотизм, основанный на осознании народом своей общности. Подъём русского патриотического духа всегда

возникал в годы тяжёлых испытаний не для отдельных людей, классов или групп населения, а для всего народа, когда он начинал остро осознавать себя как историческую общность.

Улыбка в русском общении не является обязательным атрибутом вежливости. На Западе чем больше улыбается человек, тем он больше проявляет вежливости. Улыбка у русских демонстрирует личное расположение к другому человеку, которое, естественно, не распространяется на всех. Поэтому если человек улыбается не от души, это вызывает неприятие. Человек с постоянно хорошим настроением вызывает подозрение — то ли больной, то ли неискренний. Тот, кто обычно приветливо улыбается другим — если не иностранец, то, конечно, подхалим.

Рассмотрим далее особенности французского менталитета. Французы являются истинными патриотами своего языка. Им очень нравится, когда иностранцы пытаются объясняться именно по-французски. Они всегда остановятся, улыбнутся и с удовольствием все объяснят. Французы отличаются вежливостью и умением красиво и быстро говорить.

Французское чувство юмора, характеризующееся большой язвительностью в сравнении с английским и немецким, носит более интеллектуальный характер. В нужный момент остроумный комментарий может разрядить даже самую тяжелую конфликтную ситуацию, поэтому французы очень редко устраивают скандалы и драки. Они всегда и во всем аккуратны, но это не означает, что у них размеренный и спокойный характер. Под внешним лоском скрываются пылкие сердца, временами французы способны на дерзкие и необдуманные, но крайне эмоциональные поступки.

Несмотря на привязанность к городской жизни, многие чувствуют глубокую и неразрывную связь с землёй, многие из них в душе истинные крестьяне. Сельская жизнь у них романтизируется.

Ум вызывает у французов восхищение и истинное преклонение. Больше всего они уважают в человеке сочетание одновременно и ума, и чувств. Стремление к изысканности внешних форм, живой ум, склонность к изумительно изящным новинкам и экспериментам сделали французов своеобразным эталоном стиля и вкуса, законодателями в различных сферах европейской моды. Истинный парижанин считает себя свободным. Каждый пытается удовлетворить собственный интерес, ставя его превыше всего [5].

Менталитет любой страны – это отражение жизни, быта, климатических и исторических условий нации. Можно сделать вывод о том, что армянин – это жизнерадостный человек, переживший многое, сохранивший в памяти свою историю, но не потерявший позитив. Русский – это человек чувств, эмоций, борющийся за свободу своей души и чутко воспринимавший чужую боль и радость. А французы – это

синоним изысканности, красоты и стиля в сочетании с вежливостью и гордостью за себя.

Список литературы

1. Наука, культура, менталитет России нового и новейшего времени. – М.: Институт российской истории РАН, 2014. – 286 с
2. Мелик-Шахназарян Л. Характер армянского народа [Электронный ресурс] / Л. Мелик-Шахназарян. – Режим доступа: http://www.armenianhouse.org/mshakhnazaryan/nf-ru/character
3. Нестерова Н.А. Обзор русского и английского менталитета / Н.А. Нестерова, Е.Д. Калинина, А.В. Самарин // Молодежный научный форум: гуманитарные науки. – 2017. – № 1 (40). – С. 307-311.
4. Крюкова Д.А. К вопросу об особенностях английского менталитета в деловом дискурсе / Д.А. Крюкова, А.В. Самарин // Молодежный научный форум: гуманитарные науки. – 2017. – № 3 (42). – С. 393-398.
5. Левин З. И. Менталитет диаспоры. Системный и социокультурный анализ / З.И. Левин. – М.: Институт Востоковедения РАН, Крафт+, 2001. – 176 с.

УДК 81`27

ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ АССИМИЛЯЦИИ ТУРОК В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Ахмедова З.М.

НИУ БелГУ «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, РФ

akhmedova.zuveyda@mail.ru

В современном мире люди разных культур не могут жить изолированно. Некоторые ценности определенной культуры становятся более ярко выраженными только тогда, когда она соприкасается с другими культурами, учитывает их опыт.

Ассимиляция – этническая, частичная или полная утрата культуры в пользу другой, обычно доминирующей культуры, включая и смену этнической идентичности. Ассимиляция - одна из самых встречающихся видов межкультурных взаимодействий в результате контактов этнических и государственной политики в отношении этнических меньшинств. Этническая и культурная (аккультурация) ассимиляции тесно связаны между собой, т. е. частичная или полная потеря признаков одной культуры в пользу другой. Процессу ассимиляции в основном подвергаются немногочисленные группы с заниженным политическими и социальным статусом. В основном, ассимиляция является добровольной, в результате миграций, смешанных браков, стремления объединиться и повысить

ПОЛИТИКА

Демографическая безопасность армянского государства и проблема репатриации армян

Сваранц А. А.
доктор политических наук, профессор (Россия, Москва)
araks177@mail.ru

Ключевые слова: национальная безопасность, государственная безопасность, демографическая безопасность, армянское государство, репатриация армян

Հայկական պետության ժողովրդագրական անվտանգությունն ու հայության հայրենադարձության հիմնախնդիրը

Սվարանց Ա. Ա.
(Ռուսաստան, Մոսկվա)
araks177@mail.ru

Ամփոփում՝ Հոդվածում վերլուծված են «ժողովրդագրական անվտանգություն», «ազգային անվտանգություն», «պետական անվտանգություն» հասկացությունները հայաստանյան իրողության տեսանկյունից: Հեղինակը, մասնավորապես, եզրակացնում է, որ անպայմանորեն պետք է հայրենադարձության հատուկ ծրագրեր նախատեսել, որոնք պետք է ենթադրեն բիզնեսի, գիտության, մշակույթի, սպորտի, անվտանգության ու պաշտպանության ոլորտների օժտված հայերի որոնումները, մշտական կամ ժամանակավոր հիմունքներով նրանց նպատակային հայրենադարձություն առաջարկելը՝ պատմական Հայրենիքում նրանց ինքնադրսևորման ու Հայաստանի կենսական ոլորտներում թռիչքաձև զարգացում ապահովելու նպատակով:
Վճռորոշ բառեր՝ ազգային անվտանգություն, պետական անվտանգություն, ժողովրդագրական անվտանգություն, հայկական պետություն, հայերի հայրենադարձություն

Demographic security of the Armenian state and the problem of repatriation of Armenians

Svarants A. A.
(Russia, Moskow)
araks177@mail.ru

Abstract: The article analyzes the concepts of “demographic security”, “national security” and “state security” in relation to Armenian reality. The author, in particular, concludes that it is certainly advisable to envisage the existence of special repatriation programs, involving the search for talented Armenians in the world of business, science, culture, sports, defense and security and the offer of targeted resettlement to Armenia on a temporary and (or) permanent basis for their self-realization in the conditions and for the benefit of the historical Motherland, ensuring the abrupt development of Armenia in vital areas.
Key words: national security, state security, demographic security, Armenian state, repatriation of Armenians

Для любого государства, общества, личности и в целом нации вопросы безопасности во все времена представляют приоритетное значение, ибо благодаря состоянию защищенности от внешних и внутренних угроз социальная система приобретает устойчивость и возможность самосохранения и развития. Естественно, безопасность достаточно широкая тема и требует разработки адекватно условиям времени конкретной политики, стратегии, концепции и программы [1;3;4;6].

В теории и практике существуют различные определения понятия безопасности [2;5]. В частности, под *безопасностью* предполагается состояние защищённости жизненно важных интересов и сфер деятельности социальной системы (государства, общества, личности) от внутренних и внешних угроз. К отмеченным основным объектам безопасности (государство – его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность; общество – его материальные, социальные и духовные ценности; личность – ее

права и свободы) я бы добавил также народ и нацию (то есть самосохранение, этнокультурное и политическое развитие), что более типично для малых стран и народов, имеющих богатую историю, трагедию геноцида, внешний конфликт, многочисленную диаспору и повышенную угрозу ассимиляции. Последнее более типично для Армении, Арцаха, Израиля и др. Понятие *безопасность* можно характеризовать и как способность объекта, предмета, явления или процесса сохраняться при разрушающих внешних и внутренних воздействиях. Наконец, *безопасность* – это отсутствие опасности, либо ее минимизация.

Под *«жизненно важными интересами»* следует понимать совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития объекта безопасности. Соответственно *«угроза безопасности»* – это совокупность условий и факторов, создающих опасность жизненно важным интересам объекта безопасности.

Безопасность обеспечивается и достигается проведением единой государственной (национальной) политики, системой мер политического, экономического, организационного и иного характера, адекватных внешним и внутренним угрозам жизненно важным интересам государства и нации.

Некоторые эксперты полагают, что государственная безопасность более широкое понятие, чем национальная безопасность. В частности, подобный подход весьма справедлив по отношению к крупным государствам (к той же России, США, Китаю, Великобритании, Франции, Германии и т.д.) с учетом их содержания, то есть статуса и мощи, и поскольку подавляющее большинство государство образующего народа и политической нации названных стран проживает на своей территории и в своем государстве. Однако данный подход не всегда справедлив к отдельным малым странам.

Для той же Армении и Израиля, на мой взгляд, понятие «национальная безопасность» гораздо шире «государственной безопасности», ибо в силу исторических обстоятельств большая часть государство образующего народа и нации проживает вне пределов этнической территории и национального государства. При этом та же диаспора имеет важное значение в плане безопасности национального государства и самосохранения народа. Для Армении стратегия национальной безопасности обязана включать как государственную, так и диаспоральную части. Данный подход весьма актуален для новых властей Армении, заявивших о разработке новой концепции стратегии национальной безопасности и ее принятие в 2020 г.

Понятно, что государство, будучи высшей формой социальной организации и обладающее самостоятельными легитимными возможностями обеспечения защиты от внешних и внутренних угроз (армией, спецслужбами, полицией и другими силами и средствами), способно осуществлять оборону от внешнего агрессора, а также выявлять, предупреждать и пресекать разведывательно-подрывную деятельность иностранных спецслужб и антигосударственную деятельность внутренних противников конституционного строя.

Диаспора же, как социальное явление и часть населения и политической нации стран проживания, несмотря на представительные общинные организации, с точки зрения правовых норм не может обладать самостоятельными политико-правовыми возможностями обеспечения собственной безопасности и является объектом защиты государственных органов безопасности стран проживания. Вместе с тем, исторический и современный опыт показывают, что нередко диаспора в странах проживания становится объектом национальной дискриминации и насилия (тому свидетельство этнические погромы, резня, геноцид, внешние и внутренние конфликты), а местные спецслужбы и правоохранительные органы недостаточно адекватно реагируют на подобную ситуацию.

В этой связи национальное государство, будучи полноправным членом международного сообщества и субъектом международного права, может выступать в защиту интересов своей этнической диаспоры в тех странах, где проявляется угроза их безопасности. При этом национальное государство вправе использовать нормы международного права, соответствующие двусторонние отношения и соглашения, а также трибуну авторитетных международных институтов (типа ООН, ОБСЕ, ШОС и т.д.). В определенных же случаях (например, при условии конфликта и угрозе физическому существованию диаспоры) национальное государство может участвовать в миротворческих коллективных операциях по обузданию агрессора и сил международного терроризма с использованием подразделений армии и тайных операций спецслужб.

С другой стороны, диаспора вполне на легитимных основах способна вносить свой вклад в укрепление безопасности национального государства (в частности, путем экономического, научного, информационного сотрудничества и той же репатриации).

Поскольку безопасность касается всех жизненно важных сфер деятельности социальной системы, то она имеет ряд составляющих (включая политическую, экономическую, социальную,

военную, демографическую безопасность). Мы попытаемся в данной статье остановиться на вопросах демографической безопасности армянского государства и взаимосвязанной с ней проблемой репатриации армян.

Демографическая безопасность – важнейшая часть безопасности любого государства, которая предполагает состояние защищенности населения страны (его количества и этнического состава) от внешних и внутренних угроз. Соответственно объектом демографической безопасности является население государства, а субъектами ее обеспечения – органы власти (включая министерства здравоохранения, экономики и спецслужбы). Состояние демографической безопасности во многом зависит от уровня безопасности в других сферах – экономической, социальной, продовольственной, культурологической, экологической, соотношения рождаемость и смертность, городского и сельского населения, этнического состава и численности молодого поколения.

В армянском случае демографическая безопасность нации предполагает как состояние защищенности населения Армении и Арцаха (то есть армянского государства), так и Спюрка (то есть армянской диаспоры). Данная особенность определяется тем, что армянский народ на рубеже XIX–XX вв. стал жертвой международного преступления геноцида, понес более 2,5 млн физических потерь и многомиллиардные материальные потери (включая изгнание из значительной части своей исторической Родины – Западной и Южной Армении). Соответственно, нынешняя малочисленность Республики Армения является одним из следствий трагедии Геноцида армян, в свою очередь сохранение генофонда армян диаспоры является глобальной политической задачей не только Армянского мира, но и международного сообщества во главе с ведущими державами.

Между тем, падение уровня развития экономики и сокращение рабочих мест, рост тенденций социальной несправедливости и стихийной эмиграции, экологические катаклизмы (землетрясения, искусственное загрязнение окружающей среды, нерациональное использование природных ресурсов, техногенные катастрофы) и физические потери в условиях внешнего конфликта, пропаганда нетрадиционной сексуальной ориентации под видом демократии и девальвация института семьи, снижение рождаемости, увеличение заболеваемости и смертности людей – все эти факторы создают неблагоприятную демографическую ситуацию в стране, приводят к дефициту трудовых ресурсов, сокращают численность молодого поколения, снижают обороноспособность страны. В итоге, государство приобретает угрозу безопасности, сокращаются потенциал и возможности его развития.

В современной Армении и Арцахе, в признанном и пока что непризнанном армянских государствах, к сожалению, на рубеже XX–XXI вв. сложилась весьма критическая демографическая ситуация.

Естественно, Спитакское землетрясение 1988 г. и зона разрушений на севере Армении вместе с карабахским военным конфликтом (1991–1994 гг. и 2016 г.) и продолжающейся ситуацией «ни мира, ни войны» привели к значительным физическим потерям для населения Армении и Нагорного Карабаха, совокупная численность которых превышает 32 тыс. человек. В частности, если иметь в виду официальную статистику погибших – более 25 тыс. чел. в результате землетрясения, более 6 тыс. чел. в карабахской войне 1991–1994 гг., более 100 чел. в апрельской войне 2016 г. и порядка 1000 чел. за годы «хрупкого перемирия» с Азербайджаном 1994–2019 гг.

Вместе с тем, неэффективная экономическая и социальная политика в Армении и Арцахе за тот же период привели к сокращению рабочих мест, росту коррупции и социального расслоения общества, создали предпосылки массовой трудовой миграции и пополнения численности армянской диаспоры в России, США и странах Европы.

В Нагорном Карабахе и Армении нередко простые люди задаются справедливым вопросом – как получилось, что 6-ти миллионной Азербайджан после войны 1991–1994 гг., в которой потерпел поражение и понес в сравнении с армянской стороной значительные физические потери (от 25 до 30 тыс. чел.), сегодня стал 10 миллионным государством, а более 3,5 миллионная Армения вместе с 180 тысячным Карабахом оказались в состоянии демографического кризиса?

Согласно результатам переписи населения 2005 г. в Нагорном Карабахе проживало 137380 чел., из которых 137046 чел. (или 99,7%) армяне, остальные – русские (171 чел.), украинцы (22 чел.), грузины (12 чел.), азербайджанцы (6 чел.) и другие национальности (125 чел.). В 2015 г. перепись населения Нагорного Карабаха составила 150932 чел. (реально же 146260 чел.). Следующую перепись населения в Арцахе планируется провести в 2020 г., очевидно после президентских и парламентских выборов. Однако промежуточные данные предполагают, что в реальности в Республике проживает порядка 120–127 тыс. чел.

При этом в Карабахе отмечается высокая статистика сальдо роста населения, то есть

соотношения смертность – рождаемость. Государство поддерживает политику прироста населения за счет высокой рождаемости и переселения (репатриации) армян, выделяет из скудного бюджета небольшие средства на социальное обустройство переселенцев. В этой связи нельзя не вспомнить проекты в поддержку роста рождаемости, реализованные в Карабахе крупным армянским меценатом Левоном Айрапетяном, который организовывал одновременно свадьбы 700 пар и финансово поощрял рождаемость детей. Но, увы, всего этого пока что недостаточно.

До сих пор не разрешена проблема тех же армянских беженцев из населенных пунктов бывшей Азербайджанской ССР (Баку, Сумгаита, Кировабада и др.), численность которых составляла порядка 400 тыс. чел. Многие из них обустроились в России, США, странах Европы, Армении, Украине. Сегодня вряд ли все эти беженцы вернутся в Карабах, но определенная их часть может рассматриваться в качестве репатриантов. Где социально-экономические программы (жилая площадь и рабочие места) возвращения этих беженцев, которые в своем подавляющем большинстве являются выходцами из Карабаха, в современный Арцах, в те же «освобожденные территории»?

Сирийский кризис выявил очередную угрозу физической безопасности местной армянской диаспоры, которая оказалась в том же Алеппо, Латакии, Кесабе и других населенных пунктах САР объектом нападений террористических сил (включая и со стороны турецких радикальных структур). В начале данного конфликта в том же 2011 г. я предлагал тем же дашнакам заняться организацией переселения армян и их капитала из Сирии в стабильные страны Запада (в те же США и Францию), Россию и Армению, поскольку этот конфликт не армянский. Однако армяне могут стать в очередной раз мишенью тех же турецких националистических организаций, проявляющих особый интерес к северной части Сирии. Сохранив же физическое здоровье и капитал сирийских армян, во-первых, мы обеспечили бы национальную демографическую безопасность; во-вторых, при политической целесообразности тот же капитал сирийских армян способен был бы организовать добровольческую армянскую бригаду не менее 3 тыс. чел. для участия в боевых действиях на стороне правительственных сил САР и внешних партнеров; в-третьих, с установлением мира в Сирии корпоративный капитал тех же сирийских армян мог бы участвовать в восстановлении разрушенного хозяйства и развитии данной арабской страны.

Но, увы, в ответ мне приходилось слышать нелепые утверждения отдельных партийных функционеров, что все под контролем и при необходимости будет организована самооборона армянскими дружинами по образу гражданского конфликта в Ливане 1978–1980 гг. Иными словами, фидаинские стереотипы XIX в. переносились узкомыслящими дашнакцаканами в XXI в. И каков результат, когда вчерашний сирийский банкир из числа местных армян превращался в ереванского банщика? В этом вопросе, конечно, высока доля ответственности не только известных национальных партий (включая АРФД), но и непосредственно самих властей Армении во главе с Сержем Саргсяном. Например, как можно оценить искусственное повышение цен на рейсы «Армавиа» для вывоза армянских детей Сирии в ту же Армению? Сирийская ситуация в безвыходной ситуации привела к определенному оттоку армянского населения (примерно 20 тыс. чел.) на историческую Родину – в Армению и Арцах.

Весной 2019 г. после совместного заседания Советов национальной безопасности Армении и Арцаха директор Службы национальной безопасности РА Артур Ванецян в том же Карабахе заявил о том, что армянская сторона не собирается возвращать Азербайджану «освобожденные территории» и вдоль р. Аракс будет возведен новый поселок Араксаван для переселения армян в НКР. Что ж, остается эти слова и заявления главы армянских спецслужб сделать реальностью через посредство реализации социально-экономических программ и репатриации.

Демографическая ситуация в Армении также остается сложной и требует безотлагательных системных мер по изменению динамики. На момент распада СССР в 1991 г. численность населения в Армении составляло 3 574500 чел., а демографический максимум на рубеже веков пришелся на 1992 г. со статистикой в 3 633300 чел. С 1993 г. в Армении начинается спад и массовый отток населения. В 2008 г. численность населения в РА составила 3 097300 чел., а уже в 2017 г. – 2 986100 чел. Согласно оценкам 2019 г., ныне численность населения Армении составляет 3 062000 чел.

Таким образом, с 1992 по 2017 г. численность населения Армении сократилась на 647200 чел., и это за вычетом 25 тыс. жертв трагедии Спитакского землетрясения, но с включением физических потерь в карабахской войне (которые в совокупности составили 6 тыс. чел., включая население Карабаха, Армении и диаспоры). Получается, что более 643 тыс. человек покинули Армению не из-за войны, а в силу экономического кризиса, масштабной коррупции,

девальвации принципов социальной справедливости, сокращения рабочих мест. В основном армянская миграция устремляется в Россию, при этом 643 тыс. чел. – это эмигрировавшее из Армении население (то есть лица, приобретшие гражданство иностранных государств), а сколько же сотен тысяч армян составляют ряды трудовой миграции, которые занимаются сезонными работами за рубежом с сохранением гражданства Армении? Их не менее 500 тыс. Вот и получается, что реально в Армении проживает все же чуть более 2,7 млн чел.

В народе пошла шутка, что во время своего визита в Армению президент России В.В. Путин в Гюмри поинтересовался у своего коллеги С.А. Саргсяна о численности населения Армении и в ответ отметил, что в России проживает уже порядка 3 млн армян. Так кто же президент Армении?

Администрация президента Сержа Саргсяна причины массового оттока населения из страны в ту же Россию пыталась объяснить не только условиями экономического кризиса, вызванного мировой рецессией 2008 г., санкционной войной стран Запада против России после 2014 г. из-за украинского кризиса и воссоединения Крыма с РФ (то есть главного экономического партнера и инвестора Армении), но и российской федеральной миграционной программой «Соотечественник», согласно которой значительная часть граждан Армении получила легитимные возможности эмиграции и приобретения гражданства РФ. В реальности же, у каждой страны имеются свои демографические проблемы и возможности их урегулирования (включая и Россию). Однако нельзя не признать, что из успешной страны массовый отток за рубеж не происходит. Причины армянской стихийной миграции властям Армении следует искать не вовне, а в себе – в своей экономической и социальной политике, инвестиционном климате и уровне коррупции, сокращении рабочих мест и росте безработицы.

Не следует забывать, что серьезными угрозами демографической безопасности выступают:

– отсутствие в стране социальной поддержки многодетных семей;

– рост социальной безысходности, алкоголизма, наркомании;

– отсутствие заинтересованности граждан в увеличении численности семьи;

– деградация института семьи;

– антисемейная политика средств массовой информации;

– пропаганда и распространение нетрадиционной сексуальной ориентации.

К сожалению, все перечисленные угрозы демографической безопасности актуализировались для малой Армении. По прогнозам ООН население Армении в 2050 г. при таких темпах развития может составить по самым оптимальным расчетам 3 065000 чел., по средним оценкам – 2 816000 чел, а по пессимистическим прогнозам – 2 573000 чел. Подобная статистика весьма условна, но, к сожалению, показывает неблагоприятную динамику. В октябре 2020 г. в Армении состоится очередная перепись населения, которая покажет реальную демографическую ситуацию в стране.

Армения и Арцах, находящиеся в состоянии незавершенного военного конфликта и угрозы ее возобновления с Азербайджаном, не могут безответственно относиться к проблемам демографической безопасности. После Армянской весны 2018 г. и прихода к власти Никола Пашиняна правительством Армении были предприняты ряд мер антикоррупционного порядка, заявлено об экономической революции (хотя реальных программ, кроме одних деклараций, общество пока что не встретило), сняты ограничения для ведения малого бизнеса с целью оздоровления социально-экономической и демографической ситуации в стране, из-за прекращения монополизма на рынке частично экономика выведена из тени, увеличилось число рабочих мест (до 600 тыс.).

Если учесть численность в 3 062000 чел. в 2019 г. по сравнению с 2 986100 чел. в 2017 г., то получается положительная динамика роста населения (то есть прирост порядка 76 тыс. чел. за два года или 38 тыс. в год). Это высокий показатель с учетом предыдущих лет сальдо падения численности населения – более 25 тыс. чел. в год. И в этом, несомненно, есть позитивная роль политики Никола Пашиняна. Данный прирост связан не только с ростом рождаемости по сравнению со смертностью, но больше всего сокращением миграции из Армении и незначительным притоком армян из-за рубежа в ожидании позитивных перемен и искоренения коррупции чиновников.

Нельзя не сказать, что предыдущие власти не понимали важности и остроты проблем демографии армянских государств Армении и Арцаха. Тот же Серж Саргсян и руководимая им РПА заявляли о необходимости и возможности поднятия в среднесрочной перспективе численность населения Армении до 4 млн чел. за счет экономического оздоровления и программ репатриации. В самом Карабахе с учетом и освобожденных территорий численность НКР может достигать 800 тыс. Тот же Баку отмечает, что из 7 районов вокруг бывшего НКАО и Шушинского

района НКАО Азербайджан получил более 700 тыс. беженцев. Если же к этой цифре добавить армянское население НКАО, то мы получим искомую цифру.

Никол Пашинян в своем программном выступлении 5 августа 2019 г. на площади Возрождение в Степанакерте в честь открытия VII Панармянских игр, касаясь темы демографии, заявил об увеличении к 2050 г. численности населения Армении вместе с Арцахом (согласно лозунгу «Арцах – Армения, и точка!») до 5 млн чел. Часть армянских и иностранных экспертов данный и другие подобные амбициозные тезисы премьер-министра Армении оценили как популистские в силу отсутствия политики преемственности и реалистических программ их достижения. Однако в реальности нет ничего невозможного, если власти армянских государств предложат мировому армянству содержательные концепции достижения заявленных целей и задач общенационального масштаба.

Во-первых, будем исходить из того, что никто в Армянском мире не станет возражать декларативным тезисам Пашиняна, озвученным в Степанакерте, ибо их достижение есть созидание и усиление Армении, Арцаха и диаспоры. *Во-вторых*, все мы понимаем, что та же ситуация демографической безопасности в современных армянских государствах требует безотлагательных мер по их оздоровлению. *В-третьих*, в тех же армянских экспертных кругах (включая и армянской диаспоры России) начинается обсуждение данной проблемы с точки зрения объективного дискурса и поиска оптимальных решений. Вся проблема в том, что необходимы объективные оценки и реальные предложения, а не прожектерство, пустая пропаганда и откровенная болтология.

В сентябре 2019 г. на одном из сайтов появилось интервью молодого армянского политолога Гора Караханяна, посетившего праздничные мероприятия в Арцахе в честь 28-й годовщины провозглашения НКР. Отрадно отметить, что молодые люди в диаспоре, проходя этап профессионального становления, обращают внимание на актуальные проблемы безопасности исторической Родины и справедливо отмечают, что одним из условий роста численности населения той же Армении и Арцаха может стать репатриация армян из диаспоры. Однако, очевидно в силу отсутствия профессионального опыта, тот же автор делает не совсем верные выводы о путях репатриации.

В частности, его мнение сводится лишь к активизации пропаганды репатриации со стороны армянских властей при наличии якобы большой численности желающих вернуться на историческую Родину в силу национальной дискриминации, помимо стран Ближнего Востока, в тех же США, где право свободной продажи оружия порождает частые случаи «брейвиков» (норвежский националист Андерс Брейвик, совершивший 22 июля 2011 г. два террористических акта в Осло, в результате которых убил 77 чел. и ранил 151 чел.) и возможные физические угрозы армян. Такого примера крайнего непрофессионализма политолога и вредного пропагандиста трудно себе представить.

При всем напряжении памяти и даже желании обвинить «американский империализм в новых преступлениях», я что-то не могу найти примеры массовой дискриминации американских армян властями и политическим сообществом США. Не встретишь особо и подобные примеры в той же Франции или Венеции, Греции или Британии. Но, увы, на постсоветском пространстве, в части бывших союзных республик мы можем найти немало подобных примеров дискриминации по национальным причинам (и не только армян).

Регулирование численности населения страны должно определять задачи в области рождаемости. В условиях депопуляции, государство стремится повысить рождаемость и продолжительность жизни людей. В ситуации же демографического взрыва, наоборот, власти проводят политику сдерживания и ограничения рождаемости, поскольку быстрый рост населения существенно увеличивает нагрузку на систему социального обеспечения и экономику.

На мой взгляд, изначально изменение демографической безопасности к лучшему в той же Армении и Арцахе возможно при наличии конкретных и содержательных программ армянских властей по социально-экономическому оздоровлению ситуации в республиках, созданию новых рабочих мест, сокращению и ликвидации массовой безработицы, минимизации масштабов коррупции, формированию системы социальной справедливости, повышению уровня обороноспособности, прекращению стихийной миграции и массового оттока населения, улучшению инвестиционного климата и привлекательности армянского рынка для внешних инвесторов, поддержанию традиций армянской семьи и роста рождаемости, исключению пропаганды нетрадиционной сексуальной ориентации под любыми вывесками демократии.

Нация, пережившая трагедию Геноцида и потерявшая 2,5 млн человек, не имеет права поощрять ЛГБТ, ибо они не рожают детей, армянам же необходимо увеличивать свой национальный генофонд. Но, увы, в Армении сегодня парламентская фракция «Мой шаг» не поддерживает инициативу депутата от «Процве-

тающей Армении» по запрещению пропаганды ЛГБТ детям до 16 лет, геи получают трибуну парламента и создают информационный повод безответственных дискуссий, а премьер Армении сожалеет, что гей из Еревана подает ему кофе во французском, а не армянском отеле. Может в следующий раз депутатам от оппозиции предложить формирование штрафбата из геев и направить их на передовую в Карабах?

С достижением ощутимых результатов по реализации названных программ, власти Армении и Арцаха совместно с диаспоральными и общенациональными институтами должны разработать конкретные целевые программы репатриации части армян диаспоры.

Прежде всего, нужно понимать, что массовой (тем более тотальной) репатриации армян диаспоры в Армению невозможно и не нужно по ряду объективных причин. Диаспора – это один из мощнейших ресурсов армянского государства, которое является естественным внешним союзником Армении. Диаспора – это острова Армении и Армянского мира, мосты коммуникаций. Диаспора – это и есть армянская «мягкая сила» в глобализирующем мире. Диаспора – это части ведущих держав и мировой экономики в Армянском мире. Диаспора – это экономический, финансовый, научный и технологический партнер Армении. Диаспора по своей численности сегодня – это практически три населения Армении, что имеет стратегическое значение для самосохранения и безопасности армянского народа, которая способна возродить еще одно армянское государство на исторической Родине. Диаспора – это ключевая часть формирующегося международного армянского фактора. Однако сказанное не означает, что репатриации армян диаспоры в Армению невозможна и недопустима.

Целевые программы репатриации должны исследовать положение армян в мире, где существуют серьезные угрозы их безопасности, куда следует переориентировать потоки армянской миграции (включая с учетом глобализации мировой политики и экономики), какая часть армян в тех или иных странах желает вернуться на историческую Родину и чем может им помочь сама Армения. Этой деятельностью на регулярной основе должны заниматься МИД Армении, институт по связи с диаспорой и новая армянская спецслужба «Депи Спюрк» (аналог израильского «Натив»). В Армении также должно быть создано новое Министерство по делам репатриации и абсорбции, которое будет принимать репатриантов, размещать их, оказывать помощь в адаптации, реабилитации (языковой, правовой, психологической, земляческой, профессиональной) и трудоустройстве.

Какие же программы репатриации могут быть? Изначально нужны программы по переселению из диаспоры в Армению армян, чьим интересам существует угроза; затем малоимущих армян, кто не может адаптироваться в странах проживания, не имеет будущего; следующей категорией целевой репатриации может стать часть армянской интеллигенции, которая в силу своей этнической принадлежности подвергается профессиональной дискриминации и не имеет возможности самореализации собственного потенциала.

Важно иметь программы молодежной и образовательной репатриации «14–16 лет» и «17–22 года», в рамках которых из разных стран в Армению будут направляться на учебу для окончания средней школы и вузов армянская молодежь диаспоры. Это позволит молодым людям быстрее натурализоваться в Армении, пройти языковую, культурную, психологическую и социальную адаптацию, получить качественное образование по интересам как в самой Армении, так и при поддержке мирового армянства особо талантливым в лучших вузах мира, иметь возможность создать в активном репродуктивном возрасте армянскую семью, повысить рождаемость нации, стать опорой своим родным и близким для возвращения на историческую Родину, приобретать национальное мышление и национальное самосознание.

Тот же Израиль и «Еврейское агентство» («Сохнут») проводят подобные программы, еврейские дети из диаспоры совершают не просто алию, а получают «Теадут багрут» (то есть аттестат средней школы Израиля) и возможность учиться в лучших израильских и иностранных вузах, в оптимальное время проходят национальную адаптацию и приобретают путевку в жизнь благодаря мировому еврейству, создают молодые семьи и увеличивают национальную демографию, приобретают профессии и работу, становятся помощниками и проводниками своих родителей и близких родственников на историческую Родину. И куда им потом без Израиля, иудаизма и сионизма?

Немаловажной программой целевой репатриации армян может стать проект «Трудовой миграции 30–40 лет», то есть лица в активном дееспособном возрасте могут возвращаться в Армению в целях трудоустройства и повышения собственного благосостояния, бизнеса и окончательного переселения.

Учитывая карабахский конфликт с Азербайджаном, напряженность армяно-турецких отношений и проблему региональной безопасности,

естественно, демографическая безопасность имеет важное значение для военной безопасности, формирования сильной армии и укрепления обороноспособности. В этих целях необходима программа создания «Армянского Легиона», чьи бригады и батальоны могут формироваться на добровольной основе из числа армян диаспоры, исполняющие миротворческую функцию по защите мира и безопасности в регионе и Армении в частности. Соответственно, мобильность Легиона в 5–10 тыс. чел. позволит их семьям пребывать в той же Армении (до 40 тыс. чел.), увеличивать рождаемость нации и исполнять почетную функцию защитника Отечества.

Непременно целесообразно предусмотреть и наличие особых программ репатриации, предполагающих поиск даровитых армян в мире бизнеса, науки, культуры, спорта, обороны и безопасности и предложение им целевого переселения в Армению на временной и (или) постоянной основе для их самореализации в условиях и на благо исторической Родины, обеспечения скачкообразного развития Армении в жизненно важных сферах.

Во всех случаях для программы репатриации необходима профессиональная и целевая пропаганда, качественное информационное сопровождение. Однако одной пропагандой проблему репатриации вряд ли можно решить. Как известно, репертуар ряда армянских певцов (того же Тата Симоняна, Арменчика и др.) включает множество песней с ностальгией о Родине и призывах к возвращению, но сколько от этого армян репатриировалось в Армению. Увы, тот же Арменчик со своей песней «Верадарцек» («Возвращайтесь») почему-то сам уехал в США и на местных студиях снимает свои клипы. Как говорится, сколько не говори халва, во рту слаще не становится. В качестве примера контрпропаганды той же репатриации можно назвать печально известную ситуацию вокруг талантливого и всемирно известного дирижера Константина Орбеляна. Следовательно, политикой должны заниматься лица, понимающие в нем смысл и свое место.

Список использованной литературы

1. **Володин А. В.** Государственная безопасность – основной приоритет национальной безопасности Российской Федерации, Вестник Военного университета. 2012. № 2 (30). С. 54-63,
2. **Гончаров И. В.** О соотношении понятий “национальная безопасность”, “государственная безопасность” и “конституционная безопасность”. Актуальные Проблемы Российского Права, 2009, №1, 116-122,
3. **Ирошников Д. В.** Государственная безопасность Российской Федерации: понятие и содержание, Юридическая наука. 2011. № 2, 65-70,
4. **Литвинов В. А.** Основы национальной безопасности России. М., 2011. - С. 66,
5. **Михайлов А. Е.** О понятии «государственная безопасность» и ее принципах // Актуальные проблемы государственной безопасности Российской Федерации: сб. тр. науч. конф. / Рост. гос. ун-т. путей сообщения. Ростов н/Д, 2008. С. 69;
6. **Редкоус В. М.** К вопросу об обеспечении национальной безопасности как функции современного российского государства // Право и государство: теория и практика. 2009. №1/49. С. 99.

Сдана/Հանձնվել է՝ 04.10.2019
Рецензирована/Գրախոսվել է՝ 11.10.2019
Принята/Ընդունվել է՝ 15.10.2019

Сравнительный анализ армянских и еврейских лоббистских структур в контексте решения национальных проблем

Азатян М. А.
Российско-армянский университет, аспирант (Армения, Ереван)
martun.azatyan2018@gmail.com

Հայկական և հրեական լոբբիի համեմատական վերլուծությունը ազգային խնդիրների լուծման համատեքստում

Ազատյան Մ.Ա.
Հայ-Ռուսական Համալսարան (Հայաստան, Երևան)
martun.azatyan2018@gmail.com

Ամփոփում՝ Սույն հոդվածում ներկայացված են հայկական և հրեական լոբբիի ուժեղ և թույլ կողմերը, ինչպես նաև իրականացված է երկու ժողովուրդների լոբբիստական կառույցների համեմատական վերլուծությունը: Կատարված վերլուծության հիման վրա ներկայացված են առաջարկություններ ՝ ուղղված հայկական լոբբիստական կազմակերպությունների արդյունավետության բարձրացմանը հայ ժողովրդի ազգային խնդիրների լուծման նպատակով:
Վճռորոշ բառեր՝ լոբբի, ցեղասպանություն, Իսրայել, Հայաստան, ԱՄՆ, ազգային խնդիրներ

Comparative analysis of armenian and jewish lobby in the context of solving national problems

Azatyan M. A.
Russian-Armenian University (Armenia, Yerevan)
martun.azatyan2018@gmail.com

Abstract: This article presents the strengths and weaknesses of the Armenian and Jewish lobby, as well as a comparative analysis of the results of the lobbying structures of the two peoples. On the basis of the analysis, are highlighted recommendations for Armenian lobbying organizations in order to improve the efficiency of solving the national problems of the Armenian nation.
Key words: lobby, genocide, Israel, Armenia, USA, National issues

Одним из столпов политической системы развитых стран является возможность защиты интересов различных общественных, финансовых и этнических групп с помощью методов и технологий, не запрещенных законом. Лобби, своего рода, ящик с инструментами, где можно найти ключ подходящего размера, чтобы завинтить или ослабить нужный винтик для решения насущных проблем и удовлетворения интересов той или иной группы. Обосновавшись и укрепившись в развитых западных странах, армянская и еврейская общины получили шанс действовать во благо не только своих многомиллионных диаспор, но и родных независимых государств. В настоящее время, которое характеризуется отсутствием стабильности в системе международных отношений, непрерывными изменениями расстановки сил на глобальном и региональном уровне, деятельность, цели и задачи лоббистских структур постоянно подвергаются модификации. Следовательно, изучение феномена лобби будет актуальным до тех пор, пока в мире существуют интересы, мотивы и противоречия. Ко всему прочему можно приплюсовать тот факт, что армяне и евреи имеют массу нерешенных проблем не только со своими соседями, но и с многочисленными элементами мирового сообщества. Можно сделать вывод, что этнические лоббистские формирования двух народов будут только расширять зону своей активности, а сравнительный анализ двух легионов предоставит возможность выявить сильные и слабые стороны, дабы своевременно откорректировать тактику и стратегию дальнейших действий.

Теоретическую основу исследования составляют труды ученых, занимающихся изучением феномена лобби в западных странах и РФ, а также работы специалистов по изучению деятель-

ности лоббистских структур армянской общины США.

Целью данной работы является исследование армянских и еврейских лоббистских организаций, выявление положительных и отрицательных результатов проделанной работы, а также возможность использования методологии и технологий еврейского лобби для решения насущных проблем армянского народа. Методологическими основаниями данного исследования являются сопоставление исторических факторов, сравнительный анализ объектов исследования, а также обобщение изучаемого материала.

1. Прежде чем перейти непосредственно к анализу деятельности еврейских и армянских лоббистских структур, необходимо сравнить основные *вехи истории* обеих народов: ведь именно история предопределяет судьбу как отдельного индивида, так и целого этноса. Вряд ли можно найти на нашей планете какой-либо народ, который бы не имел трагических периодов в своей многовековой истории. И все же, можно смело заявить, что евреи – самый многострадальный и преследуемый народ планеты. Евреи жили под властью собственного государства лишь незначительный для истории отрезок времени. Затем, будучи одним из этнических групп того или иного территориального образования, представители данного народа не только не считались равными всем остальным, так еще и подвергались самым различным притеснениям по религиозным, экономическим и национальным мотивам. Армянский народ веками жил на своей исторической прародине, создавая и теряя собственные государственные образования. Даже находясь под влиянием более крупных региональных игроков, армяне сохраняли свою относительную независимость, что предполагало минимальные гарантии на жизнь и частную собственность. В отличие от евреев, армянских народ стал массово расселяться по всему земному шару значительно позже – с конца 19-ого века.

Анализируя исторические пути двух народов, ни в коем случае нельзя оставлять в стороне важнейший вопрос *религии*. Иудаизм, хоть и является монотеистическим и авраамическим верованием, все же, отличается от иных мировоззрений, в частности, ближневосточного региона. Не секрет, что иудаизм является одной из древнейших религий, которые сохранились по сей день [**1**]. Следовательно, никак нельзя было избежать ассоциаций с магическими ритуалами и тайными знаниями, что, естественно, вселяло естественный страх в разум “простого смертного”. Именно здесь таятся корни ужасающего и позорного явления – антисемитизма – нетерпимости и даже страха по отношению к евреям. Подавляющее большинство армян причисляло и продолжает причислять себя к Армянской апостольской церкви. Естественно, апостольская церковь является частью мирового христианства, отличаясь от других течений лишь трактовкой тех или иных элементов веры. Важность данного фактора заключается в том, что в период Средневековья – Темных веков – армяне, как представители иного течения христианства, не были настолько притеснены по сравнению с еврейским народом, который якобы “отверг Христа” [**2**, стр.8].

2. Следующий пункт вытекает из первого, т.к. неотъемлемой частью истории двух народов является пережитая *трагедия*. Армяне и евреи – два этноса, подвергнутые геноциду. Эти тягчайшие преступления оставили глубочайший след в судьбе обоих народов, отголоски которого будут слышны еще много веков спустя. Обе катастрофы настолько переплетены между собой, что, как ни странно, одна вытекала из другой. Знаменитый риторический вопрос Гитлера “кто сейчас помнит Геноцид армян” [**3**] – яркое доказательство того, что отсутствие своевременной реакции мирового сообщества на трагедию целого народа привело к аналогичному ужасающему событию всего несколько десятилетий спустя. Необходимость сопоставления трагических явлений заключается в том, что борьба за признание и осуждение преступления против человечества стала важнейшей целью этнических лоббистских структур обеих этнических групп. Основная причина кроется в том, что Холокост имел место быть несколько десятилетий спустя после Геноцида. Более того, историческая эпоха сыграла важнейшую роль в успехе борьбы за признание и осуждение Холокоста. Закончилась Вторая мировая война, которая явилась апогеем осознания того, что третьего аналогичного сценария планета просто не переживет, и необходимо максимально основательно разобраться с висящими в воздухе проблемами и противоречиями. Ко всему прочему, проигравшая сторона – Германия – признала свою вину и желала сделать все возможное, чтобы сбросить тяжелейшее бремя вины с плеч собственного народа. Но самой главной причиной явился расцвет международного права – с созданием Организации Объединенных наций и выработкой Рафаэлем Лемкином определения термина “геноцид” (на основе событий в Османской империи), что легло в основу “Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него” [**4**, стр. 25]. Армяне часто сетуют на неспра-

ведливость всего и вся; к сожалению, в этом контексте историческая эпоха оказалась для армянского народа действительно “неподходящей”.

В настоящее время, спустя 50 лет с момента начала борьбы армянских лоббистских структур за признание трагических событий в Османской империи, мы имеем перед собой следующую картину: 48 из 50 американских штатов признали и осудили армянских Геноцид. Крайней в этом списке стала Индиана [**5**]. От соответствующего решения воздержались только Алабама и Миссисипи.

3. *Численность*. Мировая общественность – одно из немногих явлений, в случае которых количество автоматически означает качество, потому как конечный результат – направленность общественного мнения и настроения – определяется лишь числом и, конечно же, громкостью. Т.к. гонения, репрессии и, как следствие, переселение являлись в прошлые века элементами непрерывного процесса, не удивительно, что евреи появились в западных странах намного раньше армян. Это дало им возможность утвердиться на более или менее безопасной территории и намного раньше стать мощнее и весомее, благодаря влиянию в сфере политики и экономики.

Когда первые армяне начали в массовом порядке переселяться, например, в США, представители еврейского народа уже оказывали на месте существенное влияние не только на американскую, но и на мировую экономику. Сравнение актуальной картины опять-таки в пользу евреев: представители данного этноса “переигрывают” армян не только в численном соотношении, но и в возможности оказывать давлением только лишь количеством (не стоит забывать о том, сколько этнических евреев заседает в американском законодательном органе). Согласно официальным данным 2011 года, количество армян, проживающих на территории США, составляет 483366 человек [**6**]. Неофициальные источники указывают на цифру от 1 до 2 миллионов.

4. *Финансовые возможности*. Можно сделать логический вывод, что данный пункт вытекает из предыдущего и вновь является преимуществом еврейского народа, и причиной этому является ряд факторов: представители еврейского этноса были важнейшими игроками американской и мировой экономики еще с конца 19-ого века. С другой стороны, США – одна из самых стабильных стран мира, как в случае экономических потрясений, так и с точки зрения политического строя. Следовательно, в более или менее стабильной системе, гордостью которой являются права граждан и культурные ценности, не могли произойти такие изменения, которые существенно повлияли бы на соотношение сил с точки зрения финансового потенциала. Мы знаем о таких магнатах, как Кирк Керкорян и Стивен Кандарян, которые всячески поддерживали и армянскую общину США, и независимую Армению. Но, справедливости ради стоит отметить, что до финансового потенциала еврейских предпринимателей и бизнесменов сынам армянского народа еще очень далеко.

5. Значительным фактором, влияющим на становление и развитие не только политического, но и социального мышления, является *национальная идея*, точнее, понимание того, куда и во имя чего идет тот или иной народ. Т.к. национальные идеи армянского и еврейского народа являются очень сложными для теоретического определения научными понятиями, ограничимся условными наименованиями “Сионизм” и “Ай Дат”. Оба этих явления возникли приблизительно в одно и то же время – во второй половине 19-ого века, во времена расцвета либеральных идей и возрождений национальных самосознаний. “Сионизм” и “Ай Дат” преследовали очень близкие по духу и логике цели: создание государства на исторической прародине, защита национальных интересов собственного этноса и т.д. Естественно, параллельно развитию исторических событий, данные задачи подвергались модификации и к ним приплюсовывались все новые и новые пункты. Но вот различия в качествах достижений поставленных целей вновь упираются в оптимальное использование исторической эпохи и предоставленных ею возможностей. Теодор Герцель, изложив свое видение будущего независимого государства еще в 1896 году, направил еврейский народ в русло борьбы за реализацию поставленных задач, которая непрерывно протекала в течение 5 десятилетий. Что касается армянского народа, то результаты Берлинского конгресса, после которого и сформировалось понимание “Армянского вопроса”, стали стимулом отнюдь не для начала целенаправленной борьбы за свои законные права. Наоборот, в подсознании всего армянского народа укоренилась мысль о том, что нас все обижают, что всем наплевать на судьбу нашей многострадальной нации, что весь мир на чем-то обязан и что-то должен сделать для нашего счастья и благополучия. Плюс ко всему, Холокост лишь ускорил процесс реализации столпов Сионизма, потому что евреи как никогда раньше осознали необходимость создания собственного государства, которое стало бы гарантией их безопасного существования, капелькой надежды на светлое и безоблачное будущее. Что касается

последствий Геноцида, то и армяне создали собственное государство, но только независимая республика в 1918 году, как и в 1991, была лишь целью, а не средством для достижения этих самых целей.

6. Естественно, никак нельзя обойтись без сравнения двух независимых государств – *Армении* и *Израиля*. Дело в том, что армянские и еврейские лоббистские структуры понимают важность благосостояния своих стран, откуда они, или же их предки, эмигрировали в то государство, откуда и осуществляется лоббистская деятельность. В мире очень мало стран, которые приводятся в пример в контексте изучения того или иного явления. Например, эталоном для всего мира являются такие понятия, как "Сингапурское чудо", "Банковская система Швейцарии", "Скандинавский социализм" и т.д. Важен тот факт, что в данном списке постоянно фигурируют такие словосочетания, как "Спецслужбы Израиля", "Безопасность в Израиле", "Израильский опыт борьбы с терроризмом" и т.д. Следовательно, независимое государство стало для евреев лишь средством осуществления жизненно важных целей – становления одной из самых безопасных стран мира, с высоким уровнем медицины и технологий, с демократической системой правления, где действуют институты власти, системы сдержек и противовесов, и не позорно подавать в отставку, если тот или иной весомый политик не справился в возложенными на него обязательствами [**7**, стр. 79].

Независимое правовое государство – единственная возможность иметь мощные лоббистские структуры, которые сделают все возможное для успеха на дипломатическом и политическом поприще. Узурпация власти и отсутствие демократических институтов влияют на ухудшение жизни нации не только внутри самого государства, но и за ее пределами. Если нет уверенности в том, что собранная усилиями членов общины финансовая помощь дойдет до граждан страны, то сойдут на нет не только денежные дотации, но и авторитет и мощь лоббистских структур, целью которых является, в том числе, сбор средств для поддержки родного государства.

7. *Исключительность*. Очень сложно раздобыть на нашей планете какой-либо этнос или даже племя, которое не считает себя избранным и хотя бы чуточку лучше всех остальных. Если данное утверждение соответствует действительности, значит, считать себя исключительными – в порядке вещей даже в масштабах целой планеты. Но в чем же кроется причина ярко выраженной исключительности именно армянского и еврейского народов? При изучении и сравнении этих феноменов мы вновь столкнемся с религией. Иудаизм и Армянская апостольская церковь, по сути, уникальные явления для каждого из народов: религия сыграла и продолжает играть весомую роль в жизни двух обществ. На протяжении веков, церковь являлась тем учреждением, которое было вынуждено имитировать государственный институт, регулирующий правоотношения между отдельными членами общества, а также отвечать за сохранение национальной идентичности, посредством собраний, проповедей, молитв, служб и книг на родном языке. И даже сегодня подавляющее большинство еврейского и армянского обществ считает себя религиозным. К сожалению, в очень близкой связи с исключительностью находится такое понятие, как *национализм*. Это многогранное явление, которое может оказывать как положительное, так и отрицательное воздействие на жизнь и процветание социума. Национализм – любовь к собственному народу – может оказаться благоприятным явлением только в том случае, если лидеры нации "любят" всех одинаково, не разделяя общество на "друзей" и всех остальных. Яркий пример – Шарль де Голль – для которого не было понятия "особый француз", ведь всех 50 миллионов он считал своим народом. Но если индивид любит и боготворит определенный объект (человека, идею, народ), то он априори выделяет те качества, которые отличают данный объект от всех остальных аналогов. Именно здесь и таятся зачатки негатива и агрессии ко всем остальным "объектам", отличным от "обожаемого", ведь если есть различия, значит, они чем-то хуже, а может даже и враждебны. Не секрет, что агрессия должна где-то проявлять себя, и если она не находит возможность выражение во внешней среде, то непременно уходит внутрь.

Израильский национализм находил применение за пределами государства, потому как велись постоянные войны с соседними странами и их коалициями. В отличие от Израиля, армянский национализм утратил возможность внешнего выплеска после окончания активной военной фазы Карабахского конфликта и, к сожалению, ушел внутрь – выбрав своей мишенью армянский народ.

8. По причине того, что под термином "*лоббизм*" понимаются все попытки оказания давления на законодательные и исполнительные органы тех или иных государств, вполне естественно, что отношение к понятию в большинстве случаев бывает негативным. Положительным для армянского лобби является тот факт, что оно воспринимается менее критично, чем действия еврейских коллег, которые зачастую ассоцииру-

ются с понятиями “всемирный заговор”, “масоны”, “тайные правительства”.

9. *Результаты*. Самым важным результатом деятельности еврейских и армянских лоббистских структур является их наличие в демократических обществах западных стран, не только в США. Известно, что и армянские, и еврейские формирования и общественные организации всячески способствовали отменам ограничений на иммиграцию представителей своей нации на территорию США. Следовательно, лоббистские структуры могут появиться в той или иной стране лишь в случае наличия общины и потребности решать их насущные проблемы.

В настоящее время Израиль намного эффективнее пользуется экономической и политической поддержкой Соединенных Штатов, чем это делает Республика Армения. Речь идет не только о выборе Израиля в качестве основного союзника в ближневосточном регионе, но и о миллиардных финансовых вливаниях в различные области экономики страны. С 1949 по 2009 год – за 60 лет – американское государство направило в Израиль 106 млрд. долларов финансовой помощи [**9**]. Более того, израильтяне получают от США почти 3 млрд. долларов ежегодно.

Что касается политической поддержки, то кроме произраильских заявлений высокопоставленных деятелей американской политики, стоит обратить внимание на следующий факт: с 1972 по 2006 год, в рамках ООН, США использовали право вето для 42 антиизраильских резолюций [**10**].

10. *Перспективы деятельности*. Лоббизм – уникальное явление, цели, задачи и перспективы которого зависят от того, как именно изменяются геополитическая картина мира и региона, а также насущные проблемы родного государства и собственного народа. Израиль – страна ближневосточного пространства, которая постоянно находится под угрозой физического уничтожения, либо создана мощнейшая иллюзия потенциальной ликвидации, что, в прочем, оказывает аналогичное воздействие на постоянную необходимость совершенствовать уровень безопасности и искать технические и военные решения для обеспечения спокойного существования еврейского народа.

Как ни странно, но Республика Армения находится в более выгодном положении именно в контексте “перспектив деятельности”. Не секрет, что политический, научный, военный и экономический потенциал нашей страны только готовится раскрыться. На данный период времени мы находимся на пути превращения в свободную и демократическую республику, а это значит, что перед нашими глазами будут разворачиваться серьезные институциональные преобразования во всех ветвях политической власти. Задача армянских лоббистских структур – умело использовать этот период для поднятия имиджа Армении в западных странах в качестве регионального эталона демократического и правового государства. С другой стороны, необходимо сделать все возможное для возрождения и процветания армянского гражданского общества в духе бархатной революции посредством непрерывной организации семинаров, круглых столов и других аналогичных мероприятий с использованием не только СМИ, но и современных средств коммуникации – социальных сетей и медиаплатформ.

Независимая республика Армения делает первые и робкие шаги по тропе развития высоких и информационных технологий, что является единственной возможностью продвижения в ногу со временем, безальтернативным вариантом быть равным другим и даже перегонять страны развитой части мира. Проармянские группы и общественные организации должны продолжать свою деятельность, направленную на создание в Армении образованного и прогрессивного общества, считающего себя частью планетарного социума, закрывшего глаза и уши на мнения и отношения сильных мира сего.

И, наконец, экономическая привлекательность страны, которая является важнейшим фактором восприятия субъекта международного права в качестве весомого игрока на указанном поприще. Армянские общественные организации и лоббистские формирования западных стран должны направить свои усилия не только на обеспечение гуманитарной помощи двум армянским государственным образованиям, но и обязаны сделать все возможное, чтобы на месте создать условия для развития важнейших секторов армянской экономики, которые были доселе попросту обделены столь необходимым вниманием.

Список использованной литературы

1. **Григоренко А. Ю.** Религиоведение. Учебное пособие для студентов педагогических вузов // Издательский дом "Питер" – 2008 – С.310.
2. **Бердяев Н. А.** Христианство и антисемитизм // Библиотека “ВЕХИ”. 2000 . С. 8
3. **Гитлер**: "кто сейчас помнит Геноцид армян?" [Электронный ресурс]: https://regnum.ru/news/393675.html
4. **Schabas W.**, Genocide in international law: the crimes of crimes. — Cambridge University Press, 2000 — p. 25.:
5. Штат Индиана признал Геноцид армян [Электронный ресурс]:

https://armenpress.am/rus/news/911537/shtat-indiana-priznal-genocid-armyan.html
6. TOTAL ANCESTRY REPORTED. Universe: Total ancestry categories tallied for people with one or more ancestry categories reported. 2011 American Community Survey 1-Year Estimates: [Электронный ресурс]: http://ia601604.us.archive.org/19/items/2011AmericanCommunitySurveyAncestry/2011Acs.pdf
7. **Meir G.** My Life. G. P. Putnam's Sons // Francine Klagsbrun Hardcove, 1975, p. 79
8. Congressional Research Service. “U.S. Foreign Aid To Israel”, Jeremy M. Sharp, December 4, 2009.
9. **Иванов Е.**, Этнические лобби в США, 20.01.2010 [Электронный ресурс]: http://www.armtoday.info/default.asp?Lang=_Ru&NewsID=20469

Сдана/Հանձնվել է՝ 07.08.2019
Рецензирована/Գրախոսվել է՝ 16.08.2019
Принята/Ընդունվել է՝ 19.08.2019

БАЛЛАДА ЛЕРМОНТОВА “ТРИ ПАЛЬМЫ” В АРМЯНСКИХ ПЕРЕВОДАХ

Татевосян Р.В.
АГПУ им. Хачатура Абовяна,
зав. кафедрой зарубежной литературы,
доктор филологических наук, профессор

LERMONTOV’S POEM “THREE PALMS” IN THE ARMENIAN TRANSLATIONS

Tadevosyan R.
Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department of Foreign Literature
Armenian State Pedagogical University
after Kh. Abovyan

Аннотация

В статье рассматриваются три перевода баллады Лермонтова “Три пальмы” – Р.Патканяна (1889), С.Вауни (1941) и Ф.Киракосяна (2007). В переводе Р.Патканяна, неоднократно включавшемся в хрестоматии для армянских школ и бесспорно удачном, немало устаревших словоформ. Р.Патканян и Ф.Киракосян перевели десятисложником, С.Вауни – четырнадцатисложником. В переводах сохранена смежная рифмовка оригинала. “Растянутость” строк в переводе Вауни, позволяя вместить, пересказать больше черт оригинала, предполагает внесение дополнений, добавочных штрихов, отдаляющих от звучания и образности баллады. В переводе больше эпитетов, чаще встречается подчинительная связь. В статье отмечаются некоторые неточности, промахи и в то же время удачные решения переводчиков.

Все три перевода, отражающие переводческие подходы своего времени, представляют интересные переводческие интерпретации трагического стихотворения Лермонтова.

Abstract

The article discusses three translations of Lermontov’s ballad “Three Palms” done by R. Patkanyan (1889), S. Vauni (1941) and F. Kirakosyan (2007). There are not a few obsolete word forms in Patkanyan’s translation, which was repeatedly included in the anthology for Armenian schools and is undeniably successful. R.Patkanyan and F.Kirakosyan translated using ten-syllabled line, S.Vauni - by fourteen-syllabled line. The translations preserved the adjacent rhyme of the original. The “stretching” of the lines in Vauni’s translation, allowing to contain, retell more features of the original, supposes to involve the attributives, additional traits that distance from the sound and imagery of the ballad. There are more epithets in the translation, a subordinate clause is used more frequently. The article notes some inaccuracies, blunders and, at the same time, the lucks of the translators.

All three translations, reflecting the translation approaches of their time, represent interesting translation interpretations of Lermontov’s tragic poem.

Ключевые слова: перевод, восточная тема, рифмовка, арменизация текста, живописные детали, цветовые эпитеты.

Keywords: translation, oriental theme, rhyming, armenization of the text, picturesque details, colorful epithets.

Прочитав “Три пальмы”, Белинский писал Н.Станкевичу о появлении на Руси “нового могучего дарования”: “Какая образность! — так все и видишь перед собою, а увидев раз, никогда уж не забудешь! Дивная картина — так и блестит всею яркостию восточных красок! Какая живописность, музыкальность, сила и крепость в каждом стихе, отдельно взятом!” [3, 255]. Живость красок и музыкальность слова не могли не отозваться в живописи и музыке: было создано множество иллюстраций и музыкальных произведений. Отметим два факта армянской культуры, в которой присутствие Лермонтова ощущалось с 40-ых годов XIX века. В.Суреньянц создал более двадцати иллюстраций к произведениям Лермонтова, в числе которых и иллюстрацию к “Трем пальмам”. Известный армянский композитор А.Спендиарян написал симфоническую картину “Три пальмы” (1905), на основе которой в 1913 году в Берлине был поставлен балет (“Семь дочерей короля джинов”). А.Спендиаряну принадлежит тонкое замечание о “философичности” трактовки Лермонтовым восточных тем.

Мы выделили для рассмотрения три перевода баллады Лермонтова – Р.Патканяна, С.Вауни и Ф.Киракосяна. Следует отметить, что в разное время к этому стихотворению обращались также часто переводившие Лермонтова Ов.Пальян [2, 295-296] и В.Норенц [4]. В отдельных случаях мы обращаемся и к этим переводам.

Перевод Р.Патканяна впервые был опубликован в 1889 году [1, 21-22]. В собрании сочинений писателя указывается, что перевод был осуществлен в 1884 году. Известный армянский писатель отмечал, что еще в юношеские годы он вместе с мировой и армянской классикой прочел также произведения Лермонтова, Тургенева, Гоголя, “поверил в святость их чувств и следовал их манере письма” [10,156]. Изучение русской литературы продолжилось в Москве, в Лазаревском институте под руководством видного деятеля армянской культуры, тонкого ценителя русской литературы М.Эмина.

“...С произведениями Пушкина и Лермонтова, – вспоминал впоследствии Р.Патканян, – нас впервые познакомил он (М.Эмин – Р.Т.); часто прямо на своих уроках он брал в руки их произведения и читал нам, вселяя в нас любовь и вкус к этим авторам” [10,163].

Р.Патканян не перевел подзаголовок “Трех пальм” (восточное предание). Он избрал десятисложник (у Лермонтова чередуются одиннадцатисложные и двенадцатисложные строки) и сохранил смежную рифмовку оригинала. Бесспорно удачный перевод не мог избежать неизбежного устаревания, свойственного всем переводам без исключения. В переводе немало устаревших словоформ (նոցա, գլորվեցան, աղբերակ и др.) Перевод Р.Патканяна неоднократно включался в хрестоматии для армянских школ.

В двухтомное [5, 27-29], трехтомное [6, 215-217] собрания сочинений Лермонтова, в однотомник избранных произведений [7, 50-52] включен перевод С.Вауни. В комментариях первых двух названных изданий указывается, что первым переводчиком был Р.Патканян, а в комментариях двухтомника его перевод приводится полностью.

С.Вауни перевел четырнадцатисложником, сохранив смежную рифмовку оригинала.

Перевод Ф.Киракосяна опубликован уже в нашем веке в сборнике “Одинокий парус” [8,36-38]. В нем избран десятисложник и передана смежная рифмовка оригинала. Киракосян, как и Патканян, не перевел подзаговок (восточное предание).

Приведем первую строфу в трех переводах:

В песчаных степях аравийской земли
Три гордые пальмы высоко росли.
Родник между ними из почвы бесплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый, под сенью зеленых листов,
От знойных лучей и летучих песков.

Перевод Р.Патканяна:

Ավազուտ դաշտում Արաբիային
Արմավի երեք գոռոզ ծառ կային,
Ու նոցա տակի գետնից աղբերակ
Կարկաչեցնում էր ջուրն իր սառնորակ,
Ստվերախիտ սաղարթ հովանի էր վրան,
Տոթից, ավազից էր պատսպարան:

Перевод С.Вауни:

Արաբական աշխարհում ավազուտի մեջ անծայր
Հպարտ ու ձիգ աճեցին արմավենու երեք ծառ:
Ու դուրս գալով նրանց տակ, ամուլ գետնի խոռոչում,
Իր սառնորակ ջրերով մի աղբյուր էր կարկաչում,
Որ գեղեցիկ ու կանաչ տերևների հովանում
Թաքչում էր տապ շողերից ու ավազից պաշտպանվում:

Перевод Ф.Киракосяна:

Անապատում Արաբստանի
Աճեցին երեք սեգ արմավենի:
Նրանց տակ աղբյուրն ավազից տոչոր
Բխում էր սառը, անուշ խոխոջով,
Պահվում ծառերի ստվերում հազիվ
Շողից հրացոլ, թռչող ավազից:

Сразу бросается в глаза растянутость строки в переводе Вауни, что, позволяя вместить больше черт оригинала, не уберегает от дополнений, добавочных штрихов, вносимых в перевод и тем самым тоже отдаляющих от звучания и образности лермонтовского стихотворения. В целом же – это три интересных переводческих решения.

В первой же строке (“В песчаных степях аравийском земли”), сжато переданных Р.Патканяном (“Ավազուտ դաշտում Արաբիային”) и Ф.Киракосяном (“Անապատում Արաբստանի”), Вауни вносит эпитет “бескрайний” (“Արաբական աշխարհում ավազուտի մեջ <u>անծայր</u>”). В следующей строке подобраны разные эпитеты к слову “гордые” – “գոռոզ” (Патканян), “սեգ” (Киракосян), “հպարտ ու ձիգ” (Вауни). Два эпитета в переводе Вауни позволяют передать и высоту пальм (ձիգ). В третьей строке цвета (“зеленые листы”) нет в переводах Патканяна и Киракосяна. В переводе Вауни он есть и даже дополнен этипетом “գեղեցիկ” (красивые и зеленые). В этой строке появляется подчинительная связь (ее нет ни в оригинале, ни в двух других переводах) – “<u>Որ</u> գեղեցիկ ու կանաչ տերևների հովանում”.

И последняя строка, завершающая перенос (“<u>Хранимый</u> под сенью зеленых листов/<u>От знойных лучей и летучих песков</u>”), в переводе Вауни утяжеляется двумя глаголами, не передан и перенос: “<u>Թաքչում</u> էր տապ շողերից և ավազից <u>պաշտպանվում</u>”. Нет переноса и в переводе Р.Патканяна, но сохранена сжатость строки.

Ф.Киракосян передает и перенос, и точность эпитета (<u>летучий</u> песок), которого нет в других переводах: “<u>Պահվում</u> ծառերի ստվերում հազիվ/<u>Շողից</u> հրացոլ, թռչող <u>ավազից</u>”.

Во второй и третьей строфе Патканян употребил слово пандухт (в оригинале – “странник”, “ничей”). В переводе Вауни – ոչ մի հողածին, ոչ որի, у Киракосяна – անցորդ, այլոց հայացքով: Нет этого вносящего армянскую акцентировку слова “пандухт” и в переводах Пальяна (“...օտար երկրէ յօգնած ուղևոր”), Норенца (“...օտար աշխարհից և ոչ մի հոգնած մարդ”).

В переводе Вауни больше слов, больше добавлений. Так, строку “И многие годы неслышно прошли” он перевел: “Եվ շատ ու շատ տարիներ եկան, անհետ գնացին” (И многие и многие годы наступили, бесследно прошли). У Патканяна – “Շատ-շատ տարիներ անհայտ գլորվեցան”, в переводе Киракосяна – “Ու շատ տարիներ անցան աննկատ”.

Последние строки этой строфы:

И стали уж сохнуть от знойных лучей
Роскошные листья и звучный ручей,

в переводе Патканяна лишаются эпитетов (знойные, роскошные, звучный), сохраняется краткость строки:

Ցամքեցնում էին շողք արեգակին
Ծառերի սաղարթն ու ջուրն այն ակին:

В переводе Вауни эпитеты переданы, от “знойных лучей” он перевел – от зноя и огненной духоты:

Եվ սկսեցին չորանալ տապ ու տոթից հրաշող
Տերևներ այն փարթամ և աղբյուրը կարկաչող:

Перевод Патканяна:
Ցամքեցնում էին շողք արեգակին
Ծառերի սաղարթն և ջուրն այն ակին:
(Сушили лучи солнца
Деревьев листву и воду того родника)

Киракосян, как и Патканян, меняет залог, находя интересный вариант:

Տաք շողերն էին անխնա վառում
Տերևը շքեղ, զրնգուն առուն:
(Теплые лучи жгли нещадно
Листву роскошную, звучный ручей).

В переводе Вауни передано движение времени (“стали уж сохнуть”) – “Եվ սկսեցին չորանալ”. У Патканяна и Киракосяна изменяется залог, и воссоздается сама знойная картина, а не изменение ее во времени.

“Ничей благосклонный не радуя взор” Вауни переводит, пересказывая, растягивая строку: “Ուրախ չարինք ոչ ոքի և մարդիկ մեզ չտեսան” (Никого не обрадовали, и люди нас не увидели).

У Патканяна и Киракосяна передан смысл, но нет дословной, буквальной точности. Перевод Патканяна: “Ոչ մի պանդխտի չեղանք ապաստան” (Не стали пристанищем ни для одного пандухта).

Перевод Киракосяна: “Ու չենք տեսել մեզ այլոց հայացքով” (И не увидели себя другим взглядом).

В третьей строфе, передающей ропот пальм, есть подчинительная связь (“На то ль мы родились, чтоб здесь увядать?”). В переводе Р.Патканяна ее нет: “Մի՞թե խամրելու աշխարհ ենք եկել” (Неужели для увядания появились на свет). В переводе Вауни есть подчинительная связь: “Նրա համար աճեցինք. որ չորանանք այստեղ մենք”. В переводе Киракосяна она также передана. В нем сильнее звучит ропот пальм, обращенный к богу. Появляется богоборческий пафос в их словах, в том, что и “увядание” выделено словом “беспризорно”: “Մեզ ծնեցիր, որ թառամենք անտեր” (Нас породил, чтоб увяли беспризорно).

В переводе Вауни чаще появляется подчинительная связь, и в бессоюзные предложения он вносит союзные слова.

И только замолкни – в дали голубой
Столбом уж крутился песок золотой,

Вауни переводит:
Հազիվ էին դեռ լռել, երբ հեռանիստ կապույտում
Դեղին ավազն էր արդեն սյունանման պտտվում
(Только они замолкли, <u>когда</u> в далекой голубизне
Желтый песок уже столбом крутился.)

Интонационно точнее звучание у Патканяна, но нет эпитетов, излюбленного Лермонтовым сочетания голубого с золотым:

Հազիվ լռեցան, ահա՛ հեռվից
Փոշին դեպի վեր բարձրացավ գետնից.

В переводе Киракосяна, как и у Вауни, есть союзное слово “когда” и переданы краски этих строк:

Նոր էին լռել, երբ կապույտ հեռվում
Ոսկե ավազը ելավ որտես սյուն.

Перенос в последних строках строфы:
И <u>шел</u>, колыхаясь, как в море челнок,
Верблюд за <u>верблюдом</u>, взрывая песок,

передающий медленное движение каравана, не воссоздан в переводах Патканяна и Киракосяна. У Патканяна: “Ինչպես ծովի մեջ պատահած նավակ/Շարք-շարք գալիս էր ուղտի երամակ”. Перевод Киракосяна: “Ու օրորվելով, ոնց նավը ծովում./Մոտեցող ուղտերն էին երևում”.

Вауни меняет местами строки, но передает перенос: “Եվ <u>ուղտ ուղտի հետևից</u>, ինչպես նավակն օվկիանում,/Օրորվելով հողմածեծ միշտ առաջ <u>էր ընթանում</u>”.

Живописная деталь,
Мотаясь, висели меж твердых горбов
Узорные полы походных шатров,

неточно передана в переводе Вауни:
Ծածանվելով ուղտերի սապատների վերևում,
Վրանների գեղազարդ փեշերն էին երևում.

“Узорные полы” висели меж горбов, а не <u>над ними</u>.

У Патканяна эта деталь точна:
Սապատողներեն դեպ վար կախված
Շերտավոր ու խայտ վրանների քղանց.

Верно и у Киракосяна:
Կոշտ սապատներից կախվել էին ցած
Նախշուն վրանի փեշերը փռված.

Приближение каравана Лермонтов отмечает пестротой красок (яркие ковры, смуглые ручки, сверкание черных глаз, белая одежда, вороной

конь), обилием звуков (нестройное звучание звонков, крик, свист араба), разнообразием движений и жестов (идут верблюды, ручки приподнимают полу шатров, стремительно несется конь). Эпитет "нестройные" есть только в переводе Вауни ("Ղողանջեցին բոժոժները աններդաշնակ զնգոցով"). Ярко и динамично представлена игра араба с копьем:

И с криком и свистом несясь по песку,
Бросал и ловил он копье на скаку.

Перевод Патканяна:

Ու որոտաձայն աղաղակներով
Զենքը խաղցնում ուժգին, չափ տալով:

В переводе Вауни исчезают стремительность, быстрота движений.

Եվ աղաղակ սուլուցով, արշավելով ստեպում,
Իր նիզակն էր նա նետում, առնում՝ նորից շպրտում:

Неточно переданы движения и в переводе Норенца: араб бросает копье и поднимает его с земли ("Իր տեգը վար նետում ու գետնից վերցրնում").

Удачным могло быть решение Киракосяна, если бы не странная замена "копья" на "стрелу", разрушающая всю картину, делающая ее непредставимой с точки зрения демонстрации силы и боевых умений.

Ճիչով, սուլուցով թռչում ավազում
Նետում էր նետն իր, սլացքին որսում:

Длиннотность, растяжение, замедленность строк в переводе Вауни проявляются не только в динамичных картинах. Вот, к примеру, строфа о "гостеприимстве" пальм:

Вот к пальмам подходит, шумя, караван:
В тени их веселый раскинулся стан.
Кувшины звуча налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Приветствуют пальмы нежданных гостей,
И щедро их поит студеный ручей.

Перевод Вауни (дополнения подчеркнуты):

Եվ աղմուկով ծառերին քարավանն էր մոտենում
Ու բացվեցին վրաններ ահա նրանց հովանում:
Զնգուն կժերն են լցված, իսկ ծառերը գեղեցիկ,
Հպարտորեն շարժելով կատարները երկնաձիգ,
Ողջունում են խնդալով անակնկալ հյուրերին,
Նրանց ծարավն է մարում շռայլ աղբյուրն անլռին:

Внесена противительная связь, больше союзов (и, а), слово "поит" переведено "утоляет жажду" и т.д.

Перевод Патканяна точнее, поэтичнее:

Այսպես աղմըկով հասավ քարավանն,
Ծառերի ներքև հարվեցավ վրրան,
Դատարկ անոթներ լըցվեցան ջըրով,
Եվ արմավինիք թավ գագաթներով՝
Նորեկ հյուրերին բարև են տալիս,
Աղբյուրն էլ նոցա իր ջուրն է տալիս:

Удачен и перевод Киракосяна:

Քարավանն ուրախ հասավ ծառերին,
Փռվեց ճամբարը նրանց ստվերին,
Զնգուն կժերը լցվեցին ջրով,
Ու ծառերն իրենց գլուխը սիրով
Լուռ խոնարհեցին հյուրերի առաջ,
Ջուր տվեց սառը աղբյուրը առատ:

За тень, воду, отдых в тени пальм люди платят жестокостью: они срубают вековые деревья. В этой строфе важны антропоморфические детали (одежда пальм, их изрубленные тела):

И пали без жизни питомцы столетий!
Одежду их сорвали малые дети,
Изрублены были тела их потом,
И медленно жгли их до утра огнем.

В переводе Патканяна:

Եկավորք ծառերը վայր կործանեցին,
Ըստահակ տըղերք կաշին քերթեցին,
Փայտը մանրեցավ սուր-սուր դանակով,
Խարույկ դիզեցավ, այրեցավ կրակով,

появляются оценочные слова, которых нет в оригинале: негодные мальчишки содрали кожу деревьев. Слово "одежда" Патканян переводит "кожа", но нет в его переводе "тел" изрубленных: острым ножом измельчается дерево.

Вауни передает эти детали, но вносит и дополнительные штрихи (одежда пышная, изрубили пилой-топором):

Եվ ծառերը դարավոր տապալվեցին անկենդան,
Մանուկները պոկեցին նրանց հագուստը փարթամ,
Մարմինները կտրեցին հետո կացինուրագով
Եվ մինչև լույս այրեցին խարույկների կրակով:

В переводе Киракосяна "малые дети" заменены на "люди", что является отклонением от оригинала, в котором даже дети, еще малые дети причастны к жестокости:

Եվ հարյուրամյա ծառերն ընկան ցած,
Մարդիկ կտրեցին ճյուղերը նրանց.
Հատեցին ապա մարմիններն անհույս
Ու խարույկի մեջ վառեցին մինչ լույս:

Нет здесь и "одежды" деревьев: люди срезают ветви. Так в переводе уменьшается трагичность содеянного.

Наутро караван отправляется в путь, как будто ничего и не произошло:

Когда же на запад умчался туман,
Урочный свой путь совершал караван.

Перевод Патканяна:

Երբ որ արևմուտք մեգը մեկնեցավ,
Քարավանը իսկույն տեղեն շարժեցավ.

Перевод Вауни:

Իսկ երբ անցավ արևմուտք մառախուղը վաղորդյան՝
Քարավանը զնգոցավ շարունակեց իմ ճամփան.

Здесь “туман” определен как “утренний”, движению каравана добавлена звучность (со звоном), но нет здесь, как и у Патканяна, “урочности”, обычности случившегося. В переводе Киракосяна она отчасти выражена словом “беззаботно” (беззаботно отправился):

Իսկ երբ որ ցնդեց խավարը անբառ,
Քարավանն անհոգ բռնեց իր ճամփան.

В развитии метафоры следа в творчестве Лермонтова важны эпитеты, определения. Ничтожные следы уничтожаются временем, сглаживаются им, смываются и исчезают. И есть бессмертные следы, не подвластные времени. “Печальный” и “холодный” след, оставшийся от погибших трех пальм, время безжалостно стирает [9,308].

И следом печальным на почве бесплодной
Виднелся лишь пепел седой и холодный;
И солнце остатки сухие дожгло,
А ветром их в степи потом разнесло.

В переводе Патканяна этот след – серый и легкий пепел:

Նորա հետևից չոր գետնի վըրան,
Գորշ թեթև մոխիր եկավ երևան.
Մնացորդն արևի շողք ցամքեցուցին,
Հովերն էլ աստին-անդին ցրվեցին:

У Вауни есть слово “след” с эпитетами “печальный”, уже остывший, “белый”:

Եվ որպես հետք տխրալի անբարեբեր այն վայրում
Արդեն սառած, սպիտակ մոխիրն էր լոկ երևում.
Մնացորդներն էլ արևի ճառագայթներն այրեցին,
Իսկ քամիներն՝ առնելով, ավազուտում ցրեցին:

В переводе Киракосяна – “не осталось другого следа”, только пепел белый и холодный. Такое решение не вписывается в контекст развития образности “следа” в поэзии Лермонтова. Нет и важного эпитета “печальный”:

Ամայի հողին այլ հետք չմնաց,
Մոխիրն էր միայն ճերմակ ու սառած,
Ինչ մնացել էր՝ արևը վառեց,
Եվ քամին տարավ, աշխարհին ցրեց:

Последняя строфа стихотворения представляет горестный итог, опустевший край:

И ныне все дико и пусто кругом –
Не шепчутся листья с гремучим ключом:
Напрасно пророка о тени он просит –
Его лишь песок раскаленный заносит
Да коршун хохлатый, степной нелюдим,
Добычу терзает и щиплет над ним.

Перевод Патканяна:

Ու խոպանացավ վայրըն այն զվարթ,
Էլ չեն շըշնջում աղբյուր ու սաղարթ,
Խեղճ ակին ոչ ոք չի պատըսպարում,
Ավազն էլ նորան է միշտ տոչորում.
Գիշատիչ անգղը այնտեղ է գալի՝
Ծըվատել-լափել որսն իր նողկալի:

Нет в оригинале, в этих строках, воспоминания о том, что было (в переводе же этот край был веселым – զվարթ), нет сожаления, сочувствия (в переводе родник назван бедным – խեղճ), нет и определения к слову добыча (в переводе – отвратительная, նողկալի). В оригинале нет оценочных слов, есть только сухая констатация. Пустынность и одиночество отзываются и в определении коршуна как “степного нелюдима”, в переводе Патканяна коршун определяется только как “хищник”.

Перевод Вауни:

Եվ ավազուտը հիմա ամայի է և լռին,
Չեն շշնջում տերևներն կարկաչահոս աղբյուրին.
Իզուր է նա աղերսում մարգարեից շուք ու զով,
Նա ծածկվում է հիմա սոսկ արևախանձ ավազով,
Իսկ ուրուրն էլ դաշտային, միշտ մարդախույս ու տրտում,
Նրա գլխին կռինչով իրեն որսն է ծվատում:

Коршун здесь назван “печальным”, что не вписывается в контекст жесткой констатации. В переводах слово “коршун” переведено по-разному: անգղ, ուրուր, ցին.

Перевод Киракосяна:

Հիմա ամայի, լուռ է ամեն ինչ,
Չի խոսում տերևն աղբյուրի հետ ջինջ,
Նա մարգարեին զուր է աղոթում,
Ստվեր չկա, ու ավազն է խեղդում,
Ու մել էլ ցինն է մենակ, անուրախ
Որսն իր ծվատում աղբյուրի վրա:

Коршун здесь назван одиноким и безрадостным.

Отмечая связь “Трех пальм” Лермонтова с “Подражаниями Корану” Пушкина, исследователи

подчеркивали коренное отличие концовки [11, 112] . Стихотворение Пушкина заканчивается происшедшим в пустыне чудом: “Минувшее в прежней красе оживилось”. У Лермонтова нет возможности возрождения красоты, гармонии. Люди убили красоту.

Список литературы

1. “Ардзаганк”, 1889, № 41, с. 21-22.
2. “Базмавеп”, 1904, № 7, с. 295-296.
3. Белинский В.Г. Собр. сочинений в девяти томах, т.9, М., “Художественная литература”, 1982, с. 255.
4. “Гракан терт”, 1934, № 19
5. Лермонтов М.Ю. Избранные произведения, т. 1, Ереван Айпетрат, 1941, с. 27-29 (на армянском языке).
6. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в трех томах, т. 1, Ереван, “Айастан”, 1965, с. 215-217 (на армянском языке).
7. Лермонтов М.Ю. Избранные произведения, Ереван, “Советакан грох”, Ереван, 1982, с. 50-52.
8. Лермонтов М.Ю. Одинокий парус, Ереван, “Иравунк”, 2007, с. 36-38.
9. См.: Лермонтовская энциклопедия, М., “Сов. энциклопедия”, 1981, с. 308.
10. Патканян Р.Г. Собрание сочинений, т. 5, Ереван, Изд-во АН Арм ССР, 1968, с. 156.
11. См.: Эйхенбаум Б.М. Статьи о Лермонтове, М.-Л., 1981, с. 112.

УДК 811.161.1'373.611

АРМЯНСКАЯ АПОСТОЛЬСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ДОНБАССЕ (1998–2018 гг.)

© 2019. *И.И. Саакян*
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Статья посвящена изучению функционирования Армянской Апостольской Православной Церкви Донбасса 1998-2018 гг. как религиозного центра армянской диаспоры региона. Рассматривается история строительства церкви «Сурб Хач» в городе Макеевка, как Первого Духовного Престола Донбасса. Анализируется деятельность настоятелей Армянской Апостольской Святой Церкви, их вклад в консолидацию представителей армянского этноса в Донбассе.
***Ключевые слова*:** Апостольская церковь, церковь «Сурб Хач», Совет Религиозной общины, армянская диаспора, воскресная школа, хачкар.

Донбасс исторически сформировался как этнически многонациональный регион. Для эффективного государственного управления таким регионом чрезвычайно важно учитывать всё разнообразие этнокультурных традиций местного населения. Социально-экономическое становление Донбасса осуществлялось с участием трудовых мигрантов, которые сыграли ключевую роль в формировании народонаселения этого региона и его социокультурного пространства.

Для того, чтобы постигнуть историю народа, необходимо изучить его культуру и религию. Религия во многом определяет характер культуры и образ жизни народов. В данном случаи армянская церковь на Донбассе является необходимым звеном здоровой, эмоционально-психологической составляющей граждан нашего региона армянского происхождения.

Прошлое, настоящее армянской диаспоры в Донбассе представляют собой неисчерпаемый предмет изучения и является актуальным в связи с тем, что она мало изучена и важностью учитывать традиции национальных меньшинств для такого многоконфессионального региона как Донбасс. Армянская Церковь демонстрирует одно неразрывное целое со своей нацией, она сыграла значительную роль в истории армянского этноса.

Целью данной работы является изучение становления в конце XX века Армянской Апостольской Православной Церкви в Донбассе и ее функционирование.

Объект исследования данной работы составляет процесс духовного возрождения армянского общества в Донбассе – его религиозных истоков.

Предмет изучения автора – Армянская Апостольская Церковь «Сурб Хач» города Макеевки как культового, религиозного сооружения, так и центра образовательной, культурной и даже деловой жизни армянской диаспоры.

В научной литературе данная проблема изучалась различными авторами. Так, В. Юмукян в своей статье обращает внимание на определенные механизмы сохранения родного языка, религии и культуры, препятствующие ассимиляции армянского этноса, проживающего в дали от родины [10, с. 235-239]. В. Юмукян ведущую роль в сохранении армянской идентичности в Донбассе отводит армянской церкви города Макеевки как центра сохранения национальной самобытности и очага культуры. В статье О. Морозова подчеркивается доминирование в Донецкой области православного христианства в

условиях независимой Украины [9, с. 233-235]. Приводятся данные, свидетельства о росте численности религиозных общин региона до 1999 г. Армянская Апостольская церковь города Макеевки, также упоминается в данной статье.

С.Ю. Кузнецова в своей статье приводит пример деятельности и количестве воскресных школ национальных меньшинств региона [8, с. 2-5]. Автор обращает внимание на важность дружбы народов Донбасса для создания предпосылок дальнейшего совместного творческого, культурного пути, о значимости неповторимого интеллектуального потенциала каждой этнической группы.

Архиепископ Магакия Орманян в своей работе «Армянская Церковь» дает точные и обобщенные сведения об Армянской Апостольской Церкви и ее достойного места в кругу других церквей.

Основу предлагаемой статьи составляют полевые тетради и материалы устной истории, которые представлены настоятелями церкви «Сурб Хач» города Макеевки:

1. Тер-Юсиком Нуриджаняном;
2. Тер-Нареком Амиряном.

В современной исторической литературе вопрос о становлении Армянской Апостольской Православной Церкви в Донбассе, ее функционировании рассмотрена недостаточно, в отличие от истории Армянской Апостольской Церкви в целом.

В 301 году, в начале IV века, Армения стала первым в мире государством, объявившим христианство официальной религией. Армянская Церковь может с полным правом приписывать себе непосредственное апостольское начало. Оно являет собой нечто неоспоримое в церковной истории. А если предание и освящающие его исторические источники могут привести к критическим замечаниям, то последние столь же легко рассеять, как и недоумения, вызванные при выяснении начал других апостольских церквей, всемирно признанных таковыми [1, с. 10-11].

Армянская Церковь была единственным звеном, связавшим в одно неразрывно целое рассеянные остатки армянского народа. Она, бесспорно, дала ему внутреннюю жизнеспособность. На многие века лишенные политической жизни, армяне ухватились за свою Церковь, как за якорь спасения, и только благодаря этому смогли преодолеть трудности, хотя эта борьба и подорвала силы армянского народа. История показывает, что при отсутствии политических уз, их всецело возмещает церковь, воплотившая в себе народные начала. Она видимая душа отсутствующего Отечества, источник удовлетворения высших запросов человеческого духа [1, с. 210-211].

На территории Донбасса располагаются: действующая церковь «Сурб Хач» (от арм. – Святой Крест) в городе Макеевка; в 2013 году был освящен фундамент церкви в городе Донецке, строительство которого приостановлено в связи с началом в 2014 году военных действий; действующая часовня «Сурб Мариам Аствацацин» (от арм. – Святая Мария Богородица) в городе Луганске; часовня «Аменабркич» (от арм. – Всеспасающий) в городе Мариуполе.

Душой армянской диаспоры Донбасса стала церковь «Сурб Хач», расположенная по ул. Фабрициуса города Макеевки. История ее возведения весьма показательна и поучительна.

Строительство первой Армянской Апостольской Православной церкви на Донбассе началось 7 сентября 1997 года. Шестнадцать авторитетных мужчин, согласно церковной традиции положили 16 камней в фундамент Церкви. Они были привезены из Крыма, из часовни «Сурб Хач».

Возведение церкви в Макеевке потребовало много сил. Построена она благодаря финансовой поддержке уважаемых попечителей: армянина Сурена Элигумовича

Асатряна, первого уполномоченного консула Республики Армения на Донбассе и украинца Вырвича Евгения Павловича. Автором культового сооружения стал архитектор, каменотес, скульптор, строитель Карлен «Карапет» Калантарян, выпускник Ереванского художественного училища им. П. Терлемезяна.

Строительство церкви «Сурб Хач» было завершено в 1998 году. Освящение ее состоялось в праздник Воздвижения Святого Креста. Ритуал провел епископ Украинской Епархии Армянской Апостольской Церкви Натан.

29 октября 2017 года церковь посетил Владыка Епископ Украинской Епархии Армянской Апостольской Церкви Маркос, который освятил Святой Престол церкви «Сурб Хач».

28 октября 2017 года, за день до приезда в Макеевку, Владыка Епископ Маркос посетил город Луганск и освятил часовню «Сурб Мариам Аствацацин», объявив ее единственным «Молитвенным домом» армян Луганщины. Построенная в 2005 году, на месте освященного фундамента (2001 г.), на средства Анаит Качарян-Андреасян, часовня «Сурб Мариам Аствацацин» не действовала, так как не была освящена. Первая церковная служба была проведена 19 января 2017 года в Рождество Христово. Часовня расположена по адресу г. Луганск, ул. Красноармейская, д.82 [2].

Часовня «Аменабркич» города Мариуполя расположена по адресу: село Македоновка, ул. Армянская, д. 1. Она построена на средства Яйлояна Генрика Арутюновича. В часовне «Аменабркич» нет алтаря, в связи с чем здесь не проводят Святую литургию. Она получила свое благословение от архиепископов Украинской Епархии Армянской Апостольской Церкви – Натана (благословил фундамент) и Григориса Буниатяна (благословил часовню) в 1999 году [3].

На территории церкви «Сурб Хач» города Макеевки установлены четыре Хачка́ра (от арм., дословно «крест-камень») – одна из форм армянских архитектурных памятников, представляющих собой каменную стелу с резным изображением креста. Первый хачкар привезен в Макеевку из города Гюмри (бывший город Ленинакан) – Армения, и установлен в 1998 году в память жертв землетрясения 7 декабря 1988 года. Он единственный, из хачкаров церкви «Сурб Хач», сделанный из армянского оранжевого туфа (вулканический туф, магматическая горная порода), остальные хачкары изготовлены из местного песчаника. Отдельно от трех хачкаров, которые расположены в одном ансамбле, во дворе церкви установлен хачкар в память жертв Геноцида – «МЕЦ ЕГЕРН» (от арм., ВЕЛИКОЕ ЗЛОДЕЯНИЕ), армянского народа в Османской империи 1915 года.

24 апреля 2016 года в городе Донецке, на Соборной площади, был установлен армянской диаспорой Донбасса хачкар «В память 100-летней годовщины жертв Геноцида армян». Кроме перечисленных, хачкары установлены в других городах Донбасса: Святогорске, Константиновке, Луганске, Мариуполе.

Просветительскую деятельность в церкви «Сурб Хач» как Первого Духовного Престола Донбасса, вели настоятели Армянской Апостольской Православной Церкви Донбасса:

1. Тер-Вардан Варданян (1998-2001 гг.);
2. Тер-Артак Симонян (февраль 2002 г. – октябрь 2007 г.);
3. Тер-Юсик Нуриджанян (апрель 2008 г. – март 2016 г.);
4. Тер-Нарек Амирян (с октября 2016 г.).

Церковь руководствуется Уставом о религиозных общинах; он единственный для всех армянских общин мира, но в него вносятся изменения в соответствии с законами страны, где расположена Армянская Апостольская Церковь.

По Уставу Религиозная община имеет следующую структуру:

1. Духовный пастырь (священник, настоятель, архимандрит);
2. Общее собрание членов общины;
3. Религиозный Совет, которые координируют ее деятельность. Все вопросы в Совете Религиозной общины решаются большинством голосов. Каждые три года по Уставу проводятся выборы в Совет Религиозной общины.

10 июня 2018 года в церкви «Сурб Хач» были проведены очередные выборы Совета религиозной общины. В его состав вошли:

- атенапет (председатель) – Арменуи Бабоян;
- секретарь – Георгий Петросян;
- казначей – Давид Хачатрян;
- три члена ревизионной комиссии.

Совет Религиозной общины армян Донбасса оказывает помощь тяжелобольным (оплата сложных операций). Помощь оказывается и в восстановлении просроченных документов гражданам Армении, временно проживающих на территории Донбасса, через посольство Армении в городе Киеве.

Армянская Апостольская Православная Церковь Донбасса проводит все государственные праздники Республики Армения, культовые и культурные мероприятия [2].

16 сентября 2018 года в праздник Воздвижения Святого Креста церковь «Сурб Хач» отмечала свой двадцатилетний юбилей. В этот прекрасный осенний день повсюду, во дворе церкви, ощущалось праздничное настроение. Голоса улыбающихся детей, радостные приветствия взрослых, музыка и стихи, народные песни и танцы, армянская речь, звучащая со сцены – все это сплотила присутствующих. Здесь можно было встретить жителей из Макеевки, Донецка, Енакиево, Константиновки, Снежного, а также представителей армянской диаспоры «Урарту» из города Луганска. Организована была фотовыставка из фотографий личных семейных архивов, охватившая период с 1998–2018 гг., связанная с событиями жизни и церкви «Сурб Хач».

Празднование началось со Святой литургии, после которого Тер-Нарек провел красивый обряд венчания нескольких супружеских пар, разной возрастной категории. После церемонии венчания пары выпустили голубей, возложили цветы у хачкара «МЕЦ ЕГЕРН». Далее начался концерт. Всех присутствующих уже ожидали накрытые праздничные столы с блюдами армянской кухни. Но главнее всего, в этот праздничный день, была духовная «пища» [4].

Ежегодно армянской диаспорой отмечаются такие памятные - скорбные даты:

- 24 апреля 1915 года Геноцид армянского народа в Османской Турции, безвинные жертвы которого к 100-летней дате Геноцида в 2015 году Армянской Апостольской Церковью были возведены в лик Святых;
- 7 декабря 1988 года землетрясение в Армении.

Мероприятия начинаются с литургии в церкви, а потом организовываются мероприятия, которые освящают те или иные события. Например: 7 декабря 2016 г. в кинотеатре «Звездочка» города Донецка был организован показ художественного фильма «Землетрясение», увидеть который могли все желающие – вход был свободный. Это событие было освещено местными средствами массовой информации; 24 апреля 2018 г. в кинотеатре им. Т.Г. Шевченко организовано было мероприятие, посвященные Геноциду армян; 7 декабря 2018 г. в Фунтуре Синема торгово-развлекательного центра «Донецк Сити» был организован показ художественного фильма «Спитак», увидеть который могли все желающие – вход был свободный [2].

Хочется отметить, что в трудные дни 2014 года, Армянской Апостольской Церковью и всей армянской диаспорой дважды была доставлена гуманитарная помощь (30-35 тонн продуктами питания: овощи, крупы, подсолнечное масло и т.д.), которые раздавали всем желающим принять эту гуманитарную помощь, не только армянским семьям. Помощь была оказана почти 1500 семьям, детским домам, больницам, домам престарелых, детскому саду в городе Луганске [3].

Начиная с 1998 года при содействии армянской диаспорой Донецка, были организованы воскресные школы: Тер-Варданом при церкви «Сурб Хач»; Тер-Артаком при церкви «Сурб Хач» и в Макеевской общеобразовательной школе №2; Тер-Юсиком при церкви «Сурб Хач» и в Донецкой общеобразовательной школе №9; Тер-Нареком при церкви «Сурб Хач» и в городе Донецке в здании армянской диаспоры, а с сентября 2018 г. в школе №9 г. Донецка (вместо здания армянской диаспоры). Обучаться армянскому языку могут также жители города Луганска в воскресной школе «Школа Выходного дня». «Школа Выходного дня» организованна армянской общиной «Урарту», официально зарегистрированной 25 февраля 2017 года. На сегодняшний день армянские школы действуют в городах: Краматорск, Константиновка, Мариуполь. Обучаться армянскому языку могут все желающие независимо от возраста, как армяне, так и представители другой национальности [2].

В церкви «Сурб Хач», при настоятеле Отце-Юсике (2008-2012гг.), неоднократно организовывались летние площадки для детей, экскурсии по достопримечательным местам Донбасса и других городов – Луганск, Мариуполь, Святогорск, Харьков, Одесса. Телеканал ЮНИОН в 2009 году освещал деятельность Тер-Юсика и Армянской Апостольской Церкви в рамках рубрики «История Макеевки в семейных биографиях».

В церкви «Сурб Хач», при Тер-Артаке Симоняне (2002-2007гг.) издавался журнал «Наири». С ноября 2008 г. по 2015 г. Тер-Юсик Нуриджанян издавал церковно-информационную газету – ежемесячник «Киликия» [3].

Издательское дело при церкви «Сурб Хач» временно приостановлено, в связи с военно-политической ситуацией в регионе.

Таким образом, на основании проведенного исследования, мы рассмотрели процессы становления и функционирование Армянской Апостольской церкви в Донбассе с 1998 – 2018 гг. Сохранение этнокультурной самобытности всех армян Донбасса зависит от умелой координации действий армянской церкви и армянских общественных организаций региона.

Церковь «Сурб Хач» – частичка Армении, где можно утолить ностальгию по родной земле, многолетнюю тоску по родным горам, родникам, духу, она видимая душа армянского Отечества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архиепископ Магакия Орманян. Армянская Церковь / примечания о. Г. Маиляна. – Ереван: Анкюнакар, 2012. – С.11–211.
2. Интервью. Настоятель Армянской Апостольской Православной Церкви Донбасса священник Тер-Нарек Амирян, 1968 г. рождения, образование высшее, г. Макеевка, беседа длилась 2 ч. 50 мин., запись сделана 04.03.2018 г.
3. Интервью. Настоятель Армянской Апостольской Православной Церкви Донбасса священник Тер-Юсик Нуриджанян, 1980 г. рождения, образование высшее, г. Макеевка, беседа длилась 2 ч. 30 мин., запись сделана 29.11.2014 г.
4. ПМА 1 – Полевые материалы автора. Город Макеевка, ул. Фабрициуса, Армянская Апостольская Православная Церковь, 16 сентября 2018 г.

5. Аннинский А.И. История армянской Церкви. (До XIX века) / А.И. Аннинский. – Кишинев: тип. М.Я. Спивака,1990. – 324 с.
6. Восканян В.К. Исторические связи и дружба украинского и армянского народа. – Ереван: АН Арм. ССР, 1971. – 374 с.
7. Из истории армяно-украинских, венгерских и молдавских отношений. Сб. статей и материалов. Составители: К. Хачатрян, О. Алексанян. Редактор К. Хачатрян. – Ер.: Инст. Истории НАН РА, 2012. – 224 с.
8. Кузнецова С.Ю. О деятельности общественных формирований национальных меньшинств в Донецкой области / С.Ю. Кузнецова // Межэтнические культурные связи в Донбассе: история, этнография, культура: сб. ст. / Под ред. А.А. Дынгеса и др. – Донецк, 2000. – С. 2–5.
9. Морозова О. Формирование и современное состояние этноконфессиональной карты Донецкой области / О. Морозова // Межэтнические культурные связи в Донбассе: история, этнография, культура: сб. ст. / Под ред. А.А. Дынгеса и др. – Донецк, 2000. – С. 233–235.
10. Юмукян В. Религия как консолидирующий фактор в жизни армянской диаспоры/ В. Юмукян // Межэтнические культурные связи в Донбассе: история, этнография, культура: сб. ст. / Под ред. А.А. Дынгеса и др. – Донецк, 2000. – С. 235 - 239.
11. Петросян Е. Армянская Апостольская Святая Церковь. ─ Св. Эчмиадзин, 1996. – 152 с.
12. Ter Husik [Электронный ресурс]. – Режим доступа: go2kino.ru›poisk/TerHusik (дата обращения: 29.03.2018 г.)
13. Ter Husik Nurijanyan (Տեր Հուսիկ քհն. Նուրիջանյան)… [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Cheinspasumxrono 5443,govazd2902,eter 20.11/2011, Ter Husik (дата обращения: 29.03.2018 г.)
14. Этнические сообщества Украины: история, современность, будущее: Сб.ст. / Под ред. А.А. Дынгеса, С.Ю. Кузнецовой. – Донецк: Апекс, 2006. – 486 с.

Поступила в редакцию 12.04.2019 г.

ARMENIAN APOSTOLIC ORTHODOX CHURCH IN DONBASS (1998–2018)

I.I.Saakyan

The article is devoted to the study of the functioning of the Armenian Apostolic Orthodox Church of Donbass 1998-2018. as a religious center of the Armenian diaspora of the region, a brief description of the origins of the Armenian Apostolic Church. The history of the construction of the Surb Khach church in the city of Makeyevka, as the First Spiritual Throne of Donbass, is considered. The activities of the pastors of the Armenian Apostolic Holy Church, their contribution to the consolidation of representatives of the Armenian ethnic group in the Donbas are analyzed.

***Key words**:* Apostolic Church, Surb Khach Church, Council of Religious community, Armenian diaspora, Sunday school, khachkar.

Саакян Инна Ивани
Аспирант кафедры истории России и славянских народов исторического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
E-mail: Saakyan-inna@mail.ru

Saakyan Inna Ivani
Postgraduate student, Department of Russian and Slavic peoples, Faculty of History, Donetsk National University.
E-mail: Saakyan-inna@mail.ru

ДАВТЯН РИПСИМЕ АРМЕНОВНА
ПАСЕНОВА МАРИЯ НИКОЛАЕВНА
ПОПОВА АНАСТАСИЯ ЕВГЕНЬЕВНА
Россия, г. Белгород, Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
ripsime.davtyan94@mail.ru, mariya_pasenova@mail.ru, popova.an2001an@yandex.ru

ЗНАМЕНИТЫЕ АРМЯНСКИЕ ВРАЧИ СРЕДНИХ ВЕКОВ

В статье были проанализированы биографии и достижения знаменитых армянских врачей средних веков. Медицина существовала в Армении с древнейших времен. До нас дошли каменные и металлические изображения матери с грудным ребенком на руках (символ материнства и плодородия), медицинские инструменты эпохи Урарту, черепа со следами трепанации. Древние армяне накопили немало практических знаний в области врачевания. В армянской литературе сохранились от древних времен медицинские знания эмпирического характера и описания заговоров, заклинаний, молитв для лечебных целей.

Армяне в разные периоды истории, играли огромную роль за пределами своей родины, вносили незаменимый вклад в сферу медицины, культуры, философии, науки. Представим некоторых представителей армянской национальности, которые внесли огромный вклад в развитие мировой медицины.

Григорис (конец 13 в. - начало 14 в.) - армянский врач эпохи феодализма в Армении. Он получил медицинское образование в Киликийской Армении. Является автором труда «Исследования в естестве человека, об испытываемых им воздействиях и причинах его болезни». В нем применялось достояние классиков мировой медицины. Тщательно изложены почти все заболевания, которые известны древней и средневековой медицине. Любое заболевание он видел в тесной связи с окружающей средой, огромное внимание уделял условиям жизни, воде, пище, конституции, возрасту, душевному состоянию, личной гигиене. Он предполагал существование заразного начала, считал, что заразные болезни могут передаваться путем контакта с больными [2].

При описании болезней Григорис высказал идею о единстве человеческого организма и, считал, что «все органы тела связаны между собой как дружелюбные соседи. Если одного постигает горе, то тоскуют все». Головной мозг, рассматривал, как «царем всего организма». Если в нем развивается опухоль и она, увеличиваясь, достигает нерва, который обусловливает движения языка, то человек лишается речи.

При исследовании больного Григорис применял субъективную систему анамнеза, которая состояла из 24 вопросов. При лечении болезней придавал большое значение индивидуальным особенностям больного, психотерапии, использованию диеты и природных факторов.

Ему принадлежит труд, «Анализ природы человека и его недугов», которая состоит из двух разделов: патологии и фармакологии. Первый раздел включает 20 подразделов, в котором описаны 330 рецептов лекарственных средств животного, растительного и минерального происхождения. Григорис самостоятельно описывал сложные лекарственные смеси. Во втором разделе защищает идею единства тела, считая, что болезнь одной части тела влияет и на все остальные [2].

Буниат Себастаци (арм. Բունիաթ Սեբաստացի) - армянский учёный, врачеватель XVII века, родился в конце XVI века в городе Себастия. В 1626 году в Марзване сформировал труд «Пользы медицины» Амирдовлата Амасиаци, расширив авторскими комментариями. В 1630 году в Самсуне написал свой труд «Книга о медицине», который состоит из 50 глав, в котором описываются методы диагностики и лечения различных заболеваний, таких как, желудка, печени, кишечника, глаз, почек, носа, уха, опухолевых заболеваний, половых органов. Для разработки труда он использовал армянские, греческие и арабские источники. Также в данном труде, несколько глав посвящены фармакологии. В 1632 году Буниат пересмотрел другие труды Амирдовлата - «Ненужное для неучей» и «Ахрабадин», где он, как и Амирдовлат Амасиаци, придавал большое значение душевному развитию врача, он говорил о значимости баланса между душой и телом, говоря, что «кто не здоров физически, не может служить Богу». Считал, что нет лучшего предмета для обучения, чем медицина, потому что, работа врача имеет прямую связь со здоровьем человека [1].

Асар Себастаци (арм. Ասար Սեբաստացի) - армянский учёный, лекарь XVI—XVII веков, родился в 1565 году в городе Себастия, в семье лекаря Бархудара. Он находился под влиянием Амирдовлата Амасиаци. Жил примерно до ста лет, своё долголетие объяснял систематическим употреблением мёда. Получил популярность как автор медицинского труда «Книга врачебного искусства» (арм. «Գիրք Բժշկական Արհեստի»), которая была написана в 1614-1622 годах. Данный труд состоит из двух разделов: фармакология и история медицины. Содержит 140 глав, большая часть которых представляет собой редакцию армянских и восточных медицинских трудов, с дополнениями. В конце данного труда имеется слов

Галуст Амасиаци (арм. Գալուստ Ամասիացի) - армянский врач XVII века, родился в городе Амасья. С 1669 года осуществлял обширную врачебную деятельность в Самсуне, Амасьи, Константинополе, Ване, Адане, Мараше. Занимался хирургией, офтальмологией, также лечением внутренних заболеваний. В лечебных целях использовал лекарственные таблетки, растворы. Большое внимание придавал рациональному питанию, говорил, «употреблять еду как лекарство, чтобы потом не употреблять лекарство как еду». В вопросах хирургии уделял внимание не только на гигиену, но и на материал хирургических инструментов и швов: например, при ранениях стрелой рекомендовал наложение шёлковых швов с по-

мощью стальной иглы. Галуст написал медицинские труды об анатомии, патологии и фармакологии, которые дошли до нас в двух вариантах: оригинальной и сокращённой. Анатомическая часть труда опирается на сочинении «О строении человека» Абу-Саида, в котором содержится 155 глав [4].

Ишох (арм. Իշոխ) - армянский и ассирийский учёный, естествоиспытатель и философ XIII века, крупный оратор киликийской медицинской школы. Родился в Эдессе в конце XII века. Является автором труда «Книга о природе всеобщей и частной», который был написан на армянском языке. Сначала работал в Мелитене, потом переехал в Сис, где работал главным врачом в новосозданной больнице. Ишох перевёл на армянский четыре труда Михаила Сирийца - «Признание в вере», «Учение о служении», «Книга католикосов» и «О степенях веры». В медицинской части труда Ишох представляет свои глубокие знания в области анатомии и эмбриологии. Он дает правильные временные отрезки формирований и развитий частей тела у плода.

Степанос (арм. Ստեփանոս) - армянский врач XIII века, представитель киликийской медицинской школы, ученик Мхитара Гераци. Степанос был сыном известного врачевателя, Аарона, у которого и получил медицинское образование. Степанос обучился также, у Мхитара Гераци - основателя армянской медицинской школы. Он много путешествовал, и некоторое время жил на Кипре и в Тарсоне. Написал крупнейший труд (900 страниц) по имени «Цагик», в котором описаны труды по фармакологии, клинической терапии и диагностике.

Аарон Едесиаци (арм. Ահարոն Եդեսիացի) - армянский врач XII-XIII веков, основатель целой врачебной династии. Родился в городе Эдесса. Амирдовлат Амасиаци в своём труде «Ненужное для неучей» упоминает Аарона и его потомков - сыновей Степаноса и Чошлина, а также Акопа, Саргиса, Дегина, Симавона и Ваграма, ставя их в один ряд с Мхитаром Гераци и отмечая, что они «написали много книг о воздействии и полезности лекарств» [3].

Абу-Саид (арм. Աբու Սաիդ) - средневековый врач, который жил и работал в Киликийской Армении. Родился в Эдессе. Работал в больницах Киликийской Армении, был современником и соратником Мхитара Гераци и Аарона Едесиаци. Известен по своему труду «О строении человека», в котором рассматривает вопросы анатомии. Книга, первоначально была написана на сирийском языке, и уже при жизни автора была переведена на армянский. Насыщена идеологией античных учёных, например, Аристотель, Гиппократ, Немезий, Гален, Григорий Нисский. В книге анализируются знания о структуре человеческого тела в Киликийской Армении [1].

Алексианос (арм. Ալեքսիանոս) - средневековый армянский врач. Жил в области Шамкорадзоре, помимо врачевания, занимался пчеловодством. Он написал труд по фармакологии, состоящий из 80-и разделов. В труде «Ле-

чебник» включает рецепты лечения внутренних, нервных, хирургических, кожных, женских и других заболеваниях. Также есть информация о болезнях животных. Один из разделов книги назван «О пчёлах», в котором содержатся 24 совета об уходе за пчёлами по всему годовому циклу [4].

Список литературы

1. Варданян С.А. История медицины Армении. Ереван, 2000 (арм.). С. 38-48.
2. Кцоян А.С. Врач Григорис - выдающийся представитель медицины эпохи развития феодализма в Армении, Изв. АН Армянск. ССР, Мед. науки, т. 1, 196. С. 97,
3. Варданян С.А. Медицина в древней и средневековой Армении = Բժշկություն հին և միջնադարյան Հայաստանում. - Ер.: Советакан грох, 1982. - С. 35-58 с.
4. Медицина в древней и средневековой Армении. Ереван: Советакан грох, 1982, 172 с.

ДАНЬШИН НИКИТА АНДРЕЕВИЧ

Россия, г. Краснодар, Негосударственное аккредитованное некоммерческое образовательное учреждение высшего образования «Академия маркетинга и социально-информационных технологий – ИМСИТ (г. Краснодар)

Научный руководитель: **БУРЯК Н.Ю.**, кандидат культурологии, доцент кафедры педагогики и межкультурных коммуникаций Негосударственное аккредитованное некоммерческое образовательное учреждение высшего образования «Академия маркетинга и социально-информационных технологий – ИМСИТ (г. Краснодар)

Nickita.danshin2017@yandex.ru

ПРОДВИЖЕНИЕ МАЛОГО БИЗНЕСА В ИНТЕРНЕТА

Данная статья рассматривает проблему развития малого бизнеса в интернете. Главные ошибки, которые обычно делают предприниматели малого бизнеса в интернете. На какие аспекты PR следует обратить внимания, чтобы заинтересовать потенциального покупателя.

Продвижение – это совокупность мер, направленных на привлечение потенциальной целевой аудитории, удержание уже существующей и поддержание популярности с помощью коммуникаций с клиентами, партнерами и спонсорами. Значение продвижения в социальных сетях за последние несколько лет возросло настолько сильно, что его выделили в отдельную отрасль маркетинга – Social Media Marketing (SMM). Согласно теории SMM, раскрутка в социальных сетях является эффективной, поскольку в основе продвижения лежат доверительные отношения между пользователями социальных сетей. [2]

В настоящее время интернет стал неотъемлемой частью нашей жизни. В нем происходит общение, обмен информацией и разного вида коммуникации, но также происходит продвижение товаров и услуг. Всё чаще люди предпочитают заказывать вещи через интернет. Поэтому у представителей малого бизнеса существует странички в социальных сетях, напри-

предложенные еще германским архитектором, присутствуют, правда, с определенными изменениями, и в планировке современного Кемерово. Это, прежде всего общегородская магистраль, идущая от станции в широтном направлении, поперечные бульвары (вместо школьных лент), а также расположение около главной магистрали в районе оврага группы массовых культурно-зрелищных учреждения [5, 2]. Таким образом, градостроительные взгляды Э. Мая на организацию системы общественных пространств оказали заметное влияние на формирование общественных центров ряда крупных городов Кузбасса.

Подводя итог, нужно отметить два обстоятельства борьбы В.Г. Давидовича «против» общественного центра Новокузнецка, запроектированного Э. Маем. С одной стороны, в определенных случаях оба проектировщика предлагали решения, исходя из общих принципов, но действовали в различных ситуациях, чем, на наш взгляд, и определялось различие их проектных предложений. С другой стороны, между ними были и принципиальные, видимо концептуального рода, «разногласия» по вопросам проектирования городов, в частности по вопросу о наиболее эффективной системе организации общественного центра нового города. В результате, оказавшись на острие борьбы ведомственных интересов, они сами, со своей стороны, внесли в нее элемент борьбы градостроительных концепций, которым были привержены.

Библиографический список

1. Давидович В.Г. Вопросы планировки новых городов / Под общ. ред. и вступит. ст. Н.Ф.Попова-Сибиряка и В.И.Боберко. – Л.: ЛНИИКХ, 1934.

2. Гофман С. Новые социалистические города Урало-Кузбасса. Планировка Новокузнецка // Коммунальное дело. – 1931. – № 9. – С.16-17.

3. Аранович Д. Планировка, зеленое строительство, съемка городов // Планировка и строительство городов. – 1934. – № 5. – (июнь). – С.32-33.

4. Конышева Е.В., Меерович М.Г. «Берег левый, берег правый»: Э. Май и открытые вопросы истории советской архитектуры (на примере проектирования и строительства Магнитогорска) [Электронный ресурс] / Е.В.Конышева, М.Г.Меерович // Архитектон: известия вузов. – 2010. – №30. – Режим доступа: http://archvuz.ru/numbers/2010_2/018.

5. ГАНО. Ф.917. Оп.1. Д.104. Планы городов: Барабинска, Ленинска; схема электросети г.Щегловска. – (1931 г.).

S.S. Dukhanov

THE COMMUNITY CENTER OF NOVOKUZNETSK IN THE PROJECT DESIGNED BY ARCHITECT ERNEST MAY (1931)

The article deals with the principles of organization of urban community centers which were worked out by German architect Ernest May in the early 1930s for their projects applied on a few towns located in Western Siberia. Using a wide number of materials, published as well as unpublished, an author of the text presents multicolored picture of improving of urban design in considered region but he takes Novokuznetsk as the best example.

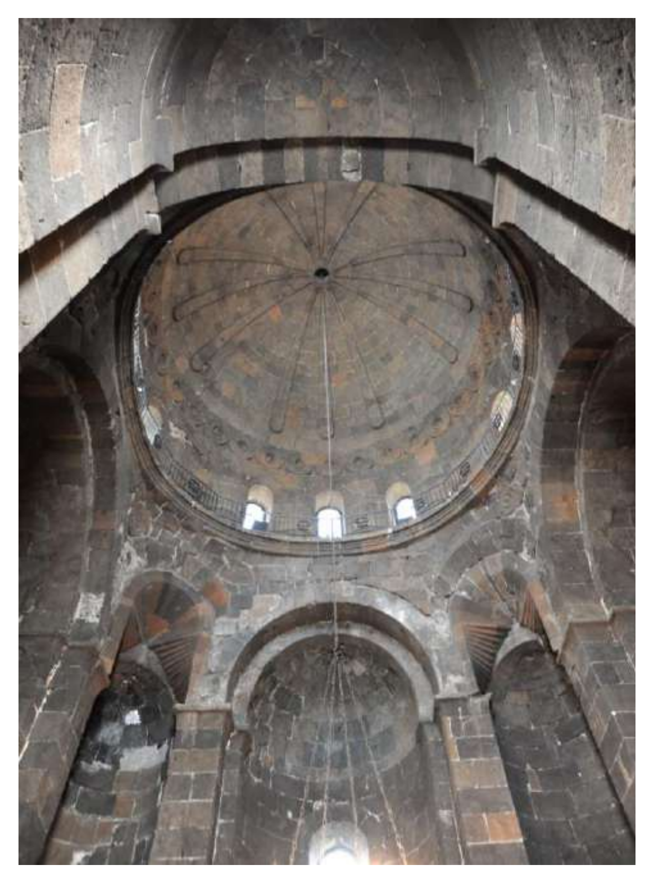
А.Ю. Казарян,
советник РААСН
НИИТИАГ
Москва

«НЕРВЮРЫ» В КУПОЛАХ АРМЯНСКИХ ЦЕРКВЕЙ VII в.

Структурная проработанность всякой архитектурной идеи в армянском храме, геометрическая четкость исполнения деталей вселяют уверенность в конструктивной необходимости даже тех элементов, которые изначально задуманы в качестве декоративных,

при этом, безусловно, семантически значимых и являвшихся частью целостного содержания архитектуры здания. Такое впечатление именно конструктивных деталей оставляют и рельефно исполненные лучи в куполах храмов VII в., которые, как ни странно, почти не становились предметом исследований [5, с. 29–30, 91–92]. Какова же природа этих лучей, нисходящих из вершины купольной полусферы к ее основанию? Насколько этот архитектурный элемент был связан с нервюрами иранских и византийских средневековых куполов? Первый из поставленных вопросов касается памятников как в самой Армении, так и соседней Иверии (Восточная Грузия), архитектура которой в VII в. была интегрирована с армянской в единую традицию.

Наиболее ранний пример таких куполов содержит Аванский собор (590-е гг. или не позднее 602 г.) [2, с. 91–93; 6, с. 52–78; 4, с. 171–192, 256–277; и др.]. Его купола над угловыми круглыми помещениями (центральный купол не сохранился) имеют подчеркнуто «яйцевидную» форму, основаны на кольцевом карнизе и содержат рельефные ребра, исходящие из вершины и опускающиеся до карниза. Плоские с лицевой стороны, они расширяются по мере схода вниз. Выложены они порядно, одновременно с каждым последовательно создававшимся кольцом купола. Ребра не представляют собой самостоятельные блоки, а являются рельефно высеченными с одной из сторон горизонтально ориентированных камней купола. Особенности кладки и невысокий выступ лучей-нервюр не позволяют трактовать их в качестве рёбер жесткости. Весьма сомнительна версия об их создании в виде направляющих, помогавших мастерам сооружать купол. Во-первых, потому что одновременно с такими куполами строилось много куполов без ребер и больших гладких конх и, во-вторых, поскольку с той же технологической целью можно было вычерчивать вертикальные линии, а не вытесывать лучи. Уже при рассмотрении остатков куполов Авана создается впечатление о реализации многолучевой композиции, имеющей аналогии с живописными декорациями сводов и куполов античной эпохи.

Храм Рипсиме, вид на купол из южной экседры.
Фото автора, 2009

201

Из больших сохранившихся куполов с лучами древнейший принадлежит храму Св. Рипсиме в Вагаршапате (613 г.) — второму после Аванского собора представителю архитектурного типа тетраконхов с угловыми нишами, возведенному католикосом Комитасом Ахцеци (613–628) [2, с. 91–93; 6, с. 87–90; 4, с. 197–218, 290–324]. Это тот самый купол, в котором впервые в армянской архитектуре, а, возможно, и в восточнохристианской или византийской в целом, он основан на отдельной форме светового барабана, с вертикальными поверхностями стены. Внутренняя поверхность барабана оформлена 16-ю округлыми нишами, в 12 из которых (за исключением диагональных) прорезаны высокие окна. Купол осеняет огромный крест из 12 рельефно выступающих лучей, по 3 на каждую сторону света, в соответствии с числом и местом расположения окон. В его центре − углубление, обрамленное рельефно выступающим кольцом, от которого расходятся лучи, постепенно расширяющиеся книзу и завершающиеся дискообразными закруглениями. В основании купольной сферы присутствует венец из последовательно соединенных 32 рельефных дисков, созданных в виде концентрических колец. Между дисками − лилиевидные трилистники, направленные кверху и книзу. Этот венец лежит непосредственно над нишами барабана. Наконец, карниз под барабаном, объединяющий движение нижележащих арок и тромпов, служит обобщению форм барабана и купола.

Создается впечатление, что декорация купольной главы органично связана и с источниками света, и с оформлением подкупольного перехода, в котором важную роль играют большие, так называемые веерные тромпы над угловыми нишами. Их скульптурная форма напоминает пары крыльев. Воображение угадывает в них либо символическое изображение евангелистов (в виде голов они присутствуют еще под куполом Текора 480-х гг., а в виде крылатых образов — на парусах церкви 1321 г. в Арени), либо образы четырех орлов (мотив, известный еще в позднеримском искусстве, а в Армении встречаемый в храме Звартноц 641–661 гг.). Не является ли вся эта декоративная система своеобразным условным изображением «Вознесения креста»? Такой вопрос кажется правомерным, если учесть распространенность этой темы, ее присутствие над входом в грузинском храме Джвари (640-е гг.), который своей архитектурной типологией восходит к храму Рипсиме.

Наконец, содержательную составляющую декорации купола Рипсиме способен раскрыть текст богослужебного гимна католикоса Комитаса, сочиненного им для этого же храма. Строфы этого гимна, шаракана Комитаса отличаются исключительной пространственностью и образностью, они служат яркой параллелью архитектуре храма Рипсиме.

Согласно шаракану, святые девы являются «небесными невестами», «небесными зданиями, утвержденными на земле, световыми изваяниями, воздвигнутыми на небесах», указывающими «желанную дорогу к небесному Иерусалиму». «Соединенные узами (взаимной любви), они, покинув землю, устремились к небу». «Тридцать семь — таково число блаженных дев, увенчанных вечно неувядаемым венком и вознесенных выше (всего земного) и наслаждающихся славою Божией». «…Они рассеяли с мира мрак идолопоклоннических заблуждений и лучезарно осветили (его) светом, от Отца истекающим», — провозглашает Комитас [8, с. 261–262], словно имея ввиду в построенном им храме символ Отца в вершине купола, лучи света, от него «истекающие» и направленные к двенадцати окнам, по числу апостолов. А непосредственно над этими, реальными источниками света, парят в едином венке образы святых Свидетельниц Христовых, которым и посвящен храм, согласно лапидарной надписи Комитаса [7, с. 68–69].

Размышления над семантикой самих лучей и с их помощью созданной фигуры, осеняющей центральное пространство этого храма, приводит к разным заключениям, каждое из которых заслуживает внимания. Фигура в куполе Рипсиме, кроме ассоциации с крестом, оставляет впечатление солнца с лучами, расходящимися от центрального коль-

ца. Но человек, хорошо знакомый с иконографией христианского искусства, склонен видеть в этом куполе совмещение темы Пятидесятницы с формой креста [9, p. 87]. Такое предположение П. Донабедяна оправдано не только формой и распределением 12-ти лучей, но и направлением их к источникам света, устроенным в барабане по числу апостолов. Связь этих окон с образами апостолов подтверждается внешним обликом барабана Эчмиадзина, который реконструировал католикос Комитас около 620 г. Над каждым окном там помещен медальон с рельефной полуфигурой апостола. Ребра зонтичного шатра, которым, исходя из моей реконструкции, был увенчан купол комитасовского Эчмиадзина, исходили из-под установленного над его вершиной центрального креста и были направлены к осям граней барабана, то есть к медальонам с апостолами и к окнам [3, с. 68–113]. Аналогия между этими ребрами, выделявшимися в средневековых армянских храмах рельефными лучами (Мармашен, Амберд, Гтич и др.), и «нервюрами» на куполах очевидна. Поразительна вариативность композиций на одну тему, созданных армянскими мастерами на протяжении короткого исторического периода.

От этого столетия сохранилось еще несколько построек с подобным оформлением купола. В интерьере Мренского собора (завершен в 639 г.), отличающегося изысканностью стилистики 30–40-х гг. VII в., декорация сосредоточена только в куполе. Здесь от кольца в его вершине расходятся лучи, имеющие почти одинаковое сечение на всем своем протяжении и завершающиеся большими круглыми дисками из концентрических колец. Четыре луча направлены на окна, размещенные по осям барабана, а четыре остальных — на диагональные грани. В храме 640-х гг. в Мастаре купол украшен 12 рельефными лучами, исходящими из обозначенной кольцом его вершины. Форма лучей подобна «мренским». Лишь вблизи вершины лучи плавно сужаются. Сгруппированы они по три на каждую сторону и завершаются большими дисками, рельефно оформленными концентрическими кольцами. Аналогичные диски-розетки расположены над диагональными окнами, восполняя дискретный кольцевой ряд дисков до 16-ти. Эти диски чередуются с малыми тромпами верхнего ряда и располагаются в их ряду. Лишь те диски, которые венчали арки окон, находились чуть выше, придавая волнообразность условной кольцевой линии.

Источником такого декора наверняка был храм Рипсиме, но ни в одном рассматриваемом образце не было достигнуто былого роскошества форм. Эстетические устремления диктовали строгость и минимализм линий, рассредоточенность элементов. Вместо плотного венка из розеток, представленного в Рипсиме, теперь в куполе Мастары создается дискретный ряд более легких кружков. В Таргманчаце упрощение мотива лучей привело к слиянию их концов с вершинами рельефных арок, украшающих барабан. В Дорбанте, Одзуне и маленькой грузинской церкви в Самцевриси можно встретить самую простую форму лучей, словно обрубленных снизу. В двух других больших храмах Иверии, Джвари или Св. Креста во Мцхете (640-е гг.) и Сион в Атени (конец VII в.) реконструкция показывает группировку лучей по два на стороны света. В Атени составленный восемью лучами крест был раскрашен.

Создатели некоторых памятников (Мрен, Талин, Гарнаовит, Дорбантаванк) часто отходят от откровенного изображения креста в куполе, замещая его фигурами, также символически значимыми: восьми- или шестилучевыми формами.

Традиция украшения основы купола рядом концентрически исполненных дисков, восходящая к декору храма Рипсиме, получила развитие в Талинском соборе (680-е гг.) и в церкви последней трети VII в. в Гарнаовите. Диски в Гарнаовите оформлены кольцами неглубокого рельефа, и тем же мотивом украшены ободы одиночных окон надсводных камер, выходящих во внутреннее пространство храма над подкупольными арками. Лучи на куполе, вероятно, были гладкими, а в основании оформлены плоскими бляшками.

Судя по обнаруженным фрагментам, в храме Звартноц существовали особо выступающие «нервюры», украшенные по всей поверхности орнаментом из рядов «ложечек». Не стоит сомневаться, что и другие большие храмы, такие, как соборы в Аруче и Артике, имели лучевые композиции в куполах, не сохранившихся до наших дней. Учитывая известный археологический материал, в целом купола с лучами или «нервюрами» известны на одиннадцати армянских и на трех грузинских памятниках VII в. Так что можно говорить о широкой традиции, существовавшей на протяжении всего столетия.

Программная, концептуальная сторона подобного декорирования куполов, его связь с христианской догматикой настолько очевидны, что не оставляют сомнений в изобретении такой художественно-семантической формы украшения купола в пределах Армении и Иверии. Однако сама идея представления многолучевой декорации в куполе могла корениться вне этого региона и даже вне христианской ойкумены. К такому предположению приводит учет иранской традиции, с которой глубинные, восходящие к эпохам Древнего мира, связи стран Закавказья не прерывались и периодически всплывали в христианскую эпоху. Это было результатом родства древних культур, а в отдельные периоды, как во времена деятельности Комитаса, − результатом политической интеграции всего Закавказья в иранскую державу.

Единственный хронологически сопоставимый образец иранского купола с «нервюрами» принадлежит памятнику эпохи Сасанидов, храму огня в Нейсаре (III–VII вв.) [11, S. 180, Abb 99; 10, Abb 408; 1, рис. 248]. Восемь лучей Нейсара попеременно направлены на осевые окна и на тромпы. Простая схема вполне гармонирует со строгими формами интерьера, созданного из грубо отесанного мелкого камня. Проблематична не только расплывчатость датировки этого памятника, но и то, что нынешний купол создан в результате восстановления, и если даже реставраторы были точны в своей реконструкции, образец Нейсара исключителен. На всех других сохранившихся куполах храмов огня и дворцовых залов сасанидской эпохи лучи отсутствуют. Можно предполагать, что они были исполнены в технике утраченной ныне стуковой декорации, какой были покрыты стены этих построек. Косвенно о существовании иранской традиции оформления куполов лучами свидетельствуют примеры нервюр в куполах мечетей XII в.: в Заваре, Ардистане, Исфахане (южный купол Большой мечети, 1072–92). Объединяет все эти примеры присутствие их только в куполе, над зоной окон и тромпов. Другими словами, это те черты, которыми иранские купола оказываются ближе образцам Армении, чем византийские.

Однако, поскольку прямого подобия фигур Нейсара и Рипсиме не усматривается ни в схеме, ни в форме лучей, ни в содержательной составляющей, можно предположить, что создатель армянского храма, если и был знаком с подобными иранскими куполами, то мог воспринять идею, возможность создания подобной декорации и попытался воплотить ее в новом ключе, в рамках соответствия христианскому богословию и символического кодирования идеи, связанной с почитанием дев Рипсимид. Не исключено, что в самом универсальном контексте, в котором вообще мог осмысляться купол в качестве «небосвода», лучевые фигуры в куполах Сасанидских храмов огня и армянских и грузинских церквях имели близкое содержание. Оно же, наверняка, присутствовало в осознании византийскими заказчиками и мастерами куполов на конструктивных нервюрах или тыквовидных, дольчатых куполов. Однако прямой связи между армянскими и византийскими куполами нельзя усматривать хотя бы потому, что, начиная с Константинопольской Софии (532–537, 558–563 гг.), византийские купола содержали нервюры, исходящие от подбарабанного карниза к вершине, которые чередуются с проемами окон.

Средневековое строительство во многом опиралось на следование традиции, предначертанным правилам. Однако наряду с массой «типовых» построек, более или менее талантливо воспроизводивших особенности образцов с соблюдением норм строительной

традиции, существовали и уникальные, новаторские произведения, основанные в большей мере на творческой фантазии, преобразовании сложившихся стереотипов. На заре формирования типологии и образа купольного храма в Армении, то есть в период, на который приходится строительство Авана, Рипсиме, Мрена, такой преобразовательный подход доминировал, аналогично процессу формотворчества, происходившего в византийской столице в эпоху Юстиниана. Мастера армянских храмов претворили известные в мировой архитектуре универсальные идеи в индивидуальном, органически целостном замысле своих произведений. Они создали новую иконографию оформления купольных глав, составной частью которой явились композиции из рельефных лучей.

Библиографический список

1. Брунов Н.И. Очерки по истории архитектуры. Т. 1. М., 1937.
2. Еремян А.Б. Храм Рипсимэ. Ереван: Армгиз, 1955.
3. Казарян А.Ю. Кафедральный собор Сурб Эчмиадзин и восточнохристианское зодчество IV–VII веков. М.: Locus Standi, 2007.
4. Казарян А.Ю. Церковная архитектура стран Закавказья VII века: формирование и развитие традиции. Т. 1. М., 2011.
5. Манасян А.С. Некоторые вопросы строительного искусства раннесредневековой Армении, связанные с реставрацией церкви Таргманчац // Проблемы архитектуры Армении. Респ. науч. конф., посвящ. 120-летию Т. Тораманяна. Ереван: изд. АН Арм. ССР, 1984.
6. Марутян Т. Архитектурные памятники: Звартноц, Аван, собор Анийской Богоматери и другие. Ереван: Хорурдаин грох, 1989.
7. Налбандян Г.А., Казарян А.Ю. О первоначальном посвящении и символике декоративного убранства храма Св. Рипсиме // Архитектура и градостроительство южных городов с учетом местных условий. Межвузовский сборник научных трудов. Ереван: изд. Ереванского архит.-строит. института, 1991.
8. Шаракан. Богослужебные каноны и песни армянской восточной церкви / Пер. Н.И. Эмина. 2-е изд., под ред. К.И. Костанянца. М.: Этнограф. фонд им. Н.О. Эмина, 1914.
9. Donabédian P. L’âge d’or de l’architecture arménienne VIIe siècle. Marseille: Parenthèses, 2008.
10. Strzygowski, Die Baukunst, 1918. Bd. 1.
11. Van Berchem M., Strzygowski J. Amida. Heidelberg, 1910.

A.Yu. Kazaryan

“NERVES” IN THE DOMES OF THE 7TH-CENTURY ARMENIAN CHURCHES

Strong geometrical structure of Early-medieval Armenian churches gives us confidence in constructive necessity of all their details. Relief beams on the surfaces of the 7th-century domes makes such an impression. The main goal of the article is understanding the decorative nature of these beams, which visually are similar to nerves or ribs. Relations between these beams with nerves of Byzantine and Iranian domes are examined as well.

Earliest examples of beams of Armenian dome are partial preserved in the cathedral of Avan (690-s), and the most interesting one is in the church of Saint Hripsime (613). 12 beams of this dome are part of dome decoration, which has programmatic, conceptual content and has a connection with Christian dogmatics. This work is devoted to explaining the phenomenon of Armenian masters who transformed the universal ideas and created new iconography of domes’ decoration.

Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 1 (48)

https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-48-1-9

А.Ю. Худавердян *, А.А. Оганесян **, А.А. Енгибарян *, Р.Ш. Матевосян ***, Г.Г. Кочарян *, Р.С. Паланджян *, Л.Г. Еганян ****, А.А. Хачатрян ******

* Институт Археологии и этнографии НАН РА
ул. Чаренца, 15, Ереван, 0025, Республика Армения
E-mail: akhudaverdyan@mail.ru; ruzanpal@gmail.comr;
Vruyr2001@yahoo.com
** Республиканский медицинский центр «Армения»
ул. Маркаряна, 6, Ереван, 0078, Республика Армения
E-mail: alexanyannune@gmail.com; rouben.davtyan@gmail.com
*** Ереванский государственный медицинский университет
ул. Корюна, 2, Ереван, 0025, Республика Армения
E-mail: ripmatev@mail.ru
**** Центр арменоведческих исследований Ширака
ул. Мясникяна, 118, Гюмри, 3114, Республика Армения
E-mail: smuseum@web.am; larisayeganyan@gmail.com

НАСЕЛЕНИЕ АРМЯНСКОГО НАГОРЬЯ В ЭПОХУ АНТИЧНОСТИ (ПО КРАНИОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ ГОРОДСКИХ И СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ)

Статья посвящена изучению костных останков из античных могильников с территории Армянского нагорья. Антропологические материалы погребений представлены 322 скелетами, датируются I–III вв. н.э. Анализируются различия в антропологических характеристиках городского и сельского населения Армении. В основу работы положены классические краниометрические и статистические методы исследования. Среди городского и сельского населения выявлены случаи преднамеренной искусственной кольцевой деформации головы и непреднамеренной деформации колыбельного типа. В результате внутригруппового анализа между мужскими сельскими и городскими жителями обнаружены отличия по ширине лобной кости и лица. Если у сельчанок лица ортогнатные, угол горизонтальной профилировки на верхнем уровне входит в категорию средних величин, то у городских жительниц лица мезогнатные, угол горизонтальной профилировки характеризуется малыми величинами. Межгрупповой анализ показал, что наиболее близкими к городским мужским группам оказались носители черняховской культуры и население Ближнего Востока, а мужская часть сельских жителей проявляет близость со скифами Крыма, Украины и Приднестровья. Женская часть горожан близка со скифами Украины и Крыма. Женщины сельских поселений Армянского нагорья морфологически сходны с носителями среднесарматских культур Подонья, с городским населением первых веков н.э. из Танаиса, Европейского, Азиатского Боспора. Выявлены также морфологические аналогии с группами Северной Туркмении (Тумек-Кичиджик), Западной Украины (черняховская культура), Среднего Днепра и Молдовы (скифы). Это обстоятельство подтверждает факт устойчивого, постоянного миграционного потока на территорию Армянского нагорья.

Ключевые слова: Армения, эпоха античности, антропологический тип, краниология, городское и сельское население, искусственно-деформированные черепа

Посвящается светлой памяти археолога Ларисы Еганян

Введение

Проблема формирования антропологических особенностей городского и сельского населения привлекает внимание исследователей довольно давно. Работы по изучению антропологического типа населения городов были начаты представителями российской школы антропологии еще во второй половине XIX в. [Богданов, 1880]. Сравнительный анализ городского (Московский Кремль) и сельского населения (с. Никольское) XVI–XVIII вв., предпринятый Т.А. Трофимовой [1941], показал, что несмотря на некоторые отличия, связанные, возможно, с социальными условиями городской жизни, существует близкое сходство между привлеченными краниологическими сериями. Скрупулезное исследование различий между населением древнерусских городов и сельскими поселениями XI–XIII вв. Киева, Чернигова, Любеча, летописного Витичева, Смоленска, Старой Рязани было проведено Т.И. Алексеевой [1973]. По мнению исследователя, горожане и жители сельской округи домонгольского периода, относясь к одной и той

же этнической группе, могли отличаться друг от друга физическим обликом. Автор фиксирует различия только по двум признакам (черепному указателю, скуловой ширине) [Алексеева, 1973]. Несхожесть в краниометрических характеристиках горожан и жителей села Восточной Европы на рубеже средневековья и Нового времени выявлена в работе Д.С. Конопелькина и Н.Н. Гончаровой [2016]. По мнению авторов, закономерности, обнаруженные при сравнительном анализе, отражают как воздействие процессов урбанизации, так и влияние широколицего и более массивного населения западных регионов Восточной Европы, сформировавшегося, возможно, на балтской основе.

Исследований, посвященных антропологическим особенностям городского и сельского населения Армении, не проводились. Между тем характер городов как торгово-промышленных центров, либо форпостов, либо политических центров может изменить антропологический облик населения, привнеся инородный антропологический элемент в его среду ввиду торговых и политических связей [Алексеева, 1973; Худавердян, 2000]. Следовательно, городское население, относясь к одной и той же этнической группе, что и сельское, может отличаться от последнего типом хозяйства и социально-экономическим уровнем, а также физическим обликом. Цель настоящего исследования — сравнительный анализ антропологических материалов, принадлежащих городскому и сельскому населению Армении. Для сравнительного межгруппового анализа были использованы краниологические материалы из погребальных комплексов Южного Кавказа, Передней, Центральной Азии и Восточной Европы (табл. 5).

Материалы и методы

Исследованы материалы эллинистических и позднеантичных городов из памятников Двин, Ервандашат, Бениамин и сельских поселений — из Фирми бахер, Анушаван, Айкадзор, Вартакар, Черная крепость I, Ширакаван I, Вардбах, Карчахпюр (рис. 1).

Рис. 1. Расположение античных памятников на карте Армении.
Fig. 1. Location of ancient monuments on the map of Armenia.

Антропологический материал представлен 86 мужскими, 108 женскими, 126 детскими костяками, у 2 взрослых индивидов пол не определен (табл. 1). После реставрации кости черепа были изучены методами, принятыми в практике российских и зарубежных антропологов [Алексеев, Дебец, 1964; Buikstra, Ubelaker, 1994]. Межгрупповое сопоставление проведено при помощи дискриминантного канонического анализа в пакете программ Б.А. Козинцева (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург). Краниологический материал из памятника Фирми Бахер не подвергся статистической обработке из-за ограниченности доступных индивидуальных данных.

Таблица 1

Антропологический материал с территории Республики Армении

Table 1

Anthropological material from the territory of the Republic of Armenia

Регион, местность, серия		Датировка	Мужчины	Женщины	Пол не определен	Дети	*Общее количество*
Городское население							
1	Провинция Арарат: Двин	Эллинистический период	1	—	—	—	1
2	Провинция Армавир: Ервандашат	Поздняя античность	1	1	—	—	2
3	Провинция Котайк: Гарни	—	—	6	—	—	6
4	Провинция Ширак: Бениамин	—	43	62	1	64	170
Сельское население							
5	Провинция Ширак: Анушаван	—	2	1			3
6	Провинция Ширак: Айкадзор	—	1	1	—	2	4
7	Провинция Ширак: Вартакар	—	4	2	—	3	9
8	Провинция Ширак: Черная крепость I	—	10	13	—	5	28
9	Провинция Ширак: Вардбах	—	4	8	—	2	14
10	Провинция Ширак: Ширакаван	—	7	1	—	1	9
11	Провинция Ширак: деформированные черепа	—	2	4	—	44	50
12	Провинция Гехаркуник	Эллинистически й период	7	5	—	—	12
13	Провинция Лори: Фирми бахер	Поздняя античность	4	4	1	5	14
Общее количество			86	108	2	126	322

Результаты исследования

1. Внутригрупповой анализ краниологических серий

Мужской череп эллинистического периода из Двина долихокранный при среднем продольном и малых поперечном и высотном диаметрах (табл. 2). Лоб узкий со среднеразвитым надпереносьем. Лицо мезогнатное, узкое и невысокое, по указателю мезенное с ослабленной горизонтальной профилировкой, особенно в верхней части. Глазницы невысокие и неширокие, по указателю мезоконхные. Нос узкий и средневысокий, лепторинный. Угол выступания носа большой. Мужской череп позднеантичного периода из Ервандашата также долихокранный при малом поперечном и средних продольном и высотном диаметрах (табл. 2). Лоб прямой, широкий со среднеразвитым надпереносьем. Лицо мезогнатное, узкое и средневысокое, по указателю лептопрозопное с сильной горизонтальной профилировкой. Орбиты высокие и широкие, мезоконхные. Нос узкий и средневысокий, лепторинный. Выступание носа по отношению к профилю лица среднее. Женская серия из Гарни в целом характеризуется следующими особенностями [Алексеев, 1974]: большой длины, малой ширины и средней высоты черепная коробка (17), долихокранная по черепному указателю; лоб средней ширины, лицо высокое и среднеширокое, мезогнатное по общему лицевому углу; орбиты широкие и высокие, мезоконхные; нос среднеширокий и высокий, мезоринный, сильно выступающий.

Серия из памятника Бениамин[1] состоит из долихо-мезокранных и умеренно брахикранных форм. Мужская серия в целом долихокранная с большим продольным, средним поперечным и малым высотным диаметрами мозговой коробки (табл. 3). Лоб средненаклонный, среднеширокий. Лицо ортогнатное, лептопрозопное, средневысокое, узкое с сильной горизонтальной профилировкой. Нос средневысокий, среднеширокий, мезоринный. Угол выступания носа большой. Орбиты средневысокие и узкие, мезоконхные. Женская группа черепов также в целом долихокранная на стыке большого и очень большого продольного диаметров при средних величинах поперечного и высотного диаметров. Лоб среднеширокий, лицо мезогнатное, мезопрозопное, средневысокое, среднеширокое с сильной горизонтальной профилировкой. Нос средневысокий и широкий, платириний. Орбиты невысокие и среднеширокие, мезоконхные. Сравнение дисперсий обнаруживает существенное повышение изменчивости 26 признаков и указателей у мужчин и у женщин [Алексеев, Дебец, 1964]. Обнаружено достоверное преобладание эмпирических дисперсий только 15 признаков и указателей в мужской серии (1, 17, 20, 45, 47, 63, DS, SC, SS, 72, 75(1), 77, <zm, 63:62, DS:DC) и 22 — в женской (1, 17, 20, 5, 11, 32, GM/FH, 48, 47, 63, 55, DS,

[1] Суммарная серия состоит из непреднамеренно деформированных черепов и черепов без деформации.

DC, SC, SS, 72, 75(1), 77, <zm, 54:55, 52:51, DS:DC). Таким образом, краниологически может быть зафиксирована неоднородность серии. В целом группа тяготеет к метисным популяциям с небольшой долей монголоидного компонента в своем составе.

Таблица 2

Индивидуальные, средние размеры и указатели эллинистических и позднеантичных черепов из Армении

Table 2

Individual, average sizes and indexes of Hellenistic and Late Antique skulls from Armenia

№ по Мартину и др.	Признак	Двин (1982) ♂	Ервандашат (2011) ♂	Фирми бахер (2010) ♂		
				n	*x*	*s*
1	Продольный диаметр	179	183,5	1	207	
8	Поперечный диаметр	129	136	3	133,7	6,9
8:1	Черепной указатель	72,1	74,2	1	64,1	
17	Высотный диаметр от ba	128	136		—	
17:1	Высотно-продольный указатель	71,6	74,2		—	
17:8	Высотно-поперечный указатель	99,3	100		—	
20	Высотный диаметр от po	118	126		—	
20:1	Высотно-продольный указатель	65,93	68,7		—	
20:8	Высотно-поперечный указатель	91,5	92,7		—	
5	Длина основания черепа	101,5	104		—	
9	Наименьшая ширина лба	85	99,0	2	92	
9:8	Лобно-поперечный указатель	65,9	72,8	1	65,2	
10	Наибольшая ширина лба	107	121	2	112,3	
11	Ширина основания черепа	120	111	1	108,5	
11:8	Аурикулярно-поперечный указатель	93,1	81,7	1	81,9	
12	Ширина затылка	112,5	104,5	1	103,3	
29	Лобная хорда	105	114	2	107,5	
30	Теменная хорда	110	108	2	117	
31	Затылочная хорда	88	93	1	91	
23a	Горизонтальная окружность черепа	275	285			
24	Поперечная дуга (po-br-po)	288	303			
25	Сагиттальная дуга	315	329			
26	Лобная дуга	117	130	2	117,5	
27	Теменная дуга	124	120	2	125,5	
28	Затылочная дуга	105	108	1	107	
7	Длина затылочного отверстия	41	40		—	
16	Ширина затылочного отверстия	34	36,5		—	
32	Угол профиля лба от n	79	81		—	
GM/FH	Угол профиля лба от g	75	75		—	
40	Длина основания лица	98	97,8		—	
40:5	Указатель выступания лица	96,6	94,1		—	
45	Скуловой диаметр	129	124?		—	
48	Верхняя высота лица	67	72		—	
45:8	Поперечный фациоцеребральный указатель	100,0	91,2		—	
9:45	Лобно-скуловой указатель	65,9	79,9		—	
48:17	Вертикальный фациоцеребральный указатель	52,4	52,95		—	
48:45	Верхний лицевой указатель	51,94	58,1		—	
43	Верхняя ширина лица	101	107,2	2	100,5	
9:43	Лобно-верхнелицевой указатель	84,2	92,4		—	
46	Средняя ширина лица	94	95		—	
60	Длина альвеолярной дуги	53	58		—	
61	Ширина альвеолярной дуги	59	60,2		—	
62	Длина неба	43,5	46,5		—	
63	Ширина неба	31	28		—	
63:62	Небный указатель	71,27	60,3		—	
55	Высота носа	52,5	53		—	
54	Ширина носа	21,5?	20		—	
54:55	Носовой указатель	40,96	37,8		—	
51	Ширина орбиты от mf	39,9	43	1	40	
51a	Ширина орбиты от d	37	40	1	36	
52	Высота орбиты	31,5	36	1	30	
52:51	Орбитный указатель (mf)	78,95	78,3		—	
52:51a	Орбитный указатель (d)	85,2	90,0		—	
MC	Максиллофронтальная ширина	17	19		—	
MS	Максиллофронтальная высота	6,2	6,5		—	
MS:MC	Максиллофронтальный указатель	36,5	34,3		—	
DC	Дакриальная ширина	18	24		—	
DS	Дакриальная высота	11,5	14		—	
DS:DC	Дакриальный указатель	63,9	58,4		—	
SC	Симотическая ширина	7	9		—	
SS	Симотическая высота	3,5	5,5		—	
SS:SC	Симотический указатель	50,0	61,2		—	
72	Общий лицевой угол	83	84		—	
73	Средний лицевой угол	82	85		—	
74	Угол альвеолярной части	96	85		—	
75(1)	Угол выступания носа	31	24		—	
77	Назомалярный угол	144	128		—	
<zm	Зигомаксиллярный угол	122	118		—	

Таблица 3

Средние размеры и указатели позднеантичных черепов из провинции Ширак

Table 3

Average sizes and indexes of late antique skulls from Shirak province

№ по Мартину и др.	Сельские поселения ♂			Сельские поселения ♀			Бениамин ♂			Бениамин ♀		
	n	*x*	*s*	*n*	*x*	*s*	*n*	*x*	*s*	*n*	*x*	*s*
1	17	190,2	6,9	17	176,98	6,9	24	190,3	7,8	36	181,9	9,2
8	16	142,2	6,9	17	137,4	4,2	27	139,95	5,8	39	134,1	5,1
8:1	15	74,8	4,1	17	77,7	4,2	24	73,5	4,4	32	74,2	3,4
17	7	130,8	3,4	15	126,0	5,1	15	131,94	6,0	21	128,1	6,2
20	6	112,3	1,9	14	114,8	6,1	15	106,4	8,8	21	109,2	7,1
5	7	105,2	10,3	16	98,92	8,1	16	113,97	4,3	21	96,8	5,2
9	20	98,2	5,6	16	93,2	4,4	23	96,8	4,2	36	95,8	4,6
10	17	121,5	5,7	17	118,5	6,7	23	120,6	5,1	29	118,5	4,1
11	11	125,3	6,3	16	118,4	4,7	17	123,8	5,0	21	117,6	5,0
32	7	78,8	4,8	12	81,5	5,8	15	80,8	3,7	18	82,9	5,5
GM/FH	7	73,4	5,9	12	78,4	6,1	14	73,6	4,5	17	77,6	6,2
40	7	98,2	7,6	11	93,5	6,6	16	98,2	4,2	20	95,6	3,5
45	10	133,0	4,5	13	121,8	8,7	21	126,4	7,4	26	123,9	4,0
48	14	72,8	4,0	12	66,8	7,0	23	71,9	4,0	27	68,3	4,7
43	19	106,1	6,0	15	99,1	5,9	20	105,2	4,2	29	101,4	3,3
46	14	91,8	3,8	11	87,5	6,1	20	90,6	4,2	26	87,95	5,6
47	6	122,0	3,4	7	111,1	10,5	14	118,8	8,4	13	108,6	5,1
62	13	47,4	4,5	10	41,4	4,3	23	46,5	2,9	30	44,7	2,4
63	14	33,6	3,8	13	31,4	4,7	24	35,1	4,0	30	33,7	3,0
63:62	13	77,1	7,6	9	76,6	9,7	21	72,7	8,2	27	73,4	5,5
55	20	51,8	3,1	13	51,4	5,5	22	52,3	3,3	30	50,3	3,2
54	15	24,9	2,4	11	23,1	2,1	22	25,8	2,0	32	26,0	1,5
54:55	15	45,8	4,6	11	45,5	4,4	22	49,5	4,9	30	52,6	4,7
51	19	41,6	2,1	13	40,5	3,0	23	40,99	1,8	35	39,4	1,7
52	18	34,9	2,9	13	33,9	2,6	22	33,7	1,6	32	32,93	2,2
52:51	17	83,6	8,4	13	83,9	5,6	22	82,2	4,5	30	84,3	6,3
DC	10	22,9	1,7	9	22,4	2,6	19	23,6	2,4	25	24,1	2,9
DS	10	12,6	3,4	9	12,3	1,1	19	15,97	3,8	25	15,7	3,5
DS:DC	10	60,6	14,0	9	55,5	8,2	19	64,3	14,3	25	66,91	15,0
SC	11	8,5	2,3	9	9,1	2,3	19	10,2	2,5	30	11,9	2,2
SS	11	5,2	2,2	9	3,9	1,0	19	5,1	1,6	30	4,2	1,2
SS:SC	11	59,9	18,2	9	43,7	9,0	19	59,6	13,3	30	45,4	12,7
72	7	85,7	3,5	9	85,8	3,5	16	87,5	5,1	25	80,8	6,9
75(1)	5	28,6	4,3	8	25,8	4,9	14	29,1	6,2	24	25,7	6,0
77	17	136,6	4,9	13	140,1	7,1	20	135,9	6,6	27	139,6	5,9
<zm	13	128,2	6,0	10	129,2	8,4	21	129,2	6,3	29	129,5	6,2

Мужские черепа из сельских поселений Ширакской равнины характеризуются как долихокранные, с большим продольным и средним поперечным диаметрами (табл. 3). Они невысокие, по высотно-поперечному указателю — тапейнокранные. Длина и ширина основания черепа характеризуются большими и средними величинами. Параметры наименьшей ширины лобной кости находятся на границе средних и больших размеров, а наибольшей ширины — больших. Скуловой диаметр средний. Длина основания лица — средняя. Лицо ортогнатное, средневысокое, на границе средних и больших размеров по значению верхней ширины. Высота и ширина носа средние, по указателю он лепторинный. Дакриальная ширина средняя, высота большая, указатель также большой. Симотическая ширина средняя, высота — очень большая, указатель также очень большой. Область переносья, таким образом, можно охарактеризовать как выступающую. Угол горизонтальной профилировки на верхнем уровне входит в категорию малых, т.е. лицо по европеоидным меркам хорошо профилировано. Орбиты среднеширокие, средневысокие и мезоконхные. Мозговая коробка женской группы мезокранная, с большим продольным и средним поперечным диаметрами. Она средневысокая по высотно-поперечному указателю — тапейнокранная. Параметры длины основания черепа находятся в пределах средних и больших величин, а ширины — средних. Лоб среднеширокий (9) и широкий (10). Лицо ортогнатное, узкое и средневысокое. Высота носа большая, ширина — малая, указатель — малый (лепториния). Углы горизонтальной профилировки на верхнем и нижнем уровнях входят в категорию средних и малых величин. Угол выступания носа большой. Дакриальная высота большая, ширина — очень большая, указатель — большой. Симотическая ширина и высота большие, указатель также большой. Орбиты средневысокие и среднеширокие, мезоконхные. Длина неба малая, ширина очень малая, указатель малый. Сравнение дисперсий обнаруживает существенное по-

вышение изменчивости 28 признаков и указателей у мужчин и 29 — у женщин [Алексеев, Дебец, 1964]. Обнаружено достоверное преобладание эмпирических дисперсий только 10 признаков и указателей в мужской серии (8, 5, 11, 40, 43, DS, GM/FH, 52:51, DS:DC, SS:SC) и 15 — в женской (1, 20, 5, 10, 40, 32, GM/FH, 45, 48, 43, 47, 55, 63:62, 77, <zm). И здесь краниологически может быть зафиксирована неоднородность серии.

Основными отличиями между мужчинами из сельских поселений Ширакской равнины и городскими индивидами можно считать различия по ширине лобной кости и лица. Черепа из сельских могильников имеют большую ширину лобной кости (10), а городские жители Бениамина — среднеширокую. Лица у сельского населения среднеширокие, а у городского — узкие. Мужские черепа из сельских поселений Ширака демонстрируют в целом сходные параметры с черепами из могильника Бениамин по высоте черепа. Если у мужских сельский жителей черепа низкие, то у городских — находятся на границе малых и средних размеров. Что касается женских материалов из сельских некрополей, то по параметрам лицевого скелета эти погребенные непохожи на городских жительниц Ширака. Если у сельских жителей лица ортогнатные, угол горизонтальной профилировки на верхнем уровне входит в категорию средних величин, то у бениаминцев лица мезогнатные, угол горизонтальной профилировки характеризуется малыми величинами.

Таблица 4

Средние размеры и указатели позднеантичных искусственно деформированных черепов из провинции Ширак

Table 4

Average sizes and indexes of late antique artificially deformed skulls from Shirak province

№ по Мартину и др.	Признак	Кармракар, Бениамин, Ширакаван I ♂			Вардбах, Бениамин, Ширакаван I ♀		
		x	*n*	*s*	*x*	*n*	*s*
1	Продольный диаметр	2	181,8	—	4	176,2	4,4
8	Поперечный диаметр	2	134,3	—	5	131,1	6,3
8:1	Черепной указатель	2	72,3	—	4	73,1	3,1
17	Высотный диаметр от ba		—		2	127,8	—
17:1	Высотно-продольный указатель		—		2	71,2	—
17:8	Высотно-поперечный указатель		—		2	100,4	—
20	Высотный диаметр от po		—		2	120,0	—
20:1	Высотно-продольный указатель		—		2	69,8	—
20:8	Высотно-поперечный указатель		—		2	98,5	—
5	Длина основания черепа		—		2	97,0	—
9	Наименьшая ширина лба	3	93,8	8,6	5	94,6	5,2
9:8	Лобно-поперечный указатель	2	67,2	—	5	72,3	4,9
11	Ширина основания черепа	1	122,0	—	3	112,7	2,3
11:8	Аурикулярно-поперечный указатель	1	93,92	—	3	87,1	4,3
40	Длина основания лица		—		2	93,4	—
40:5	Указатель выступания лица		—		2	96,4	—
45	Скуловой диаметр	1	128,5	—	3	117,0	7,0
48	Верхняя высота лица	3	75,7	4,7	4	69,8	4,1
45:8	Поперечный фациоцеребральный указатель	1	98,9	—	3	90,6	8,0
9:45	Лобно-скуловой указатель	1	65,3	—	3	80,91	0,2
48:17	Вертикальный фациоцеребральный указатель		—		2	56,9	-
48:45	Верхний лицевой указатель	1	63,1	—	3	59,9	2,2
62	Длина неба	3	45,2	5,4	4	40,2	2,2
63	Ширина неба	3	33,2	4,1	4	34,3	2,9
63:62	Небный указатель	3	73,7	6,6	4	85,5	8,3
55	Высота носа	3	54,4	5,5	5	52,9	3,7
54	Ширина носа	3	24,9	1,4	5	23,6	1,1
54:55	Носовой указатель	3	46,2	7,4	5	44,9	4,2
51	Ширина орбиты от mf	3	41,7	0,5	5	40,96	1,8
52	Высота орбиты	3	34,9	2,8	5	34,1	1,0
52:51	Орбитный указатель (mf)	3	83,6	6,6	5	83,4	3,5
DC	Дакриальная ширина	3	25,0	3,4	4	22,4	1,1
DS	Дакриальная высота	3	15,3	3,2	4	13,0	2,6
DS:DC	Дакриальный указатель	3	61,2	9,6	4	57,9	9,1
SC	Симотическая ширина	3	10,3	1,5	4	10,2	1,6
SS	Симотическая высота	3	7,1	2,0	4	5,2	2,6
SS:SC	Симотический указатель	3	67,8	10,6	4	49,8	17,3
72	Общий лицевой угол	1	81,0	—	3	88,4	3,2
75(1)	Угол выступания носа	2	31,0	—	3	28,7	6,6
77	Назомалярный угол	3	133,4	2,5	5	139,4	0,8
<zm	Зигомаксиллярный угол	3	116,0	6,9	5	124,8	12,0

Для мужской серии с преднамеренной деформацией характерны сочетания среднедлинного, узкого черепа с довольно высоким и узким лицом (табл. 4). Орбиты среднеширокие, средневысокие, мезоконхные. Дакриальная высота очень большая, ширина — большая, указатель также большой. Симотическая ширина большая, высота очень большая и указатель — большой. Высота носа большая, ширина — средняя. Носовой указатель маленький (лепториния). Угол выступания носа большой. Женская группа деформированных черепов также долихокранная с большим продольным, малым поперечным и средним высотным диаметрами. Лоб среднеширокий. Длина основания черепа и лица — средняя. Лицо узкое и высокое, ортогнатное. Высота носа большая, ширина — средняя, указатель — маленький (лепториния). Угол выступания носа большой. Орбиты средневысокие и среднеширокие, мезоконхные. Дакриальная ширина большая, высота очень большая, указатель большой. Симотическая ширина большая, высота — очень большая, указатель большой. Область переносья, таким образом, можно охарактеризовать как выступающую. Сравнение дисперсий обнаруживает существенное повышение изменчивости 13 признаков и указателей у мужчин и 14 — у женщин [Алексеев, Дебец, 1964]. Обнаружено достоверное преобладание эмпирических дисперсий только 7 признаков и указателей в мужской серии (9, 62, 63, 55, <zm, 54:55, DS:DC) и 5 — в женской (45, SS, 75(1), <zm, SS:SC). Кроме того, можно констатировать, что деформированная часть серии из провинции Ширак более высоко- и узколицая, чем краниологическая серия без преднамеренной деформации.

Мужские черепа из сельского поселения провинции Лори (Фирми бахер) характеризуются как долихокранные, с очень большим продольным (выходит за верхнюю границу нормы) и очень малым (на границе очень малых и малых размеров) поперечным диаметрами (табл. 4). Наименьшая и наибольшая ширина лобной кости — малая. Величины лобных дуги и хорды малые и очень малые. Затылок узкий, с малой хордой и дугой. Величины теменной дуги и хорды средние и очень большие (30: выходит за верхнюю границу нормы). Верхняя ширина лица — малая. Орбиты не высокие и неширокие.

2. Межгрупповой анализ краниологических серий

В предыдущих публикациях [Худавердян, 2000; Khudaverdyan, 2012], посвященных краниологическим материалам из Армении, были приведены результаты межгруппового сопоставления только черепов из могильника Бениамин (раскопки 1989–1998 гг.) с южно-кавказскими, восточно-европейскими и центрально-азиатскими материалами. Основной вывод, который был сделан на основании этого анализа, заключался в констатации сходства античного населения Армении со скифами Молдовы, степей Причерноморья и Украины, сарматами Волго-Уральского региона и саками Средней Азии. По мере накопления новых материалов с территории Республики Армении и сравнительного материала по краниологии ближневосточного и восточно-европейского регионов стало возможным сопоставление серий с Южного Кавказа с сериями черепов с вышеуказанных территорий. Проведен двухэтапный анализ 134 краниологических серий (табл. 5).

Анализ 1. Каноническому анализу была подвергнута 91 серия мужских черепов по 14 признакам (табл. 6). Наибольшие нагрузки по I каноническому вектору (КВ) (30,4 % общей изменчивости) пришлись на широтные и высотные размеры черепной коробки (8, 17). По КВ I серии из Волго-Уралья (57–63, 66–71, 73, 74, 77), Подонья (42, 43), Азербайджана (24), Центральной Азии (84, 86–88) демонстрируют максимальные значения и сконцентрированы в положительном поле изменчивости в правой части графика. Почти все они (раннесарматские выборки Дона и Волго-Уралья, черепа христианского типа Азербайджана, центрально-азиатские серии: Тагискен, Чирик-Рабат. гр., Асарская гр., Мешрети-Тахта) характеризуются брахикранией с мезоморфным строением лицевого скелета, с тенденцией к уплощению лица на верхнем уровне и резко выступающим носом. В отрицательном поле изменчивости локализованы серии из Йемена (25–27), с Кавказа (2, 6, 7, 9, 14–19, 20–23, 47, 49, 51, 53, 56) и из Центральной Азии (81, 83, 85, 102, 104, 107).

Античные серии из могильников Ширакской провинции (3, 5) по своим параметрам больше приближаются к комплексу признаков из самтавровских погребений (12, 13) (рис. 2). Также близки к группам из Ширака носители культуры раннего средневековья из Мощевой Балки (54), Гамовского и ближайших (55) ущелий и из Армавира (11). В то же время к ним приближаются носители ранне- (76) и позднесарматской (46) культур из Подонья, черепная коробка у которых узкая и высокая, долихомезокранная. Краниологические серии из Рейбуна XV (25) и Наама (26) оказались в одном кластере с группами из могильников Мингечаур (19, 20, 21, 22) и Ервандашат (2).

Таблица 5

Список серий, привлеченных для сравнительного анализа

Table 5

List of series involved in comparative analysis

Регион, местность, серия		Датировка	Публикация
	Армения		
1	Двин	I в. н.э.	Настоящая статья
2	Ервандашат	II–III вв. н.э.	—
3	Бениамин	II–III вв. н.э.	—
4	Сельское поселение из провинции Лори: Фирми бахер	—	—
5	Сельские поселения из Ширакской провинции (Анушаван, Айкадзор, Вардбах, Вартакар, Черная крепость I, Ширакаван I)	—	—
6	Деформированные черепа (Кармракар, Ширакаван I, Вардбах, Бениамин)	—	—
7	Аржис	VIII–VI вв. до н.э.	Худавердян, 2017
8	Гарни I		Алексеев, 1974
9	Карчахпюр	II в. до н.э. — I в. н.э.	Паликян, 1990
10	Гарни II	Раннефеодальный период	Алексеев, 1974
I1	Армавир	XII–XIII вв. н.э.	Худавердян, 2018
	Грузия		
12	Самтавро I	II–I вв. до н.э.	Абдушелишвили, 1978b
13	Самтавро II	I–III вв. н.э.	Абдушелишвили, 1978a
14	Жинвали	—	—
15	Гомерети	—	—
16	Абелия	—	—
17	Самтавро	IV–IX вв. н.э.	Абдушелишвили, 1964, 1980
	Азербайджан		
18	Мингечаур (грунтовые погребения с вытянутым костяком)	VII–V вв. до н.э.	Касимова, 1960
19	Мингечаур 1 (кувшинные погребения)	IV в. до н.э. — III в. н.э.	—
20	Мингечаур 2 (срубные погребения)	—	—
21	Мингечаур I (катакомбные погребения /без деформ. черепа/)	I–VII вв. н.э.	—
22	Мингечаур II (катакомбные погребения /слабо деформ. черепа/)	—	—
23	Мингечаур III (катакомбные погребения /сильно деформ. черепа/)	—	—
24	Мингечаур IV (погребения христианского типа)	VII–IX вв. н.э.	—
	Ближний и Средний Восток		
25	Рейбун XV	III–IV вв. до н.э.	Чистов, 1998
26	Наам	III–IV вв. до н.э.	—
27	Сокотра	Середина I тыс. н.э.	—
28	Хурейда	VII–Vвв. до н.э.	—
29	Нуци-Йорган Тепе	II–III вв. н.э.	—
30	Вавилон и Селейция	I в. до н.э. — I в. н.э.	—
31	Дура Эропос	II в. до н.э. — I в. н.э.	—
32	Эн Геди	IV в. до н.э.	—
33	Камид эль-Лоц	V–IV вв. до н.э.	—
34	Шатал Хуюк	V в. до н.э. — VII в. н.э.	—
35	Алишар Хуюк	VII в. до н.э. — I в. н.э.	—
36	Ионическая Эолия (Мирина, Эфес, Смирна, Ассос, Ханаи Тепе)	VI–I вв. до н.э.	—
37	Троя (Офриниум, Троя IX, позднероманская Троя)	IV в. до н.э. — V в. н.э.	—
38	Сборная серия из Кипра	IV–I вв. до н.э.	—
39	Долина Дайлманистан	III в. до н.э. — III в. н.э.	—
40	Сараи Кхола	III в. до н.э.	—
	Подонье		
41	Предскифское время	VI–III вв. до н.э.	Батиева, 2011
42	Кочевнические погребения курганных могильников	—	—
43	Ранний этап сарматской культуры	III–I вв. до н.э.	—
44	Средний этап сарматской культуры	I в. до н.э. — I в. н.э.	—
45	Среднесарматская культура	I–II вв. н.э.	—
46	Позднесарматская культура (без деформации)	II–IV вв. н.э.	—
47	Позднесарматская культура (с искусственной деформацией)	–	—
48	Танаис (без деформации)	I–III вв. н.э.	—
49	Танаис (с искусственной деформацией)	—	—
50	Кобяковский (без деформации)	—	—
51	Кобяковский (с искусственной деформацией)	—	—
52	Нижнегниловский (без деформации)	—	—
53	Нижнегниловский (с искусственной деформацией)	—	—
	Северный Кавказ		
54	Мощевая Балка	VI–VIII вв.	Герасимова, 1986
55	Гамовское и ближ. ущелья	V–VII вв.	Алексеев, 1974
56	Черкесия (раняя гр.)	III–V вв.	—
	Волго-Уралье		
57	Приуральская гр.	IV–III вв.	Балабанова, 2000
58	Заволжская гр.		
59	Астраханская гр.	—	—
60	Волго-Донская гр.	—	—
61	Ст. Киишки	II–I вв.	—
62	Кара-Оба	—	—
63	Калмыково	—	—
64	Бережновка-II	—	Фирштейн, 1970
65	КалмыковкаI	—	Балабанова, 2000

Окончание т а б л . 5

Регион, местность, серия		Датировка	Публикация
66	Быково	—	—
67	В. Балыклей	—	—
68	Верхнепогромное	—	—
69	Киляковка		—
70	Кривая Лука	—	—
71	Старица	—	—
72	Батаевка (к.1)	—	—
73	Степной-IV (к.1)	—	—
74	Первомайский	—	—
75	Терновский	—	—
76	Маныч-Сал	—	—
77	Заволжская гр.1	I — первая половина II в.	—
78	Калмыкская гр.1	—	—
79	Донская гр.	—	—
80	Украинская гр.	—	—
	Центральная Азия		
81	Канча-Кала	I в. н.э.	Гинзбург, Трофимова, 1972
82	Туз-Гыр	—	—
83	Арук-Тау	—	—
84	Мешрети-Тахта	II–III вв. н.э.	—
85	Тарымская гр.	IV–II вв. до н.э.	—
86	Асарская гр.	V в. до н.э. — IV в. н.э.	—
87	Чирик-Рабат. гр.		
88	Тагискен	IV–II вв. до н.э.	—
89	Суммарная группа из Западной Туркмении	I в. н.э.	—
90	Тумек-Кичиджик	V в. до н.э. — IV в. н.э.	—
91	Исфарин р-н	I–III вв. н.э.	—
92	Ферганская долина: Гур-Мирон	II–I вв. н.э.	—
93	Уйдара	II–III вв. н.э.	—
94	Савроматы	—	—
95	Сарматы	—	—
96	КуюккалаI (суммарная)	VI–VIII вв.	Ходжайов, Мамбетуллаев, 2008
97	Куюккала II (недеф.)	—	—
98	Куюккала III (деф.)	—	—
99	Токкала	VII–VIII вв.	—
100	Миздахкн I (р. 2006)	—	—
101	Миздахкн II	III–V вв. н.э.	—
102	Миздахкн III (суммарная)	VII–VIII вв.	—
103	Миздахкн IV (недеф.)	—	—
104	Миздахкн V (деф.)	—	—
105	Сакар-Чага 1	V–III вв. до н.э.	Яблонский, 2000
106	Казыбаба	V–IV вв. до н.э	Багдасарова, 2000
107	Покровка-10	II–IV вв. н.э.	Яблонский, 2005
	Приднестровье		
108	Будештский мог-к	IV–III вв. до н.э.	Великанова, 1975
109	Малаешты	—	—
110	Николаевка	I в. н.э.	—
111	Буджак	V–IV вв. до н.э	Рудич, 2010
	Литва		
112	Аукштайты	II–IV вв. н.э.	Денисова, 1975
113	Жемейты	—	—
	Украина и Крым		
114	Степи Черноморья (суммарная)	I в. н.э.	Кондукторова, 1972
115	Средний Днепр (суммарная)	—	—
116	Неаполь	—	—
117	Золотая Балка	—	—
118	Фронтовое-1	V–IV вв. до н.э	Круц, 2005
119	Суммарная группа из Украины	—	—
120	Николаевка-Казацкое	—	Кондукторова, 1979
121	Мамай-Гора	V–IV вв. до н.э	Литвинова, 2002
122	Суммарная группа из Западной Украины	III в. до н.э. — V в. н.э.	Рудич, 2010
123	Население Европейского Боспора	III в. до н.э. — IV в. н.э.	Герасимова и др., 1987
124	Население Азиатского Боспора	—	—
126	Беляус	I–III вв. н. э.	Батиева, 2011
127	Ольвия (яма 18)	—	—
128	Золотое	—	—
129	Сейминская группа	I–II вв. н. э.	—
130	Посульская группа	—	—
131	Ворсклинская группа	—	—
132	Бориспольская группа	—	—
133	Луговая	—	—
134	Гайманово поле	—	—
135	Никополь	—	—

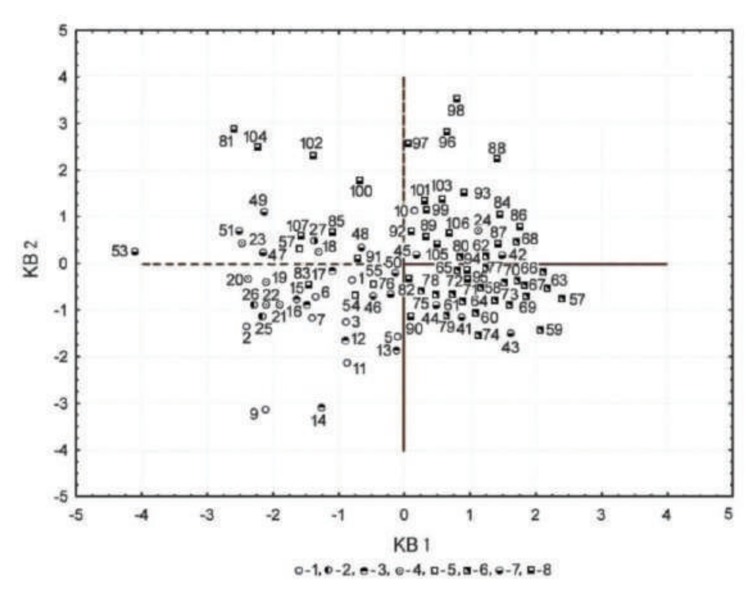

Рис. 2. Положение мужских краниологических серий в пространстве первого и второго канонических векторов. Нумерация серий соответствует использованной в табл. 5:
1 — армянские; 2 — йеменские; 3 — грузинские; 4 — азербайджанские; 5 — северокавказские; 6 — донские; 7 — волго-уральские; 8 — центрально-азиатские.

Fig. 2. Position of male craniological series in the space of the first and second canonical vectors. The numbering of the series corresponds to that used in table 5:
1 — Armenian; 2 — Yemeni; 3 — Georgian; 4 — Azerbaijani; 5 — North Caucasian; 6 — Don; 7 — Volga-Ural; 8 — Central Asian.

Т а б л и ц а 6

Элементы трех канонических векторов для 91 и 42 мужских серий. Анализ 1

Table 6

Elements of three canonical vectors for 91 and 42 male series. Analysis 1

	♂			♂		
	I КВ	II КВ	III КВ	I КВ	II КВ	III КВ
1	-0,23	-0.71	-0.15	-0.65	-0.23	-0.41
8	0,77	0.28	-0.11	0.82	0.06	-0.43
17	-0,59	0.49	0.34	-0.23	0.28	0.37
9	-0.19	-0.63	-0.01	-0.22	-0.24	0.20
45	0.27	0.01	0.42	0.24	-0.50	0.18
48	0.09	-0.10	0.81	0.05	-0.89	0.18
55	-0.16	0.55	-1.21	0.18	1.23	0.05
54	-0.11	0.27	0.18	0.15	-0.13	0.16
52	-0.26	0.10	0.38	0.19	-0.06	0.01
51	0.25	0.25	-0.12	-0.18	0.53	-0.12
77	0.16	-0.07	0.09	-0.17	0.04	0.13
zm`	0.10	0.18	0.05	0.03	0.04	-0.41
SS/SC	0.29	-0.22	0.01	-0.15	-0.13	-0.77
75 (1)	-0.21	-0.28	0.17	0.04	-0.26	0.69
Доля в общ. дисп., %	30.33	18.74	9.70	22.85	19.53	12.49

По КВ II (18,8 % изменчивости) наибольшие нагрузки пришлись на продольный диаметр, наименьшую ширину лобной кости и высоту носа. Положение анализируемых групп в пространстве II КВ показывает высокие положительные величины у групп из Центральной Азии (81, 84, 88, 93, 96–104), с Дона (49) и из Армении (10), отрицательные — у краниосерий с Южного Кавказа (2, 3, 5, 7, 9, 11–14), из Йемена (25), с Юга России (41, 43, 59, 60, 74, 79) и из Туркмении (90). Максимальными значениями координат по данному вектору характеризуются выборки из Подонья (53) и Центральной Азии (81, 102, 104). Группы с искусственной деформацией головы из Азербайджана (23) и Подонья (47, 49, 51) образуют компактное скопление. В третьем КВ (9,8 % дисперсии) наиболее ценными признаками оказались высота лица и носа. Максимальные положительные величины по КВ III выявлены у представителей Грузии (14), Центральной Азии (93, 102, 104), Юга России (42, 47, 49, 56, 75), а отрицательные — у групп из Центральной Азии (81, 85, 90), с Южного Кавказа (1, 2, 11, 19–21) и из Йемена (27).

Как известно, в активном взаимодействии с населением Южного Кавказа и Ближнего Востока были скифы Крыма, Украины и Приднестровья, а также носители черняховской культуры [Худавердян, 2000; Khudaverdyan, 2012]. Поиск близких морфологических комплексов с населением вышеуказанных территорий проводился с привлечением 42 серий сравнительных материалов (табл. 6). По КВ I (22,9 %) максимальная нагрузка пришлась на продольный и поперечный диаметры, по КВ II (19,6 %) — на высоту носа и лица, ширину лица и орбиты, по КВ III (12,5 %) — на симотический указатель и угол выступания носа. Максимальные значения по КВ I в отрицательном поле изменчивости отмечены в сериях из Литвы (112), с Украины (115, 121), Южного Кавказа (7, 9, 14, 20), а в положительном поле изменчивости — у серий Азербайджана (24), Армении (10), Украины (119) и Крыма (123). Характер рассеивания групп в пространстве векторов наглядно демонстрирует место черепов из могильника Бениамин в системе антропологических типов Восточной Европы, Южного Кавказа и с Ближнего Востока (рис. 3). Они попали в отрицательное поле графика, в котором сосредоточились группы черняховской культуры Литвы (113), эллинистические и античные серии из Грузии (12, 13) и с Ближнего Востока (25, 26). Следует обратить внимание на ту особенность, что выборка из сельских поселений Ширака (5) демонстрирует иные морфологические предпочтения, попав в положительное поле графика и оказавшись в одном кластере со скифами Крыма (116–118), Украины (120, 114) и Приднестровья (110).

Наибольшие нагрузки по КВ II в отрицательном поле изменчивости показывают античные серии Грузии (14), Армении (9) со скифами Среднего Днепра (115). В положительном поле изменчивости черепа из Двина (1) и Ервандашата (2) расположены довольно компактно с группами из Мингечаура (19, 23) и Армавира (11), а также с носителями черняховской культуры из Приднестровья (109) и с Западной Украины (122). Наиболее близкими к ним являются краниосерии из Грузии (12, 15, 16), Азербайджана (20, 21) и Приднестровья (108, 111). Максимальными значениями по КВ III характеризуются группы с Южного Кавказа (16, 23), из Йемена (26) и со Среднего Днепра (115). Высокие величины в отрицательном поле у краниологических серий из Армении (1, 3, 5) и Грузии (13).

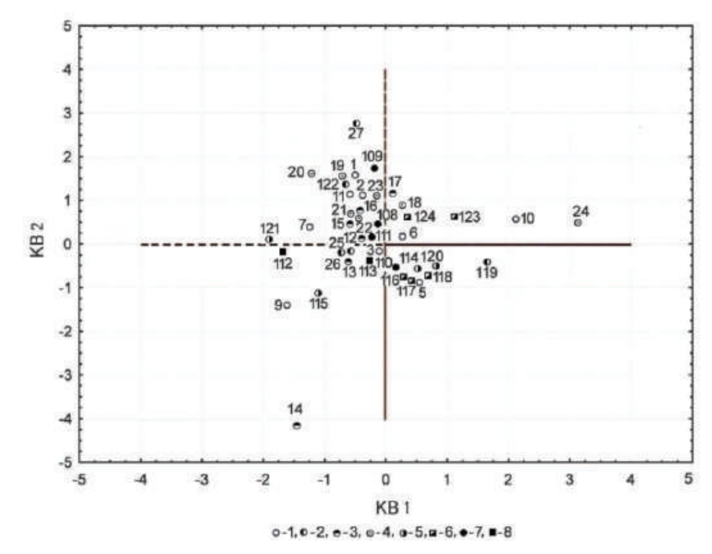

Рис. 3. Положение мужских краниологических серий в пространстве первого и второго канонических векторов. Нумерация серий соответствует использованной в табл. 5:
1 — армянские; 2 — йеменские; 3 — грузинские; 4 — азербайджанские; 5 — украинские; 6 — крымские; 7 — преднестровские; 8 — литовские.

Fig. 3. Position of male craniological series in the space of the first and second canonical vectors. The numbering of the series corresponds to that used in table 5:
1 — Armenian; 2 — Yemeni; 3 — Georgian; 4 — Azerbaijani; 5 — Ukrainian; 6 — Crimean; 7 — Transnistria; 8 — Lithuanian.

Сравнение 86 женских серий проводилось по 14 основным признакам (табл. 7). В результате по КВ I (26,629 %) наибольшие нагрузки пришлись на высотный диаметр, симотический индекс и продольный диаметр. В пространстве КВ I высокими положительными величинами характеризуются группы из Центральной Азии (91, 96–100, 102, 104), с Северного Кавказа (56), из Азербайджана (22) и Йемена (26), а отрицательными — группы Армении (7, 11), Йемена (27), Подонья (41, 43, 44, 46), Украины (80, 119), Волго-Уралья (58–61, 63, 70, 71, 77) и Центральной Азии (94).

Таблица 7

Элементы трех канонических векторов для 86 женских серий. Анализ 1

Table 7

Elements of three canonical vectors for 86 female series. Analysis 1

	♀		
	I КВ	II КВ	III КВ
1	-0.50	-0.51	0.32
8	-0.02	0.79	0.13
17	0.67	-0.21	-0.02
9	-0.44	-0.41	-0.12
45	-0.32	0.14	-0.63
48	0.17	0.21	-0.53
55	0.35	-0.14	0.28
54	0.44	0.06	-0.13
52	0.09	-0.12	0.37
51	0.19	0.44	0.80
77	0.01	0.07	0.22
zm`	0.063	0.30	-0.13
SS/SC	-0.59	0.20	-0.15
75 (1)	0.16	-0.22	0.36
Доля в общ. дисп., %	26.62	24.15	10.45

На рис. 4 видно, что женские деформированные черепа из Подонья (51) обнаруживают сходство с деформированными черепами из Ширака (6). К ним тяготеют деформированные черепа из нижнедонских погребений позднего этапа сарматской культуры (47) и из катакомбных погребений Азербайджана (22). Отмеченные аналогии женским сериям связаны не только с влиянием деформации на размеры черепа, но и со сходным соотношением компонентов в составе этих выборок. Кобяковская серия без деформации (50) очень схожа с черепами из погребений сельских некрополей Ширака (5), среднесарматских погребений (45) и из Танаиса (48). В этот же кластер входят представители Европейского (123), Азиатского (124) Боспора, Северной Туркмении (90), Западной Украины (122). К ним примыкают индивиды из грунтовых погребений Азербайджана (18) и Гамовского и ближайших (55) ущелий.

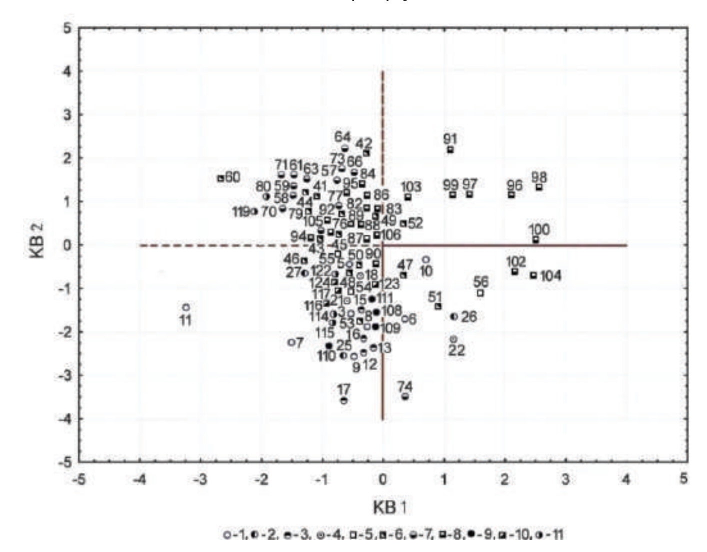

Рис. 4. Положение женских краниологических серий в пространстве первого и второго канонических векторов. Нумерация серий соответствует использованной в табл. 5:
1 — армянские; 2 — йеменские; 3 — грузинские; 4 — азербайджанские; 5 — северокавказские; 6 — донские; 7 — волго-уральские; 8 — центрально-азиатские; 9 — преднестровские; 10 — украинские; 11 — крымские.
Fig. 4. Position of female craniological series in the space of the first and second canonical vectors. The numbering of the series corresponds to that used in table 5:
1 — Armenian; 2 — Yemeni; 3 — Georgian; 4 — Azerbaijani; 5 — North Caucasian; 6 — Don; 7 — Volga-Ural; 8 — Central Asian; 9 — Transnistrian; 10 — Ukrainian; 11 — Crimean.

Городские выборки из Гарни (8) и Бениамина (3) оказались в одном кластере со скифами Украины и Крыма (114–117), а также с носителями черняховской культуры Приднестровья (108,

109, 111). В этом же кластере группируются серии с Южного (15, 21), Западного (53, 54) Кавказа. Погребенные из карчахпюрского могильника (9) близки к скифам Среднего Днепра (115) и Молдовы (110). К ним примыкают группы из Грузии (12, 13, 16) и более ранние серии из Армении (7) и Йемена (25). Указанные серии относятся к грацильному, южному варианту средноземноморского антропологического типа.

Для КВ II (24,157 %) определяющими стали поперечный и продольный диаметры. На плоскости II КВ высокие отрицательные значения обнаружены у черепов с Кавказа (3, 6–9, 11–13, 15–17, 21, 22, 54, 56), из Йемена (25, 26), Подонья (41, 51, 53), с Украины (114, 115), из Крыма (116, 117) и Приднестровья (108–111). На противоположном, положительном полюсе сгруппировались серии Центральной Азии (84, 86, 91, 95–99, 103), Волго-Уралья (57-61, 63, 64, 66, 71, 73, 74) и Подонья (42, 44). Для КВ III (9,423 %) наибольшие нагрузки пришлись на ширину орбиты, высоту и ширину лица. Полярные варианты распределения участвовавших в сравнительном анализе групп выглядят следующим образом: с одной стороны — краниосерии Южного Кавказа (6–8, 11, 12), Крыма (123), Волго-Уралья (73, 74, 77) и Центральной Азии (91, 99), с другой — Северного Кавказа (55), Подонья (49), Волго-Уралья (59) и Центральной Азии (92, 100).

Анализ 2 проведен по меньшему числу признаков. Максимальные нагрузки по КВ I (25,8 % дисперсии) легли на поперечный и продольный диаметры, ширину орбиты; по КВ II (17,5 %) — также на поперечный и продольный диаметры; по КВ III (16,7 %) — на высоту носа и орбиты, высоту и ширину лица (табл. 8). Ближневосточные (31–34, 37, 38, 40), украинские (119, 133), крымская (128) и южно-кавказские (10, 24) выборки получили максимальные положительные значения координат в КВ I благодаря самым большим поперечным размерам мозгового и лицевого отделов. Противоположное сочетание признаков характерно для средних сармат (121, 129–131, 134), скифских (115) серий с Украины и групп с Ближнего Востока (28, 29) и Южного Кавказа (9, 14, 7). Краниометрическая характеристика мужских черепов из сельских поселений Ширака (5) и выборка деформированных черепов (6) оказались наиболее сходны, с одной стороны, с комплексом признаков, свойственным мужской части серий из Турции (35, 36), Месопотамии (30), Азербайджана (18), с другой — с населением Азиатского Боспора (124) и с носителями черняховской культуры из Приднестровья (109, 126) (рис. 5). Черепа из городских могильников Бениамин (3) и Ервандашат (2) наиболее близки друг к другу по I КВ. К ним тяготеют более ранние черепа из Камид эль-Лоц (Северная Аравия). Крайнее положение занимают черепа из междуречья Тигра и Евфрата (31).

Таблица 8

Элементы трех канонических векторов для 67 мужских серий. Анализ 2

Table 8

Elements of three canonical vectors for 67 male series. Analysis 2

	♂		
	I КВ	II КВ	III КВ
1	-0.50	-0.50	-0.16
8	0.67	0.58	0.05
17	-0.31	0.25	0.40
9	-0.11	-0.29	-0.21
45	0.03	0.20	-0.62
48	-0.27	0.49	-0.74
55	0.34	-0.30	1.11
54	0.21	-0.27	-0.12
52	-0.16	0.43	0.70
51	0.53	-0.47	-0.15
Доля в общ. дисп., %	25.72	17.45	16.61

Наибольшие нагрузки по КВ II в отрицательном поле изменчивости показывают выборки из Ближнего Востока (25, 28, 31, 33, 39) и с Южного Кавказа (9, 20, 23), а в положительном поле — средние сарматы (132) и скифы (199) Украины, средневековые группы из Турции (34) и с Кавказа (10, 24, 55). Группировка краниологических материалов на графике (рис. 9) показывает существование антропологической общности значительной части населения Южного Кавказа (1, 9, 11, 12, 15, 16, 19–23, 25). Для них характерно средневысокое или высокое лицо, мезориния, мезо- или гипсиконхия. Краниологические изменения имели в рамках этой общности однонаправленный характер. Как видно из полученных данных, ареал его распространения включал равнинные и горные районы Восточной и Южной Грузии, территории Северной и Центральной

Армении, Западного Азербайджана. Наиболее близкими к материалам из некрополей Южного Кавказа оказались группы с Ближнего Востока (25, 28, 29, 39), скифы Украины (115, 121, 129, 135) и носители черняховской культуры Приднестровья (108). Высокими положительными значениями по КВ III характеризуются серии с Южного Кавказа (1, 11, 17–19, 23), Ближнего Востока (27, 33, 39), Украины (122, 132), из Приднестровья (109), а отрицательными — античные краниологические серии из Армении (5, 9), Грузии (14) и Крыма (128).

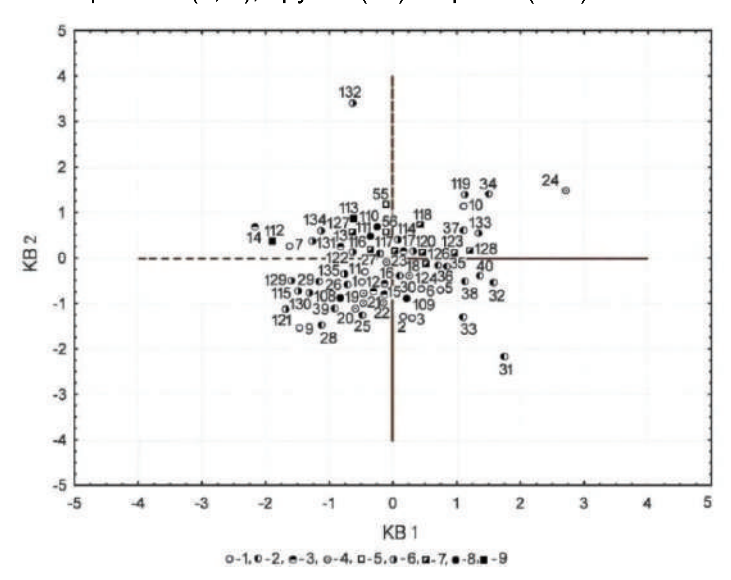

Рис. 5. Положение мужских краниологических серий в пространстве первого и второго канонических векторов. Нумерация серий соответствует использованной в табл. 5:
1 — армянские; 2 — ближневосточные; 3 — грузинские; 4 — азербайджанские; 5 — северокавказские; 6 — украинские; 7 — крымские; 8 — преднестровские; 9 — литовские.

Fig. 5. Position of male craniological series in the space of the first and second canonical vectors. The numbering of the series corresponds to that used in table 5:
1 — Armenian; 2 — Yemeni; 3 — Georgian; 4 — Azerbaijani; 5 — North Caucasian; 6 — Ukrainian; 7 — Crimean; 8 — Transnistria; 9 — Lithuanian.

Обсуждение и заключение

В могильниках, расположенных на территории Армении, искусственно деформированные черепа встречаются не часто. Наиболее ранний искусственно деформированный череп был обнаружен в могильнике Акналич (рис. 6) (антропологический материал исследуется Л. Агикяном), относящемся к халколиту [Muradyan et al., 2014]. Следующий искусственно деформированный череп обнаружен в VIII–VI вв. до н.э. принадлежит индивиду из Гехаркуникской провинции (могильник Норатус) [Khudaverdyan, 2016].

На территории Армении в эпоху античности искусственная деформация головы отмечается как среди городского, так и среди сельского населения. При обследовании черепов удалось установить, что кольцевая лобно-затылочная деформация чаще всего встречается на территории провинции Ширак (могильники Бениамин, Вардбах, Кармракар) [Khudaverdyan, 2011, 2014]. В могильнике Бениамин (у 4 взрослых и 29 детей) наблюдается деформация двух подтипов: кольцевая лобно-затылочная, приближающаяся по форме к конусу, и кольцевая лобно-затылочная, башенная [Худавердян, 2000]. При первом подтипе лобная кость наклонена кзади и вытянута вверх, затылочная кость уплощена и вытянута вверх, теменные кости выпуклы в области сагиттального шва. При втором подтипе лобная кость выпрямлена и вытянута вверх, затылочная кость уплощена, не имеет соответствующего ей изгиба и также вытянута вверх. Деформацию обоих подтипов применяли, чтобы сделать череп более высоким. В Бениамине на двух мужских (погр. 11, 176), на женском (погр. 75) и на 15 детских черепах наблюдается конусовидная форма деформации. У женского (погр. 142) и 14 детских черепов отмечается типичная башенная форма. Кольцевая лобно-затылочная (башенная) деформация выявлена у субъектов из Вардбаха (погр. 4, 5/1, 9) и Кармракара (рис. 7а). У двух индивидов из могильника Вардбах (погр. 4, 5/1) также наблюдаются четкие следы локального понижения костной пластины (рис. 7в) относительно сагиттального и венечного швов.

Рис. 6. Искусственная деформация черепа из могильника Акналич (курган № 5, датируется 4340–4050 лет. до н.э.) [Muradyan et al., 2014].
Fig. 6. Artificial deformation of the skull from the Aknalich cemetery Aknalich (mound No 5, dated to 4340–4050 BC) [Muradyan et al., 2014].

У двух женщин из могильника Ширакаван I черепные коробки были искажены кольцевой лобно-затылочной деформацией (рис. 7б, д). От воздействия циркулярной повязки на затылочной кости остался след в виде широкого уплощения, а на лобной — неглубокий желобок шириной 1,5–2 см. Под воздействием повязки изменен рельеф верхнего отдела височных линий.

Рис. 7. Искусственно деформированные черепа из могильников Кармракар (а), Ширакаван (б, д) и Вардбах (в, г).
Fig. 7. Artificially deformed skulls from the Karmrakar (а), Shirakavan (б, д) and Vardbakh (в, г) burial grounds.

На материалах из позднесарматских погребений Поволжья Б.В. Фирштейн [1970, с. 95–102] подробно проанализировала изменения размерных признаков черепа, образующиеся при лобно-затылочной деформации, и отличия деформированных и недеформированных мужских и женских черепов в сборной саратовской и волгоградско-астраханской группах. Исследователь отметила, что при высокой кольцевой деформации уменьшается поперечный диаметр и соответственно черепной указатель, а лобная кость становится более покатой. Длина основания черепа и лица увеличиваются, но в разной степени, поэтому лицо в результате становится более ортогнатным. Увеличивается выступание лица на уровне назиона, а также его высота и высота орбит и носа. Аналогичные результаты получили М.А. Балабанова [2003] и Е.Ф. Батиева [2011]. Исследованные преднамеренно деформированные черепа с территории Ширакской равнины различаются между собой по степени деформации: от очень сильной до едва заметной.

Вероятно, повязка снималась и какое-то время голова не подвергалась давлению либо повязка носилась не достаточное время для достижения максимальной степени давления и т.д. Более жесткая деформация достигалась, вероятно, круговой повязкой, закрепляющей маленькие дощечки, накладываемые на лобную кость и чешую затылочной кости (в частности, мужской череп из могильника Кармракар; рис. 7а). Так как повязка шла через лобную и затылочную кости, то произошло снижение высоты изгиба этих костей. Лобная кость расширилась в своей самой узкой части и стала покатой — «убегающий» назад лоб. Понижение кривизны чешуи затылочной кости привело к повышению черепного свода. Как уже было сказано выше, деформированная часть серии из Ширакской равнины более высоколицая и узколицая, чем черепа без деформации.

Почти у всех индивидов из могильников Черная крепость I (за исключением мужского черепа из погр. 28) и Вардбах (за исключением мужского черепа из погр. 6) имеются признаки непреднамеренной искусственной деформации колыбельного типа. У 55,89 % индивидов из бениаминского могильника наблюдается подобная деформация головы. На женском и на двух мужских черепах из могильника Ширакаван I выявлены следы непреднамеренной деформации в затылочной и затылочно-теменной областях.

У двух индивидов из Вардбаха (погр. 4-1, 4-2; рис. 8) обнаружена врожденная деформация головы (plagiocephalia). У индивида из погр. 4 синостозная (синостотическая) плагиоцефалия. Данный тип деформации (затылочная плагиоцефалия) вызывается преждевременным окостенением части швов черепа (ламбдовидного и саггитального). Асимметрия черепа у индивида — правосторонняя. Так как у индивида фиксируется непреднамеренная затылочная деформация, то вполне вероятно, что врожденная деформация была усилена непреднамеренной деформацией колыбельного типа.

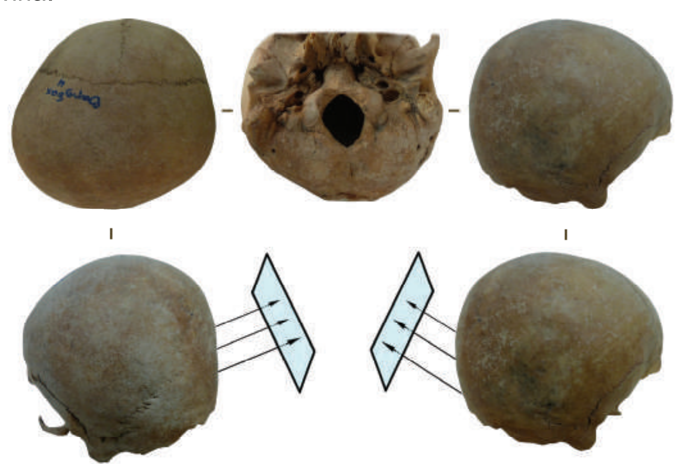

Рис. 8. Врожденная деформация головы (плагиоцефалия), непреднамеренная деформация черепа колыбельного типа (Вардбах, погр. 4-2).
Fig. 8. Congenital deformity of the head (plagiocephaly), unintended deformation of the skull of the cradle-type (Vardbakh, burial 4-2).

Детальный анализ краниологических материалов из городских и сельских могильников позволил констатировать сложный антропологический состав античного населения Армянского нагорья, выявить причины антропологической и этнической неоднородности населения. Соотношение результатов миграций и автохтонного развития популяций в ходе этногенетических процессов — один из основных вопросов исторической науки. Антропологические данные позволяют установить факт миграции (через фиксацию изменений в антропологическом типе в пределах данного региона на определенном хронологическом срезе). Киммерийцы, скифы, сарматы, саки часто совершали военные набеги на Кавказ, Армянское нагорье и в Малую Азию. Сведения об эпизодических инфильтрациях подобного рода содержатся в античных [Страбон, XI, V, 8] и древнеармянских [Хоренаци, 1893] источниках, освещающих исторические события рассматриваемой эпохи. В процессе передвижений кочевых племен происходило их взаимодействие с местными группами. Результаты исследования продемонстрировали высокий уровень интенсивности межкультурных взаимодействий населения Армении с группами с Ближнего Востока, из Восточной Европы и Центральной Азии. Статистический анализ выявил различную

направленность антропологических связей. Наиболее близкими к городским мужским группам оказались ближневосточные серии и носители черняховской культуры. М.С. Великанова [1975] и Т.А. Рудич [2010] также указывают на связи населения черняховских могильниках Молдовы со средиземноморскими сериями. Р.У. Гравере [1999] связывает происхождение населения черняховской культуры с южными европеоидами. Сельские выборки Армянского нагорья оказались близки скифам Крыма, Украины и Приднестровья. Женские городские античные выборки Армении близки скифам Украины и Крыма и носителям черняховской культуры Приднестровья. Сельское население Гехаркуникской провинции проявляет определенное морфологическое сходство со скифами Среднего Днепра и Молдовы. О морфологических аналогиях скифских серий из курганов Нижнего Поднепровья некоторым закавказским сериям также указано в работах С.И. Круц [2002a, b]. Женщины из сельских могильников Ширакской равнины морфологически сходны с носителями среднесарматских культур Подонья, а также с населением первых веков н.э. из Танаиса, Европейского, Азиатского Боспора. Выявлены и морфологические аналогии с населением Северной Туркмении и Западной Украины (черняховская культура), что может быть следствием устойчивых связей в результате периодического проникновения мигрантных групп на территорию Армянского нагорья.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абдушелишвили М.Г. Антропология населения Кавказа в позднеантичное время. Тбилиси: Мецниереба, 1978a. 309 с. (На груз. яз.)

Абдушелишвили М.Г. Антропология населения Кавказа в раннеантичном и эллинистическом периоде. Тбилиси: Мецниереба, 1978b. 111 с. (На груз. яз.).

Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа. М.: Наука, 1974. 317 с.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия: (Методика антропологических исследований). М.: Наука,1964. 128 с.

Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М.: МГУ, 1973. 330с.

Багдасарова Н.А. Савроматы юго-западного Приаралья по материалам могильника Казыбаба // Этническая антропология Средней Азии. М.: Старый сад, 2000. Вып. 2. С. 78–112.

Балабанова М.А. Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья: Ранний железный век. М.: Наука, 2000. 133 с.

Балабанова М.А. Реконструкция социальной организации поздних сарматов по антропологическим данным // Нижневолж. археол. вестник. 2003. Вып. 6. С. 66–88.

Батиева Е.Ф. Население Нижнего Дона в IXв. до н.э. — IV в. н.э.: (Палеоантропологическое исследование). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 160 с.

Богданов А.П. Древние киевляне по их черепам и могилам // Известия Имп. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 35: Антропологическая выставка 1879 г. Т. III, ч. I. М.: Тип. М.П. Лаврова, 1880. С. 305–319.

Великанова М.С. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М.: Наука, 1975. 283 с.

Герасимова М.М. Краниология могильника Мощевая Балка // Археологические открытия на новостройках: Древности Северного Кавказа: (Материалы работ северокавказской экспедиции). М.: Наука, 1986. Вып. 1. С. 204–213.

Герасимова М.М., Рудь Н.Н., Яблонский Л.Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М.: Наука, 1987. 253 с.

Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. М.: Наука, 1972. 372с.

Гравере Р.У. Одонтологический аспект этногенеза и этнической истории восточнославянских народов // Восточные славяне: Антропология и этническая история. М., 1999. С. 205–218.

Денисова Р.Я. Антропология древних балтов. Рига: Зинатне, 1975. 403 с.

Касимова Р.М. Антропологическое исследование черепов из Мингечаура. Баку: АН АзССР, 1960. 133 с.

Кондукторова Т.С. Антропология древнего населения Украины (I тыс. до н.э. — середина I тыс. н.э.). М.: Наука, 1972. 155 с.

Кондукторова Т.С. Физический тип людей Нижнего Приднестровья на рубеже нашей эры (по материалам могильника Николаевка-Казацкое). М.: Наука, 1979. 127с.

Конопелькин Д.С., Гончарова Н.Н. Сравнительный краниологический анализ восточноевропейских городских и сельских выборок XVI–XVIII вв. // РА. 2016. № 2. С. 75–87.

Круц С.И. Антропологический состав сельского населения Восточного Крыма в скифского время (по материалам могильника Фронтовое-I) // Вестник антропологии. 2005. Вып. 12. С. 56–75.

Круц С.И. Антропологічні дані до кіммерійськоі проблеми // Археологія. № 4. 2002a. С. 13–29.

Круц С.И. Антропологические материалы к киммерийской проблеме // Сучасні проблеми археології. Киев, 2002b. С. 113–115.

Литвинова Л.В. О населении Европейской Скифии (по антропологическим материалам могильника Мамай-Гора) // РА. 2002. № 3. С. 39–45.

Паликян А.К. Новые палеоантропологические материалы с территории Армении // Биол. журн. Армении. 1990. № 4 (43). С. 296–300.

Фирштейн Б.В. Сарматы Нижнего Поволжья в антропологическом освещении // Т.А. Тот, Б.В. Фирштейн. Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов: Авары и сарматы. Л.: Наука, 1970. С. 69–146.

Рудич Т.А. Население черняховской культуры Дунайско-Днестровского междуречья по материалам антропологии // Stratum plus. 2010. № 4. P. 223–231.

Страбон. География. В 17 кн. / Пер. Г.А. Стратановского. М.: Наука, 1964. 943 с.

Трофимова Т.А. Черепа из Никольского кладбища: (К вопросу об изменчивости типа во времени) // Материалы по антропологии Восточной Европы. М.: МГУ, 1941. С. 211–234. (Уч. записки МГУ; Вып. 63).

Ходжайов Т.К. Обычай преднамеренной деформации головы в Средней Азии // Антропологические и этнографические сведения о населении Средней Азии. М.: Старый сад, 2000. Вып. 2. С. 22–23.

Хоренаци М. Исторія Арменіи: Новый переводъ Н.О. Эмина (съ примѣчаніями и приложеніями). М.: В.А. Гатпукъ (Д. Чернышевскій), 1893. 323 с.

Худавердян А.Ю. Население Армянского нагорья в античную эпоху (по антропологическим данным Бениаминского могильника). Ереван: Тигран Мец, 2000. 140 с.

Худавердян А.Ю. Антропологические особенности населения Армянского нагорья и этногенетическая ситуация на Южном Кавказе в эпоху средневековья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 1 (40). С. 60–88.

Яблонский Л.Т. Краниологические материалы из склепов Присарыкамышского могильника Сакар-Чага I (V–III вв. до н.э.) // Антропологические и этнографические сведения о населении Средней Азии. М.: Старый сад, 2000. Вып. 2. С. 47–77.

Яблонский Л.Т. К антропологической характеристике населения Южного Приуралья позднесарматского времени (по материалам могильника Покровка-10) // Вестник антропологии. 2005. Вып. 12. С. 45–55.

Buikstra J.E., Ubelaker D.H. Standards of data collection from human skeletal remains. Arkansas Archaeol. Survey Research Series. 44. Fayetteville, 1994. 218 p.

Khudaverdyan A. Artificial modification of skulls and teeth from ancient burials in Armenia // Anthropos. 2011. Vol. 106 (2). P. 602–609.

Khudaverdyan A.Yu. Armenia in the Eurasian ethnic context of late classical antiquity: Craniometric evidence // Archaeology, Ethnography & Anthropology of Eurasia, 2012. № 3 (51). P. 138–148.

Khudaverdyan A.Yu. Les inhumations de la cimetières de la plaine Chirak (Arménie), approche biologique et sociale // Etnoantropološki problem. 2014. Vol. 9 (1). P. 219–242.

Khudaverdyan A.Yu. Artificial Deformation of Skulls from Bronze Age and Iron Age Armenia // The Mankind Quarterly. 2016. Vol. 56 (4). P. 513–534.

Muradyan F., Zardaryan D., Gasparyan B., Aghikyan L. Discovery of the First Chalcolithic burial mounds in the Republic of Armenia // Stone Age of Armenia: A Guide-book to the Stone Age Archaeology in the Republic of Armenia. Kanazawa University: Center for Cultural Resource Studies, 2014. P. 339–364.

A.Yu. Khudaverdyan *, A.A. Hovhanisyan **, A.A. Yengibaryan *, R.Sh. Matevosyan ***, G.G. Qocharyan *, P.S. Palanjan *, L.G. Eganyan ****, A.A. Khachatryan ******

* Institute of Archaeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia
Charents st., 15, Yerevan, 0025, Republic of Armenia
E-mail: akhudaverdyan@mail.ru; ruzanpal@gmail.comr; Vruyr2001@yahoo.com
** «Armenia» Republican Medical Center
Margaryan st., 6, Yerevan, 0078, Republic of Armenia
E-mail: alexanyannune@gmail.com; rouben.davtyan@gmail.com
*** Yerevan Mkhitar Heratsi State Medical University
E-mail: ripmatev@mail.ru
Koryun st., 2, Yerevan, 0025, Republic of Armenia
**** Shirak Centre of Armenian Studies, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia
Myasnikyan st., 118, Gyumri, 3114, Republic of Armenia
E-mail: smuseum@web.am; larisayeganyan@gmail.com

Population of the Armenian Higlands in the age of Antiquity (according of anthropological materials of urban and rural settlements)

Article is devoted to studying of bone remains from antique burial grounds from the territory of the Armenian Highland. Anthropological materials of burials consist of 322 skeletons and dated I–III c. AD. The article analyzes the differences in anthropological characteristics of urban and rural population of Armenia of Antiquity period. The

work is based on classical craniometric and statistical research methods. Artificial cranial deformationare and unintended deformation of a cradle-type found among urban and rural populations. As an intragroup analysis showed, the main differences between male urban and rural population across the size of the width of the frontal bone and face. If the villagers face orthognatic, angle of horizontal profiling at the top level enters the category of averages, in urban women face mezognatik, the angle of horizontal profiling is characterized by small values. Intergroup analysis showed, closest to urban male groups it turned out the tribes of Chernyakhov culture and the population of the Middle East. A male part of the villagers shows intimacy with Scythians of Crimea, Ukraine and Transnistria. The female part of the towns' people is close with the Scythians of Ukraine and Crim; villagers are morphologically similar to the carriers of the Middle Sarmatian cultures of the Don region, with a population of the first centuries AD from Tanais, European and Asian Bosporus. Morphological analogies with the population of Northern Turkmenistan (Tumek-Kichidzhik), Western Ukraine (Chernyakhov culture), Middle Dnieper and Moldova (Scythians) were also revealed. This circumstance confirms the fact of sustainable, constant migration flow to the territory of the Armenian Highlands.

Key words: Armenia, Antiquity period, anthropological type, craniology, urban and rural population, artificially deformed skulls.

REFERENCES

Abdushelishvili M.G. (1978a). *Anthropology of the Caucasian population in the late antiquity Age.* Tbilisi: Metsniereba. (Georgian).

Abdushelishvili M.G. (1978b). *Anthropology of the Caucasian population in the Early Antique Age and Hellenistic period.* Tbilisi: Metsniereba. (Georgian).

Alekseev V.P. (1974). *Origin of the Peoples of the Caucasus.* Moscow: Nauka. (Rus.).

Alekseev V.P., Debets G.F. (1964). *Craniometry: Methods of anthropological researches.* Moscow: Nauka. (Rus.).

Alekseeva T.I. (1973). *Ethnogenesis of Eastern Slavs according to anthropology*. Moscow: MGU. (Rus.).

Bagdasarova N.A. (2000). Sauromats of the South-Western Priaralie on the materials from the Kazybaba burial ground. In: *Etnicheskaia antropologiia Srednei Azii* (pp. 78–112). Moscow: Starii sad. (Rus.).

Balabanova M.A. (2000). *Anthropology of the ancient population of the Southern Urals and the Lower Volga region: The Early Iron Age.* Moscow: Nauka. (Rus.).

Balabanova M.A. (2003). Reconstruction of the social organization of the Late Sarmatians according to anthropological data. *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik*, (6), 66–88. (Rus.).

Batieva E.F. (2011). *The population of the Lower Don in 9th c. BC — 4th c. AD: (Paleoanthropological study).* Rostov-na-Donu: YuNTs RAS. (Rus.).

Bogdanov A.P. (1880). Ancient Kievites in their skulls and graves. *Izvestiia Imp. O-va liubitelei estestvoznaniia, antropologii i etnografii*, 35, 305–319. (Rus.).

Buikstra J.E., Ubelaker D.H. (1994). *Standards of data collection from human skeletal remains*. *Arkansas Archaeol*. *Survey Research Series*, 44. Fayetteville.

Denisova R.Ya. (1975). *Anthropology of the ancient Balts.* Riga: Zinatne. (Rus.).

Firshtein B.V. (1970). Sarmatians of the Lower Volga region in anthropological lighting. In: T.A. Tot, B.V. Firshtein. *Antropologicheskie dannye k voprosu o velikom pereselenii narodov: Avary i sarmaty* (pp. 69–146). Leningrad: Nauka. (Rus.).

Gerasimova M.M. (1986). Craniology of the Moshchevaya Balka burial ground. In: *Arkheologicheskie otkrytiia na novostroikakh: Drevnosti Severnogo Kavkaza: (Materialy rabot severokavkazskoi ekspeditsii)* (pp. 204–213). Moscow: Nauka. (Rus.).

Gerasimova M.M., Rud' N.N., Iablonskii L.T. (1987). *Anthropology of the Ancient and Medieval population of Eastern Europe*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Ginzburg V.V., Trofimova T.A. (1972). *Paleoanthropology of Central Asia.* Moscow: Nauka. (Rus.).

Gravere R.U. (1999). Odontological aspect of ethnogenesis and ethnic history of Eastern Slavic peoples. In: *Vostochnye slaviane: Antropologiia i etnicheskaia istoriia* (pp. 205–218). Moscow. (Rus.).

Kasimova R.M. (1960). *Anthropological study of skulls from Mingechaur.* Baku: AN AzerSSR. (Rus.).

Khodzhaiov T.K. (2000). The custom of intentional deformation of the head in Central Asia. In: *Antropologicheskie i etnograficheskie svedeniia o naselenii Srednei Azii* (pp. 22–23). Moscow: Starii sad. (Rus.).

Khorenatsi M. (1893). *History of Armenia.* Moscow: V.A. Gatpuk` (D. Chernishevskii). (Rus.).

Khrisanfova E.N. (1978). *Evolutionary morphology of the human skeleton.* Moscow: MGU. (Rus.).

Khudaverdyan A.Yu. (2000). *The population of the Armenian Highlands in ancient times (according to anthropological data of the Beniamin cemetery).* Yerevan: Tigran Mets. (Rus.).

Khudaverdyan A. (2011). Artificial modification of skulls and teeth from ancient burials in Armenia. *Anthropos*, (106), 602–609.

Khudaverdyan A.Yu. (2012). Armenia in the Eurasian ethnic context of late classical antiquity: Craniometric evidence. *Archaeology, Ethnography & Anthropology of Eurasia*, 51(3), 138–148.

Khudaverdyan A.Yu. (2014). Les inhumations de la cimetières de la plaine Chirak (Arménie), approche biologique et sociale. *Etnoantropološki problem*, 9(1), 219–242. (French).

Khudaverdyan A.Yu. (2016). Artificial Deformation of Skulls from Bronze Age and Iron Age Armenia. *The Mankind Quarterly*, 56 (4), 513–534.

Khudaverdyan A.Yu. (2018). Anthropological characteristics of the Armenian Highlands population and ethnogenetic situation in south Eastern Europe in the Middle Age. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (1), 60–88. (Rus.).
Konduktorova T.S. (1972). *Anthropology of the ancient population of Ukraine (I millennium BC — mid I millennium AD).* Moscow: Nauka. (Rus.).
Konduktorova T.S. (1979). *Physical type of people of Lower Transnistria at the turn of our era (based on materials from Nikolaevka-Kazatskoe burial ground).* Moscow: Nauka. (Rus.).
Konopel'kin D.S., Goncharova N.N. (2016). Comparative craniological analysis of Eastern European urban and rural samples of the XVI–XVIII centuries. *Rossiiskaia arkheologiia*, (2), 75–87. (Rus.).
Korneev M.A., Komissarova E.N. (2003). The effect of different somatotypes on the intensity of changes in growth indicators and body weight in the period of the first childhood. *Morfologiia*, (5), 72–75. (Rus.).
Kruts S.I. (2002a). Anthropological data for the Cimmerian problem. *Arkheologiia*, (4), 13–29. (Rus.).
Kruts S.I. (2002b). Anthropological data for the Cimmerian problem. In: *Suchasni problemi arkheologii* (pp. 113–115). Kiev. (Rus.).
Kruts S.I. (2005). Anthropological composition of the rural population of Eastern Crimea in the Scythian time (on materials of the Frontovoe-I burial ground). *Vestnik antropologii*, (12), 56–75. (Rus.).
Litvinova L.V. (2002). About the population of European Scythia (on anthropological materials of the Mamai-Gora burial site). *Rossiiskaia arkheologiia,* (3), 39–45. (Rus.).
Muradyan F., Zardaryan D., Gasparyan B., Aghikyan L. (2014). Discovery of the First Chalcolithic burial mounds in the Republic of Armenia. In: *Stone Age of Armenia: A Guide-book to the Stone Age Archaeology in the Republic of Armenia* (pp. 339–364). Kanazawa University: Center for Cultural Resource Studies.
Palikian A.K. (1990). New paleoanthropological materials from the territory of Armenia. *Biologicheskii zhurnal Armenii*, 43(4), 296–300.
Rudich T.A. (2010). The population of the Chernyakhov culture of the Danube-Dniester interfluve according to the materials of anthropology. *Stratum plus*, (4), 223–231. (Rus.).
Strabon (1964). *Geograph: In 17 books*. Moscow: Nauka. (Rus.).
Trofimova T.A. (1941). Skulls from Nikolsky cemetery: (On the issue of type variation in time). In: *Materialy po antropologii Vostochnoi Evropy* (pp. 211–234). (Rus.).
Velikanova M.S. (1975). *Paleoanthropology of the Prut-Dniester interfluve.* Moscow: Nauka. (Rus.).
Yablonskii L.T. (2000). Craniological materials from the crypts of the Sarykamysh burial ground of Sakar-Chaga I (V–III centuries BC). In: *Antropologicheskie i etnograficheskie svedeniia o naselenii Srednei Azii* (pp. 47–77). Moscow: Starii sad. (Rus.).
Yablonskii L.T. (2005). To the anthropological characteristics of the population of the Southern Urals of the Late Sarmatian time (on materials from the burial site Pokrovka-10)]. *Vestnik antropologii*, (12), 45–55. (Rus.).

А.Ю. Худавердян, https://orcid.org/0000-0002-1458-783X
А.А. Оганесян, https://orcid.org/0000-0002-9482-5921
А.А. Енгибарян, https://orcid.org/0000-0002-7898-5693
Р.Ш. Матевосян, https://orcid.org/0000-0003-3374-9846
Г.Г. Кочарян, https://orcid.org/0000-0003-0406-0177
Р.С. Паланджян, https://orcid.org/0000-0002-9456-5322
А.А. Хачатрян, https://orcid.org/0000-0001-8942-267X

Submitted: 20.10.2019
Accepted: 19.12.2019
Article is published: 02.03.2020

А.В. АТАНЕСЯН, О.Ю. ПОСУХОВА

ПОСТПРОТЕСТНЫЕ НАСТРОЕНИЯ В АРМЯНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

АТАНЕСЯН Артур Владимирович – доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой прикладной социологии факультета социологии Ереванского государственного университета, Ереван, Армения (atanesyan@yandex.ru); *ПОСУХОВА Оксана Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия* (belloks@yandex.ru).

Аннотация. *Представлены результаты социологического исследования, проведенного через год после массовых протестов и смены власти («Бархатной революции») в Армении весной 2018 г. для выявления восприятия армянским обществом результатов этих событий. Рассматриваются оценки рейтинга премьер-министра Армении Н. Пашиняна и эффективность деятельности новой власти, а также степень поддержки населением постпротестной политической элиты и готовность населения вновь участвовать в массовых политических протестах. Сделан вывод, что авторитетность и авторитарность Пашиняна как политического лидера по-прежнему непосредственно зависят не столько от эффективности деятельности парламента и правительства, сколько от прямой коммуникации бывшего лидера «Бархатной революции» с населением через апробированные весной 2018 г. каналы коммуникации (прямые обращения к населению в Фейсбуке, повседневное общение с гражданами и т.п.). Дан прогноз, что снижение популярности органов власти и увеличение разрыва между личным рейтингом Пашиняна и рейтингом других политических сил Армении будет еще больше способствовать актуализации его авторитарного лидерства. С другой стороны, в долгосрочной перспективе именно личная популярность Пашиняна будет испытывать риски потери легитимности в случае неэффективности решения базовых и застарелых (в основном – социально-экономических) проблем. Таким образом, после перехода власти к оппозиции во время «Бархатной революции», которая шла под лозунгами протеста против политического авторитаризма, высока вероятность воспроизводства традиционной авторитарной политической культуры в новом (популистском) формате.*

Ключевые слова: *массовые политические протесты • «Бархатная революция» • общественное восприятие власти • доверие к власти • политическое лидерство*

DOI: 10.31857/S013216250008494-6

Проблема, цели и задачи исследования. Современное армянское общество претерпевает ряд преобразований, связанных как с глобальными тенденциями информатизации, виртуализации коммуникативных процессов и активного использования сетевых технологий в политическом управлении, так и с различными формами проявления политической жизни в самом армянском обществе, включая протестную активность населения и прямое политическое участие. Разочарование в деятельности власти и политических лидерах постсоветского периода, застарелые социально-экономические проблемы и высокий уровень эмиграции, а также все еще преобладающие патерналистские настроения в отношении государства привели к стабильно критическому восприятию обществом деятельности органов власти и их стабильно низкому рейтингу. Кроме того, относительно высокий уровень свободы слова и массовых коммуникаций в стране, включая частично свободные СМИ и свободный Интернет, позволили критическим настроениям в обществе обрести форму массовых политических протестов через протестную коммуникацию

Статья подготовлена при финансовой поддержке Южного федерального университета. Авторы благодарят коллег за участие и содействие в сборе полевой информации.

(включая площадки виртуальных социальных сетей) и интеракцию (протестные акции офлайн, в реальном пространстве) [Атанесян, 2018].

Подобные процессы являются в той или иной степени актуальными и актуализируемыми для ряда постсоветских стран, включая РФ. В частности, в ряде постсоветских стран с авторитарными характеристиками наблюдаются риски смены власти с использованием технологий «цветных революций» [Сундиев, Смирнов, 2016; Родькин, 2015], а также опасения возможных изменений традиционных взаимоотношений между столичными политическими элитами и региональными акторами [Giragosian, 2019; Shirinyan, 2019][1]. Самое главное, есть скепсис по поводу эффективности постпротестных реформ в связи с относительной стабильностью национальной политической культуры с существенно недемократическими характеристиками ментальности и поведения (например, коррупцией). Все это делает анализ опыта протестной и постпротестной динамики социальных процессов (в частности, в Армении) актуальным для всех стран со схожими проблемами и рисками.

Напомним историю событий. В 2015–2018 гг. преимущественно социально-экономические требования участников массовых протестов в Армении постепенно обретали политический характер, выражаясь в обвинениях в адрес руководства страны. Параллельно рос уровень консолидированности протестующих, что в конечном итоге вылилось в массовые протесты весной 2018 г. и отставку 23 апреля премьер-министра (бывшего президента) Армении Сержа Саркисяна. Лидер оппозиции журналист Никол Пашинян, депутат парламента от оппозиционного союза «Елк» («Выход»), был избран 8 мая 2018 г. на пост премьер-министра Армении. Благодаря личному авторитету и большой роли в консолидации протестных настроений Пашинян обеспечил высокую исходную легитимность новым членам правительства, а также выдвинутым по партийным спискам кандидатам в депутаты от вновь созданных партий. В результате досрочных выборов в парламент Армении 9 декабря 2018 г. фракции «Мой шаг» и «Просвещенная Армения» составили парламентское большинство именно через ассоциированность с массовыми протестами весной 2018 г. и лично с Пашиняном. Эти события стали называть «Бархатной революцией» (по аналогии с рядом других бескровных политических революций в экс-социалистических странах), хотя сама революционность этих событий остается под вопросом [Атанесян, 2018].

Основная цель исследования – выяснить, как изменилось восприятие армянским обществом ситуации в стране за год после «Бархатной революции». Акцент делался на изучении того, каков уровень доверия населения к новой политической элите и какие компоненты деятельности новой власти в общественном восприятии наиболее и наименее успешны. В ходе исследования сравнивался рейтинг органов власти, представленных в большинстве сторонниками Пашиняна, с его личным рейтингом, дабы выявить структуру власти и риски авторитаризма в деятельности Пашиняна как (пост)революционного лидера. Наконец, мы попытались выяснить, поддержали бы граждане страны премьер-министра Пашиняна сегодня, если бы ему вновь потребовалась аналогичная массовая поддержка через публичную протестную активность.

Ровно через год после смены власти в Армении, 8–22 апреля 2019 г., нами был проведен массовый анкетный опрос. Сбор полевой информации завершился за день до начала активных обсуждений в массмедиа деятельности новых политических сил в течение года после «Бархатной революции», что позволило отчасти избежать воздействия пропаганды и оценочных суждений в СМИ на ответы респондентов. Опрос проводился по принципу

---

[1] Отождествление событий весны 2018 г. в Армении с «цветными революциями» самими лидерами протестов в Армении активно отрицалось. См., например: «Это не Майдан»: участники протестов в Ереване рассказали о своих мотивах // Новости НТВ. 2018. 29 апреля. URL: http://www.ntv.ru/novosti/2011781 (дата обращения: 03.09.2019); Революция с духом. Почему протесты в Армении – это не Майдан // Страна.UA. 2018. 9 мая. URL: https://strana.ua/articles/140080-revoljutsija-s-dukhom.html (дата обращения: 03.09.2019); Протесты в Армении – это не «клон Майдана» // Sputnik Армения. 2018. 3 мая. URL: https://ru.armeniasputnik.am/politics/20180503/11830385/protesty-v-armenii---ehto-ne-klon-majdana.html (дата обращения: 03.09.2019).

кластерной выборки (в каждом кластере – 10 человек, всего кластеров – 100); выборочная совокупность – 1000 чел., включая жителей Еревана и десяти других регионов. Число кластеров пропорционально объему населения в том или ином регионе. В опросе приняли участие жители 30 городов (включая 35% всех опрошенных из г. Ереван) и 36 сел[2].

Результаты исследования. Прежде всего, мы попытались выяснить, как опрошенные участвовали в массовых политических протестах весной 2018 г. и как они воспринимают это участие год спустя (табл.1).

Таблица 1

Участие в массовых политических протестах весной 2018 г. и отношение к ним (*в %*)

Варианты ответов	Ереван	Регионы
Да, и горжусь этим	38	36
Да, но сожалею об этом	10	7
Нет, не смог(ла), но хотел(а) бы	31	36
Нет, не захотел(а)	21	21

В Ереване и других регионах Армении показатель мотивированного участия населения в массовых протестах превышает 1/3 (36–38%). Процент разочаровавшихся в участии через год после этих событий несколько выше в Ереване, однако в целом он низок (не более 10%).

Если суммировать количество людей, участвовавших в массовых протестах (гордящихся этим и разочаровавшихся), то получится очень высокий показатель – примерно 48% в Ереване и 43% в других регионах. Скорее всего, речь идет о различных формах протестного политического участия, в том числе непрямых (активная коммуникация в реальном и виртуальном пространстве, обмен информацией, целевое потребление СМИ и т.д.), что подтверждается также исследованием протестных поведенческих моделей в виртуальных социальных сетях [Атанесян, 2019: 80–81].

Далее респондентам задавался вопрос, как бы поступили они сегодня, если бы Пашиняна и его единомышленников нужно было бы снова поддержать. Данные опроса свидетельствуют (табл. 2), что готовность вновь участвовать в массовых протестных акциях по-прежнему высока: примерно 37% населения в столице и 44% в других регионах Армении готовы повторно выступить в поддержку Пашиняна. Вместе с тем в столице несколько больше и не желающих его поддерживать. Около 40% в среднем по стране не имеют конкретной позиции и реагируют лишь на текущую ситуацию; эти люди могут стать дополнительным ресурсом как новой власти, так и ее противников.

Таблица 2

Вероятность массовой поддержки Пашиняна и его команды протестными акциями сегодня (*в %*)

Варианты ответов	Ереван	Регионы
Однозначно поддержал(а) бы	37	44
Однозначно не поддержал(а) бы	21	17
Затрудняюсь ответить	42	39

[2] Социально-демографическая структура выборки: 48% – женщины и 52% – мужчины; 26% – люди в возрасте 18–30 лет, 46% – 31–55 лет, 28% – от 56 лет и старше.

Во время опроса далее выяснялось, что же изменилось за год после «Бархатной революции» и в какой степени (рис. 1).

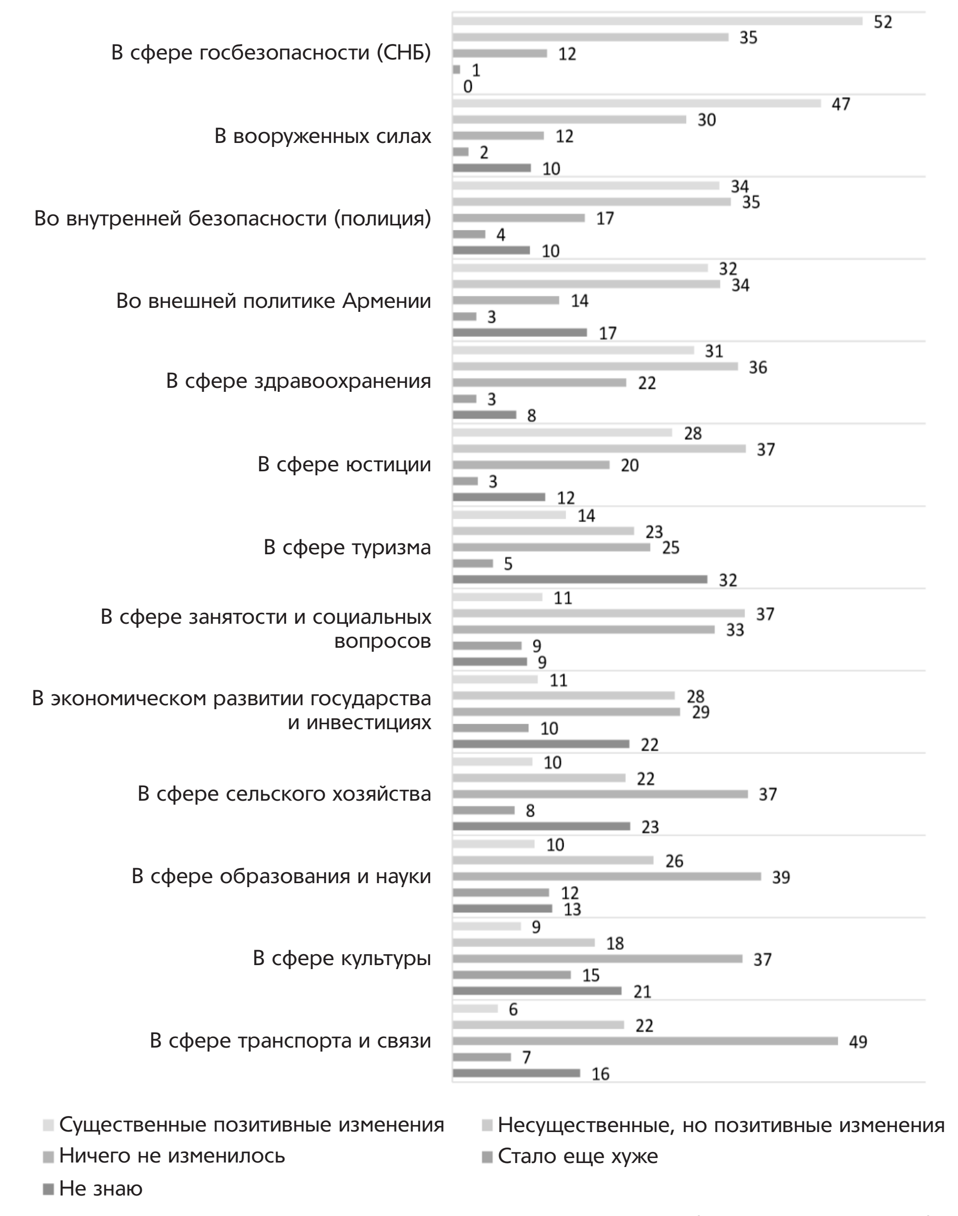

Рис. 1. Восприятие изменений за год после «Бархатной революции» (*данные по стране, в %*)

Из полученных данных видно, что за год после «Бархатной революции» респонденты в основном отмечают существенные изменения к лучшему в деятельности силовых ведомств – Службы национальной безопасности, вооруженных сил (особенно жители

регионов), а также полиции[3]. В сфере здравоохранения, правосудия, а также во внешней политике существенная часть жителей столицы и регионов тоже наблюдает изменения к лучшему – как ощутимые, так и несущественные. Однако в социальной сфере и занятости, ключевым образом отражающих благосостояние общества, либо наблюдаются несущественные изменения к лучшему, либо стагнация. По мнению большинства опрошенных, за год после «Бархатной революции» практически ничего не изменилось в сфере транспорта и связи, культуры, образования и науки, сельского хозяйства (особенно с точки зрения жителей регионов, которые осведомлены о положении в сельском хозяйстве намного лучше, чем столичные жители).

Наиболее показательно отсутствие за постреволюционный год изменений в жизни большинства опрошенных на уровне их микропространства – семьи (особенно по регионам) и области/района (табл. 3). Это означает, что даже позитивные перемены на макроуровне в большинстве случаев еще не отражаются на повседневной жизни людей. В долгосрочном периоде это может привести к отторжению гражданами транслируемых новой властью месседжей об эффективности новых политических процессов и разочарованию в их субъектах.

Таблица 3

Восприятие изменений за год после «Бархатной революции» на уровне социального микропространства (*в %*)

Проживание респондентов	Произошедшие изменения				
	Существенные позитивные изменения	Не существенные, но позитивные изменения	Ничего не изменилось	Стало хуже	Не знаю
Изменения в области или районе проживания					
Ереван	10	23	47	12	8
Регионы	16	27	43	10	4
Изменения в семье					
Ереван	17	19	53	7	4
Регионы	13	21	60	4	2

Опрашиваемым было предложено оценить деятельность органов власти, а также СМИ и общественных организаций за последний год (рис. 2, 3). Как видно, наиболее высоким рейтингом через год после смены власти в стране обладают президент Армении Армен Саркисян[4] и премьер-министр Никол Пашинян, причем рейтинг Саркисяна несколько выше в столице, а Пашиняна – в регионах.

---

[3] Важно заметить, что именно руководители этих ведомств (а не тех, чью деятельность в обществе не считают особо успешной) во второй половине сентября 2019 г. практически одновременно подали в отставку или были перемещены на несиловую и непубличную должность (как в случае с руководителем полиции). Особенно примечательна отставка руководителя СНБ Армении А. Ванецяна, чье ведомство находится в восприятиях общества на первом месте по уровню эффективности в постпротестный период времени. Вероятна характерная для постреволюционных процессов поведенческая модель избавления от влиятельных соратников по «революции». Используя эту модель, Пашинян продолжает укреплять авторитарную форму собственного правления.

[4] Согласно действующей конституции, президент Армении принимает решения (например, назначает на политические должности) в основном по предложению премьер-министра или Правительства РА, формально не являясь основным лидером государства. Высокий рейтинг президента А. Саркисяна, скорее всего, объясняется традиционным типом лидерства в его лице, востребованным в обществе с актуальными традиционными взглядами на критерии авторитетности. Это – опытный руководитель, обладающий достаточным экономическим и социальным капиталом, отец и дед в созданной им и обеспеченной семье, успешный публичный политик, тем или иным образом связанный со всеми постсоветскими элитами Армении и вместе с тем не демонстрирующий открыто конфронтационных намерений в отношении старых и новых представителей власти.

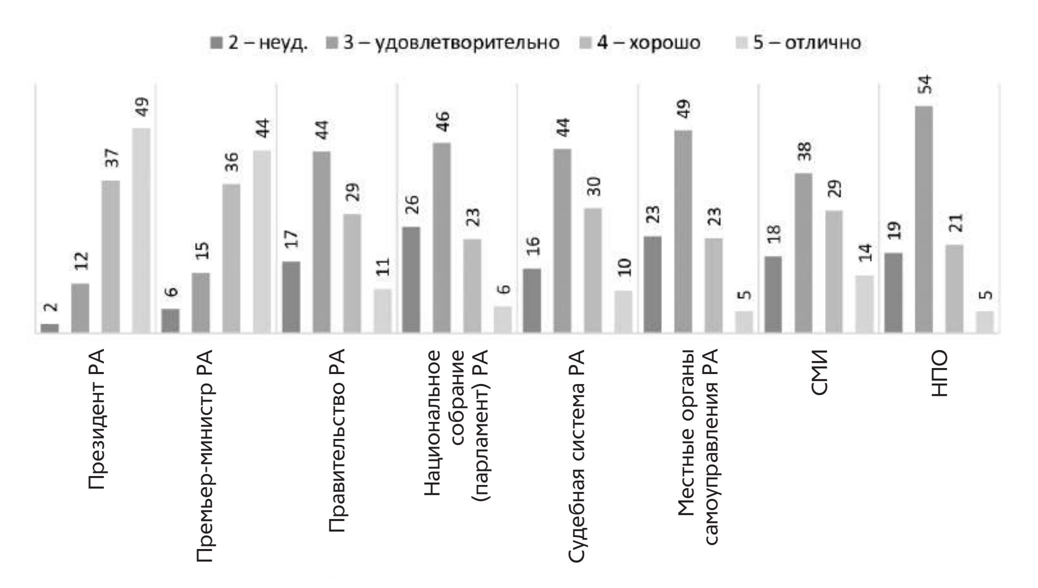

Рис. 2. Оценки органов власти, СМИ и общественных организаций жителями Еревана (*в %*)

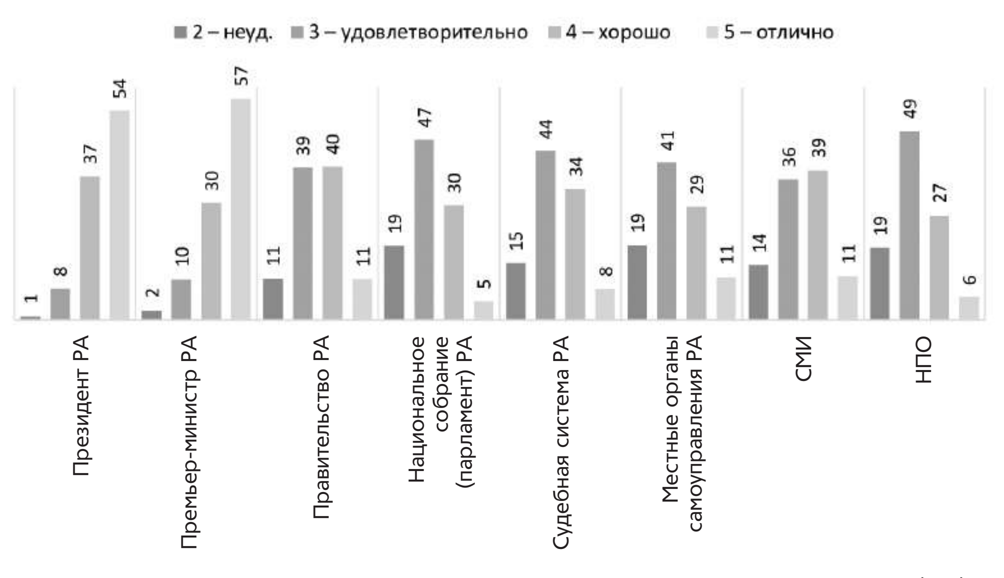

Рис. 3. Оценки органов власти, СМИ и общественных организаций жителями регионов (*в %*)

Важно заметить: *институты власти по-прежнему не пользуются той популярностью, какой пользуются личности*. В частности, рейтинг Правительства существенно ниже рейтинга возглавляющего его премьер-министра, несмотря на то что большая часть членов Правительства – соратники Пашиняна по «Бархатной революции». В столице и регионах страны деятельность органов власти оценивается в основном удовлетворительно. Но это – отнюдь не то, что хотело бы видеть население по итогам смены власти и объявления системных преобразований в Армении. Представители власти, как правило, отвечают на подобную критику в свой адрес недостаточностью года после «революции» для подведения итогов начатых реформ.

Деятельность НПО нередко считается движущей силой современных массовых протестов со сменой режимов (см., напр.: [Наумов, 2018]) и, соответственно, должна бы пользоваться высоким уровнем доверия в постпротестных обществах. Однако, как показывает исследование, оценки деятельности НПО в постреволюционной Армении не высоки.

Для понимания динамики популярности Пашиняна в послереволюционный период респондентам был задан вопрос, изменилось ли их отношение к Пашиняну после его избрания премьер-министром (табл. 4).

Таблица 4

Отношение к премьер-министру Н. Пашиняну через год после «Бархатной революции» (*в %*)

Варианты ответов	Ереван	Регионы
Было и остается однозначно положительным	35	43
Было и остается скорее положительным, чем отрицательным	26	30
Было положительным, однако стало нейтральным	17	15
Было положительным, однако стало отрицательным	10	7
Было и остается отрицательным	6	2
Всегда относился(лась) к нему равнодушно	6	3

Как видим, более 60% в Ереване и 70% в регионах по-прежнему доверяют Пашиняну. Вместе с тем, сопоставляя данную информацию с результатами исследования о готовности участвовать в массовых протестах в поддержку Пашиняна (табл. 2), можно видеть, что не все граждане, положительно относящиеся к Пашиняну, готовы вновь поддержать его, участвуя в массовых протестных акциях. Из полученных результатов следует, что отношение к Пашиняну за год изменилось в сторону нейтрального и даже негативного (разочарованного) примерно у 27% в столице и 22% в других регионах.

Одной из задач исследования было выявление объективных и личностных факторов, влияющих на имидж Пашиняна в обществе (рис. 4).

Высокому рейтингу Пашиняна, как видно, прежде всего способствуют уголовные дела, заведенные на представителей прежней политической, экономической и военной элиты (в том числе на бывшего президента Армении Р. Кочаряна). Несмотря на провозглашенную Пашиняном *мирную* «революцию», значительная часть населения требует *наказания* тех, кого принято винить в экономических и политических преступлениях. Правительство Пашиняна стимулирует подобные требования и готово их удовлетворять, что может быть чревато подменой необходимых реформ показательными действиями.

Большей части опрошенных импонирует коммуникативный имидж Пашиняна, в частности его манера прямого и непосредственного общения с людьми, в том числе в соцсети Фейсбук. По уровню воздействия на популярность Пашиняна данным факторам уступает деятельность соратников Пашиняна и его назначенцев в органах власти.

Наиболее проблемные факторы – кадровая политика Пашиняна, а также социально-экономическая обстановка в стране. Однако его высокая популярность все еще сдерживает уровень недовольства существенного сегмента населения насущными социально-экономическими проблемами.

Очевидно персонифицированное восприятие политической жизни армянским обществом, в котором институциональные формы воспринимаются как второстепенные, зависящие от личности руководителя. Тем самым, будучи по-прежнему носителями традиционной национальной политической культуры, большинство представителей армянского общества продолжает возлагать на лидера (в данном случае – Пашиняна) всю ответственность за деятельность политической системы. Соответственно, премьер-министр рискует оказаться на месте предыдущих авторитарных лидеров, которые из-за умышленной концентрации всех властных полномочий и неспособности эффективно решать системные

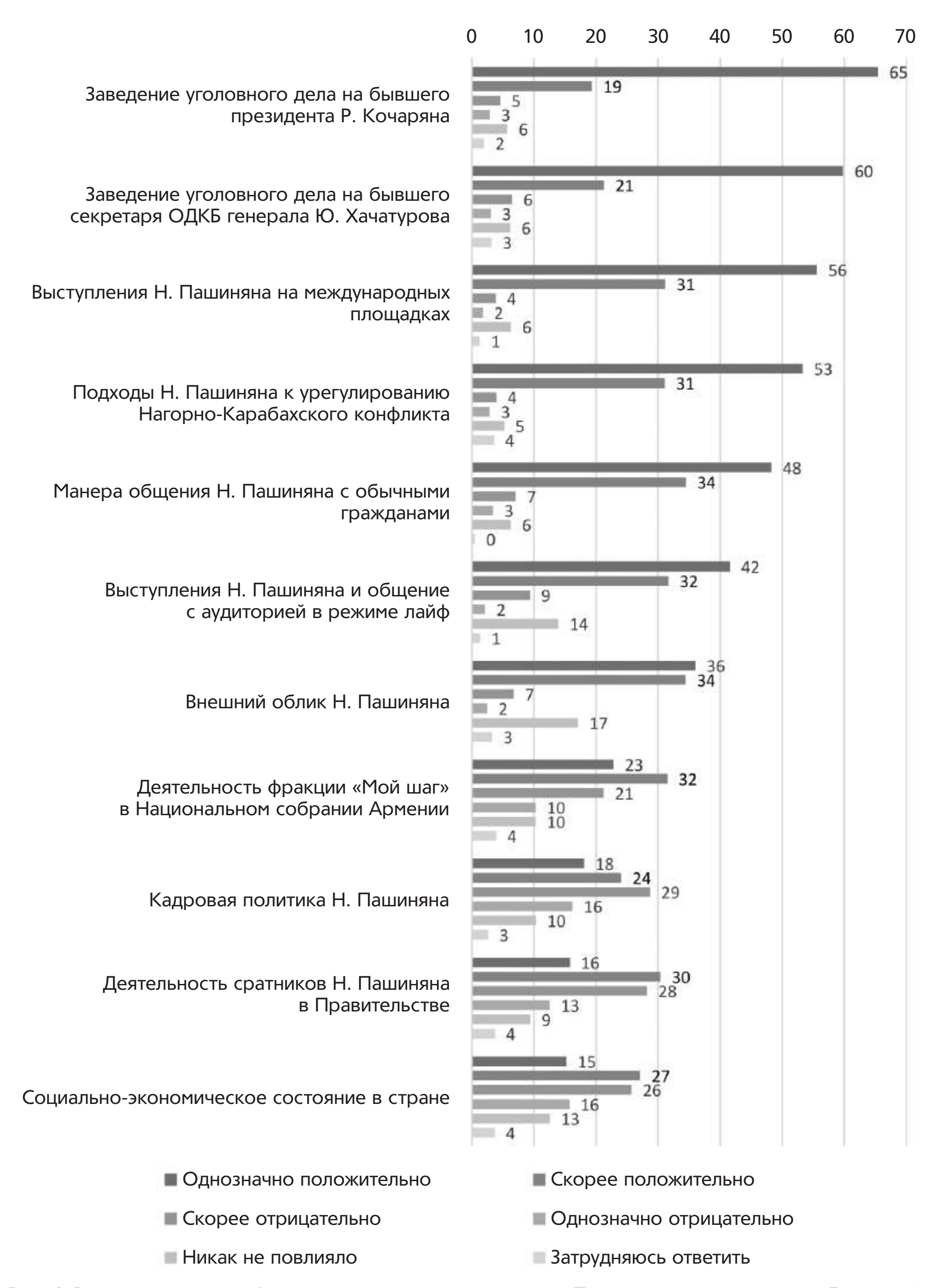

Рис. 4. Влияние различных факторов на отношение граждан к Пашиняну через год после «Бархатной революции» (*в %*)

вопросы со временем из лидеров-героев превращались в консолидированный объект массового недовольства, утрачивая первоначальную легитимность.

Выводы. Результаты исследования свидетельствуют о высоком уровне персонификации политической системы в восприятиях граждан Армении, что характерно для армянского общества как до, так и после смены власти весной 2018 г. Популярность бывшего революционного лидера, а ныне премьер-министра Пашиняна по-прежнему высока и, несмотря на появление в течение года после «Бархатной революции» определенной разочарованности в нем и его деятельности, Пашинян еще способен мобилизовывать существенный сегмент населения, в основном совпадающий с поддержавшими его год назад. Власть в стране ассоциируется именно с Пашиняном, популярность которого несоизмеримо выше популярности институтов власти (Правительства, Парламента и судов). Рейтинг Пашиняна по-прежнему в существенной степени обеспечивается через его позиционирование как лидера контрэлиты (продолжающаяся борьба с представителями прежней власти через пропаганду и уголовное преследование), а также через его беспрецедентную внутри- и внешнеполитическую коммуникативную деятельность (выступления онлайн и офлайн, формат неформального общения с иностранными партнерами и соотечественниками).

Общественное сознание фиксирует определенные позитивные сдвиги – реформы вооруженных сил, полиции, юстиции, отчасти – здравоохранения. Однако бо́льшая часть населения за год после смены власти в стране не видит существенных изменений к лучшему в таких критических областях, как экономика, социальная безопасность, сельское хозяйство и инвестиции. Вместе с тем существенная часть населения не спешит делать выводы о неэффективности постреволюционной элиты и в основном оценивает ее деятельность удовлетворительно, что также обеспечивается сдерживающим фактором личной авторитетности и популярности Пашиняна. Но следует помнить (тому есть много примеров на постсоветском пространстве), что авторитет лидера, не подпитываемый функциональными преобразованиями и реализуемый преимущественно в коммуникативной сфере, является очень ограниченным и недолгосрочным ресурсом.

Существенное отставание популярности институтов власти от личного рейтинга Пашиняна демонстрирует потерю возникшей в период массовых протестов весны 2018 г. возможности изменения традиционной политической культуры в пользу усиления роли институтов и уменьшения роли личностей. Более того, увеличение разрыва между рейтингом институтов власти и лично Пашиняна поддерживает стабильность авторитета Пашиняна, воспроизводя традиционную для армянского общества авторитарную политическую культуру в новом (популистском) формате. Эти выводы могут иметь существенное значение для большинства постсоветских стран (включая Россию), демонстрируя, в частности, недостаточность коммуникативной составляющей политического лидерства протестного типа и ее второстепенность по сравнению с функциональной составляющей, обеспечивающей эффективность власти в долгосрочной перспективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

Атанесян А.В. «Бархатная революция» в Армении: потенциал, достижения и риски политикопротестной активности // Полис. Политические исследования. 2018. № 6. С. 80–98. [Atanesyan A.V. (2018) 'Velvet Revolution' in Armenia: Potential, Gains and Risks of Political Protest Activity. *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [POLIS. Political Studies]. No. 6: 80–98. (In Russ.)].

Атанесян А.В. Влияние социальных сетей на протестное поведение (на примере Армении) // Социологические исследования. 2019. № 3. С. 73–84. [Atanesyan A.V. (2019). The Impact of Social Networks on Protest Activities (The Case of Armenia). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 73–84. (In Russ.)].

Наумов А.О. Роль неправительственных организаций в «цветных революциях» // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 71. С. 207–225. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2018/vipusk__71._dekabr_2018_g./problemi_upravlenija_teorija_i_praktika/naumov.pdf (дата

обращения 06.06.2019). [Naumov A.O. (2018). The Role of Non-Governmental Organizations in 'Color Revolutions'. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik* [Public Administration. E-Journal]. No. 71: 207–225. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2018/vipusk__71._dekabr_2018_g./problemi_upravlenija_teorija_i_praktika/naumov.pdf (accessed 06.06.2019). (In Russ.)].

Родькин П.Е. Революция потеряла цвет. «Цветные революции» 2004–2014: гуманитарный и коммуникационный феномен войны нового типа. М.: Совпадение, 2015. [Rodkin P.E. (2014) *Revolution Lost its Color. 'Colored Revolutions' of 2004–2014: Humanitarian and Communicative Phenomenon of a New Type War.* Moscow: Sovpadenie. (In Russ.)].

Сундиев И.Ю., Смирнов А.А. Теория и технологии социальной деструкции (на примере «цветных революций»). М.: Русск. биогр. ин-т; Ин-т эконом. страт., 2016. [Sundiev I.Y., Smirnov A.A. (2016) *Theory and Technology of Social Destruction.* Moscow: Russk. boigr. in-t; In-t ekon. strat. (In Russ.)].

Giragosian R. (2019). *Paradox of Power: Russia, Armenia and the Europe after the Velvet Revolution.* European Council on Foreign Relations. August. URL: https://www.ecfr.eu/page/-/russia_armenia_and_europe_after_the_velvet_revolution.pdf (accessed 04.09.2019).

Shirinyan A. (2019). *Armenia's Foreign Policy Balancing in an Age of Uncertainty*. Research Paper. Chatham House, Russia and Eurasia Programme, March. URL: https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/2019-03-14-Armenia3.pdf (accessed 04.09.2019).

Статья поступила: 01.07.19. Финальная версия: 05.09.19. Принята к публикации: 09.09.19.

POST-PROTEST ATTITUDES IN THE ARMENIAN SOCIETY

ATANESYAN A.V.*, POSUKHOVA O.Yu.**

**Yerevan State University, Armenia; **Institute of Sociology and Regional Studies of Southern Federal University, Russia*

Arthur V. ATANESYAN, Dr. Sci. (Polit.), Prof., Head of Applied Sociology Department, Faculty of Sociology, Yerevan State University, Yerevan, Armenia (atanesyan@yandex.ru); *Oxana Yu. POSUKHOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia* (belloks@yandex.ru).

Acknowledgements. The research was supported by Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia. The authors thank colleagues for their support in the field studies.

Abstract. Results of a study conducted one year after mass protests in Armenia ('Velvet Revolution') of spring 2018 are presented and discussed in the article. The aim of the study is to examine public attitudes towards gains and outcomes of the power change in Armenia, towards effectiveness of new ruling elites, as well as to measure rating of prime-minister Nikol Pashinyan and level of public support for the post-revolutionary elites. One of the hypotheses is that being a protest leader, Pashinyan is still perceived separately from institutional forms of political power, so that growing gap between public trust to him personally and to political institutions and other individual representatives will continue feeding his authoritarian leadership. While personal image of Pashinyan is still based on his direct communication with public both offline and online, political institutions are criticized for the lack of political reforms directed to acute socio-economic problems; if deepened, this critics might finally question legitimacy of Pashinyan himself. Besides, although former opposition came to power with slogans of struggle against authoritarian regime of the previous elites, there is still a high risk of reproducing of the same authoritarian political culture in a new populist form.

Keywords: mass political protests, 'Velvet Revolution', public attitudes, trust, leadership.

Received: 01.07.19. Final version: 05.09.19. Accepted: 09.09.19.

УДК 94 https://doi.org/10.33619/2414-2948/52/66

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ АРМЯНСКОЙ ДИАСПОРЫ В УЗБЕКИСТАНЕ И ЕЕ ВКЛАД В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ СТРАНЫ

©Далакьян Ж. С., *ORCID: 0000-0002-8618-8512, Ташкентский архитектурно строительный институт, Ташкент, Узбекистан, janet22@mail.ru*

HISTORY OF FORMATION OF THE ARMENIAN DIASPORA IN UZBEKISTAN AND ITS CONTRIBUTION TO THE SOCIO-ECONOMIC TRANSFORMATION OF THE COUNTRY

©Dalakian J., *ORCID: 0000-0002-8618-8512, Tashkent architecture and civil engineering institute, Tashkent, Uzbekistan, janet22@mail.ru*

Аннотация. Рассматривается история становления армянской диаспоры в Республике Узбекистан и ее вклад в социально–экономическое преобразование страны. Основное внимание уделено правовым аспектам этнополитики, предоставлению равных возможностей для развития всех народов, населяющих Узбекистан. Также рассматривается становление и развитие национальных культурных центров, способствующих развитию самобытной культуры и традиций, контактирование с исторической родиной на примере армянской диаспоры.

Abstract. This article is dedicated to the history of formation of the Armenian diaspora in the Republic of Uzbekistan and its contribution to the socio–economic transformation of the country. Major attention in the article is paid to legal aspects of ethnic politics, provision equal opportunities of developing all the people inhabiting Uzbekistan. Special attention is paid to the establishment and development of national cultural centers that promote indigenous culture and traditions, contacting with their historical homeland, on the example of the Armenian diaspora.

Ключевые слова: Узбекистан, этнополитика, национальные культурные центры, этнические группы, культура, традиции, права человека.

Keywords: Uzbekistan, ethnic policy, national cultural centers, ethnic group, culture, tradition, human rights.

Миру не хватает мира. С этой фразы мы хотим начать свой разговор о единстве и сплоченности различных наций в мире. Под этим высказыванием подразумевается, прежде всего, многовековое межкультурное и межэтническое взаимодействие. И у Узбекистана — уникальнейший опыт этого взаимодействия [1]. Исторически узбекский народ бок о бок жил с представителями самых различных религий и вероисповеданий. Однако изумляет даже не это. А то, что люди бережно пронесли сквозь тысячелетия традиции толерантности и добрососедства и значительно их обогатили. В связи с этим, в последние годы в Республике Узбекистан этнологические исследования занимают лидирующие место среди молодых ученых.

Проблемы этнокультурных механизмов и межэтнических связей все чаще становятся предметом межгосударственных и общественных дискуссий. Научное сообщество непосредственно связано с этими процессами. Фундаментальный вклад в решение этой

Т. 6. №3. 2020
DOI: 10.33619/2414-2948/52

проблематики вносит Институт истории Академии наук Республики Узбекистан. Этому крупнейшему научному центру более 70 лет и в его стенах трудились крупнейшие ученые–историки Узбекистана XX века. Амплитуда научных направлений Института весьма велика: от древности до новейшей истории.

Тематика этнополитических исследований в свою очередь заинтересовала и нас, потому что она тесно связана с актуальными проблемами современности. Были проведены исследования в области современных социокультурных характеристик существующих диаспор на территории Республики Узбекистан, проблемам их адаптации к новым социально–экономическим и политическим условиям того государства, где они проживают. В данной статье хотелось бы поделиться нашими результатами в области изучения истории национальных этнических групп, проживающих в Узбекистане, на примере изучения истории формирования армянской диаспоры.

Актуальность темы нашего исследования состоит в том, что в современном мире увеличилось роль диаспоры в функционировании страны, где она проживает и ее исторической родины. Природа миграционных процессов берет свое начало из древнейших времен и связана с различными социальными, экономическими и религиозными факторами. Результатом масштабного роста миграционных потоков становится образование диаспор. За последние 70 лет в три раза увеличилась численность мигрантов [2–3].

В связи с образованием новых субъектов мировой политики происходят изменения во всех сферах жизнедеятельности принимающего национального государства. Значительные изменения касаются и сферы политики, потому что принимающее государство вынуждено при проведении своей внешней и внутренней политики принимать во внимание нужды и интересы диаспор, которые проживают на ее территории [4–5]. Имеются в виду этнические группы, которые способны быть не только средством реализации политики в интересах своей малой родины, но для осуществления собственных интересов исторической родины.

В основном диаспоры интегрируются и активно привлекаются во все сферы деятельности в государствах, где они проживают и работают. Таким образом, исследование исторических особенностей образования армянской диаспоры в Узбекистане, а также детальный политологический анализ ее структуры дает возможность наиболее полно понять место и роль диаспор в политической системе Республики Узбекистан.

В ходе исследования широко применялся общенаучный метод — контент–анализ. Этот метод позволил рассмотреть сущность и характерные особенности понятия диаспора, определить роль этнических групп в политической системе Республики Узбекистан на основании изученной нормативно–правовой базы и ежегодных отчетов, на примере истории становления армянской диаспоры в Узбекистане.

Как известно из исторических источников, армянская диаспора берет начало своего существования в Среднеазиатском регионе в III–IV вв. н. э., что связано с распространением христианства. Преследуемые в Римской империи сторонники новой религии ринулись на Восток в Иран, Среднюю Азию и Восточный Туркестан. Находясь в политической зависимости от Ирана, Армения одна из первых приняла христианство в качестве официальной религии.

Как показывают результаты нашего исследования, распространение христианства в Средней Азии связано не только с притеснениями людей новой веры в Сасанидском Иране и Византии, но и с торговлей на Великом шелковом пути. В составе миссионерских групп часто были купцы–христиане, большинство из которых по своей национальности были армянами. Некоторые торговцы и миссионеры остались здесь навсегда. Попадали в Среднюю Азию армяне и в качестве солдат для армий, как Ирана, так и Парфии. Так, в 599 г. иранский

Т. 6. №3. 2020
DOI: 10.33619/2414-2948/52

шах ставит армянского полководца Смбата Багратуни во главе своего армяно–персидского войска и посылает его захватить страну кушанов. Одержав победу в этой войне, Смбат Багратуни подчиняет большой район Туркестана и становится здесь наместником.

Раскопки и сохранившиеся документы свидетельствуют о том, что на территории Средней Азии издавна проживали армянские поселения. В подтверждении этой информации на городище старого Термеза археологи обнаружили христианский храмовый комплекс, построенный по канонам армянской церковной архитектуры VII–VIII вв. Амир Темур привез в Самарканд большое количество армянских ремесленников строителей, ювелиров, оружейников и каменотесов. Подтверждение этому факту мы нашли в книге испанского путешественника Рюи Гонзалеса де Клавихо. Во время второго похода Темура из юго-западной Армении в Самарканд было переселено почти все ее население. Вместе с пленными армянами в Самарканд попал священник Карапет Джугаеци. Вскоре он стал католикосом местных христиан. Впоследствии, при Улугбеке, небольшая часть армян была обращена в мусульманство. Однако многие оказали сопротивление и остались христианами.

В различные регионы Средней Азии, преимущественно в города, армяне группами и в одиночку переселялись и в последующие века. Это были торговцы и ремесленники, селившиеся не только в крупных, но и в провинциальных городах, даже на границе с Китаем и Индией. Особенно тесные связи армянские купцы из Ирана, Турции и Индии имели с деловыми людьми Бухарского и Кокандского ханств.

В середине XIX в. выходцы из Армении, главным образом мужчины, появились в Туркестане в ходе завоевания имперской Россией Средней Азии. Они переселялись из Западной Армении, Зангезура и Карабаха. Строительством железной дороги Красноводск-Самарканд способствовало активному освоению армянами центральных районов Туркестанского края. Имперские власти на первых порах поддерживали армян, стремившихся жить и работать в Средней Азии. Когда же поток переселенцев стал расти и армяне Кавказа, Турции и Ирана стали заселять города Зарафшанской и Ферганской долин, а также Ташкент, российская администрация приняла решение ограничить его. Это было вызвано опасением, что опытные армянские купцы и предприниматели вытеснят русских из экономики Туркестанского края.

По данным статистики, в 1895 г. в Самаркандской области проживало 167 армян, из них в самом Самарканде 161 из которых 153 были мужчинами. Если в первые годы после российского завоевания в Самаркандской, Ферганской областях проживало армян меньше, чем в других районах Средней Азии, то за десять лет, с 1902 по 1913 г., армянское население Ферганской области увеличилось на 2130 чел. и составило 3292 чел., из них в городах 1602 чел., на селе 1690 чел. Цифры показывают, что, несмотря на ввод ограничений со стороны царской администрации, число армянских переселенцев в Туркестанском крае продолжало расти. Естественно, расширялась и сфера их жизнедеятельности в городах, появились ремесленные мастерские и фабрики, винодельни, бани, гостиницы, доходные дома и рестораны, магазины, основанные ими. Немало армян находилось на государственной и военной службе.

С конца XIX века на территории нынешнего Узбекистана учреждаются армяно-григорианские приходские школы. Преподавание в них, за исключением Закона Божьего, строго предписывалось вести на русском языке. В начале XX века Армянская диаспора становится все более устойчивой в хозяйственном отношении и ее благосостояние неуклонно растет.

Т. 6. №3. 2020
DOI: 10.33619/2414-2948/52

В 1908 г. и в Ташкенте была построена армяно–григорианская церковь. А в начале 20-х гг. в Туркестанской республике формируется Армянское Центральное бюро. При нем поэтапно было создано 13 школ, три дошкольных учреждения, клуб и три библиотеки.

В советский период Армянская диаспора Узбекистана еще более увеличилась, как за счет естественного прироста, так и в связи с миграцией отдельных семей и специальным переселением из Армении. В 1970-х гг. только в крупных городах республики, таких как Ташкент, Самарканд, Коканд, Андижан, Бухара проживало более 50 тысяч армян.

В настоящее время в Республике Узбекистан проживает 30,5 млн человек. Этнические особенности населения Узбекистана не являются препятствием для межнационального согласия и внутригосударственной и национальной интеграции. Руководство Узбекистана находит преимущественный подход в национальной политике, чтобы поддержать дух гармонии между различными этническими общностями независимо от их численности. Эта целевая, хорошо продуманная национальная политика способствует развитию процесса активизации передовых социальных слоев неузбекского населения, рождению и формированию у представителей всех народов Узбекистана сознания общегосударственного национально–политического единства, чувства патриотизма и гордости за свою страну.

В 1989 году в Ташкенте появился первый в Республике Узбекистан армянский культурный центр, поставивший целью изучение и передачу подрастающему поколению многовекового культурного наследия своего народа. Созданные позже армянские центры, в их числе в Самарканде и Андижане, в 2001 г. объединились с ним в Армянский национальный культурный центр Узбекистана, что стало наглядным подтверждением динамично проводимой в республике политики поддержания и развития духовных потребностей ее граждан. Здесь успешно реализуют социальную, молодежную, межнациональную и культурную программы. С 1993 года при центре открыт и успешно действует лингвистический кружок, где все желающие обучаются основам языка и 1600-летней письменности армянского народа. При Армянском центре действуют студии изобразительного и прикладного искусства «Арвест», танцевального — «Эребуни», драматического — «Дар». Спортивная секция центра инициировала проведение турнира по мини–футболу среди национальных культурных центров, а команда «Апага» трижды становилась чемпионом. Сборная КВН центра «Ташкентские армяне» прославилась как чемпион высшей лиги КВН Узбекистана.

С 2006 г. выходит журнал узбекистанских армян «Депи Апага» — «К будущему». Его идейным вдохновителем стал Шарль Азнавур, в качестве почетного гостя международного фестиваля «Шарк тароналари» встречавшийся с армянской общиной Узбекистана. По инициативе журнала работает клуб «Наш очаг», чьи литературно–музыкальные вечера в Доме–музее Тамары Ханум стали популярны среди широкой общественности столицы.

Армянские церкви в Самарканде и Ташкенте стали очагами духовности, в сотрудничестве с которыми центр празднует Рождество, Пасху, старинные традиционные праздники Тэарндарач, Вардавар, Освящения винограда и День Святых переводчиков.

На примере жизненного пути своих выдающихся соотечественников — народной артистки Тамары Ханум (1906–1991), музыкального деятеля Ашота Петросянца (1910–1978), народных художников Узбекистана Варшама Еремяна (1897–1963), Оганеса Татевосяна (1889–1974), Николая Карахана (1900–1970), руководителей крупных производств Узбекистана, в числе которых Александр Мелкумов — в центре учат патриотизму, любви к своему народу и развитию собственной личности. Поддержание народных традиций — прекрасная в своей величавой мудрости школа, способствующая развитию духовных ценностей.

Т. 6. №3. 2020
DOI: 10.33619/2414-2948/52

По состоянию на 2020 год армянская диаспора в Республике Узбекистан насчитывает более 42359 тысяч человек. В Узбекистане ведут свою деятельность ряд общественных объединений армянской диаспоры. Функционирование этих организаций, в основном, направлена на разного характера помощь представителям армянской диаспоры, как юридическую, так и моральную, сосредоточена вокруг изучения и распространения армянской культуры и языка.

В ходе нашего исследования были определены следующие основные задачи армянской диаспоры в Узбекистане:

Укрепление региональных армянских диаспор через формирование институтов сотрудничества с государственными органами власти городского, областного и регионального уровня.

Поддержка в получении образования и последующем трудоустройстве нуждающихся в этом представителей диаспоры, особенно молодежи.

Формирование требуемых условий, содействующих развитию региональных мультинациональных общественных организаций с целью солидарного сотрудничества.

Содействие интеграции представителей диаспоры в общественно политическую жизнь Республики Узбекистан.

Армяне внесли заметный вклад в развитие экономики, искусства, культуры и просвещения Республики Узбекистан. Имена наиболее известных представителей этого народа навсегда вошли в историю Узбекистана. Среди них — известная танцовщица Тамара Ханум, народные художники Узбекистана: В. Еремян, О. Татевосян, Н. Карахан, Р. Агбальян, Р. Аванян, музыкальный деятель — А. Петросянц, который в 1938 г. создал Узбекский оркестр реконструированных народных инструментов, музыковед Т. Головянц, Г. Урекелянц — журналист и писатель, соавтор гимна СССР, ученый–кристалловед Х. Багдасаров, доктор физико–математических наук, профессор, А. Григорян — бывший боксер, чемпион мира, В. Абрамов — бывший футболист, ныне футбольный тренер, который возглавляет сборную Узбекистана и многие другие.

Полученные результаты нашего исследования могут быть использованы для дальнейшего теоретического изучения и определения места и значения диаспор в политической системе современного общества. Сформулированные положения и выводы проведенного исследования могут быть применимы в учебном и научно–исследовательском процессе.

В Узбекистане, древней жемчужине Востока, веками формировался баланс межнационального согласия. Сегодня здесь, наряду с узбеками, проживают представители более 120 других наций и народностей. И всем им, гражданам Республики Узбекистан, Конституцией страны гарантированы равные права, свободы и недопустимость преследования. Демонстрируется уважительное и равноправное отношение к религиозным чувствам верующих любых конфессий. Здесь, в Узбекистане 21 века, придерживающемся демократических принципов устройства, нет проблем, связанных с дискриминацией на национальной и религиозной почве. Народ Узбекистана, твердо следуя по соответствующему внутренним реалиям пути развития, посредством диалога культур, добился вполне примечательных успехов.

Армяне Узбекистана, проживающие в диаспоре, вдали от своей исторической родины, имеют все необходимые условия для поддержания и дальнейшего развития своей Общины, удовлетворения всех ее запросов.

Познавая свою страну, мы познаем себя. Ведь у нас за спиной долгая многовековая история с множеством эпизодов, достойных почитания. Так, истоки дружеских контактов

между узбеками и армянами уходят в далекое прошлое. В древности, благодаря Великому Шелковому пути, контакты наших народов способствовали взаимообогащению. В наших характерах — много общих черт, в частности, радушие, гостеприимство и взаимное доверие, но много и различий. И это замечательно. Ведь общаясь, мы познаем друг друга, определяем для себя истинные ценности, что помогает нам постичь самих себя и приблизить нас к своим корням.

Список литературы:

1. Ата-Мирзаев О., Гентшке В., Муртазаева Р. Узбекистан многонациональный: историко-демографический аспект. Ташкент, 1998.
2. Григорьянц А. А. Армяне в Средней Азии (вторая половина XIX в.). Ереван, 1984.
3. Акопов С. В., Розанова М. С. Идентичности в эпоху глобальных миграций. СПб., 2010.
4. Ачкасов В. А. Этнополитология. М.: Юрайт, 2015.
5. Грифельд Л. Пять путей к современности. М., 2008.

References:

1. Ata-Mirzaev, O., Gentshke, V., & Murtazaeva, R. (1998). Uzbekistan mnogonatsional’nyi: Istoriko-demograficheskii aspekt. Tashkent. (in Russian).
2. Grigoryants, A. A. (1984). Armyane v Srednei Azii (vtoraya polovina XIX v.). Erevan. (in Russian).
3. Akopov, S. V., & Rozanova, M. S. (2010). Identichnosti v epokhu global’nykh migratsii. St. Petersburg.
4. Achkasov, V. A. (2015). Etnopolitologiya. Moscow. (in Russian).
5. Grifeld, L. (2008). Pyat’ putei k sovremennosti. Moscow. (in Russian).

Работа поступила в редакцию 07.02.2020 г.

Принята к публикации 18.02.2020 г.

Ссылка для цитирования:
Далакьян Ж. С. История становления армянской диаспоры в Узбекистане и ее вклад в социально-экономическое преобразование страны // Бюллетень науки и практики. 2020. Т. 6. №3. С. 555-560. https://doi.org/10.33619/2414-2948/52/66

Cite as (APA):
Dalakian, J. (2020). History of Formation of the Armenian Diaspora in Uzbekistan and Its Contribution to the Socio-Economic Transformation of the Country. *Bulletin of Science and Practice, 6*(3), 555-560. https://doi.org/10.33619/2414-2948/52/66 (in Russian).